ДОКТОР ЛИЗА

ГЛИНКА

«Я всегда на стороне слабого»

ДНЕВНИКИ, БЕСЕДЫ

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Елизавета Глинка (1962–2016), известная как Доктор Лиза, — врач-реаниматолог, специалист по паллиативной медицине. Основала первый хоспис в Киеве, курировала хосписную работу в городах России, в Сербии и Армении; создала международную общественную организацию «Справедливая помощь»; лечила, кормила и обеспечивала бездомных; организовывала эвакуацию больных и раненых детей из Донбасса. Трагически погибла в авиакатастрофе над Черным морем 25 декабря 2016 г., сопровождая партию лекарств и оборудования для госпиталя в Сирии.

В основу книги легли дневники Доктора Лизы; вторую часть составляют беседы с Елизаветой Глинкой, в которых она много говорит о «Справедливой помощи», своих подопечных и — совсем немного — о себе. В книгу также вошли мемуарный очерк Глеба Глинки и предисловие Ксении Соколовой.

Книга содержит нецензурную брань.

- Доктор Лиза Глинка
  - ○
  - ○
  - ○ Ксения Соколова
  - ○ Дневник Доктора Лизы[1]
  - ○ Беседы с Елизаветой Глинкой
    - ■ Елизавета Глинка в «Школе злословия»[41]
    - ■ Взрослые о детстве: Елизавета Глинка
    - ■ Дети задают вопросы Елизавете Глинке
    - ■ «Мы спасаем тех, кого называют “сброд”»
    - ■ «Любого человека можно уговорить»
    - ■ «Импотенция — это когда женщина ездит на войну спасать детей, а мужчины поливают ее за это дерьмом»
  - ○ Глеб Глинка
  - ○ Фотографии
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

Доктор Лиза Глинка
«Я всегда на стороне слабого»
дневники, беседы
сост. С. Алещенок

В книге использованы фотографии Олега Баженова, Игоря Гаврилова, Алании Журкиной, Антона Буценко; агентств ИТАР-ТАСС и РИА Новости, а также из личного архива Глеба Глинки, Ильи Швеца, Ксении Соколовой.

Елизавета Петровна Глинка (20.02.1962–25.12.2016), которую многие знали как Доктора Лизу, родилась в Москве в семье военного инженера Петра Константиновича и врача Галины Ивановны Поскрёбышевых. Училась в школе № 74 на улице Пырьева. Окончила 2-й Московский государственный медицинский институт им. Н. И. Пирогова по специальности врач-реаниматолог. Позднее, когда вышла замуж за американского гражданина русского происхождения Глеба Глебовича Глинку и переехала в США, штат Вермонт, прошла обучение по специальности паллиативная медицина в Дартмутской медицинской школе. В 2001 году жила с мужем в Киеве, где основала первый на Украине хоспис и выездную патронажную службу при городской онкологической больнице. В 2007 году, вернувшись в Москву, чтобы ухаживать за матерью, перенесшей инсульт, создала международную общественную организацию «Справедливая помощь», которая обеспечивает неизлечимо больных, бездомных и малоимущих лекарствами, питанием, медицинской и материальной помощью. Курировала работу по организации хосписов в Сербии, Армении, а также в нескольких городах РФ. После начала вооруженного конфликта на юго-востоке Украины в 2014 году занималась оказанием гуманитарной и медицинской помощи населению самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик, организовывала эвакуацию больных и раненых детей для лечения в России. Елизавета Глинка была учредителем и президентом американского фонда *VALE Hospice International*, членом правления российского фонда помощи хосписам «Вера», Американской академии хосписной и паллиативной медицины, попечительского совета Фонда содействия реабилитации людей с проблемами слуха «Страна глухих», входила в состав Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам

человека и в число учредителей общественного объединения «Лига избирателей», выступающего за проведение честных выборов. За свою благотворительную деятельность отмечена Государственной премией Российской Федерации, Орденом Дружбы, знаком отличия «За благодеяние», Орденом Андрея Первозванного, Орденом святителя Луки Крымского, медалью «Спешите делать добро» и другими наградами.

Родила двух сыновей и усыновила ребенка одной из своих подопечных, которая умерла от рака.

Елизавета Петровна Глинка погибла в авиакатастрофе над Черным морем 25 декабря 2016 года, сопровождая партию лекарств и оборудования для университетского госпиталя Тишрин в сирийской Латакии. Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Ксения Соколова
Дар Лизы
Вместо предисловия

«Доктор Лиза» — это ник, под которым Елизавета Глинка в 2005 году начала вести блог в «Живом журнале», чтобы рассказывать истории неизлечимых раковых больных, проживающих свои последние дни, часы, минуты в основанном ею хосписе в Киеве. Она верила в то, что абсолютно каждый человек, кем бы он ни был в жизни, чем бы ни прославился и что бы ни натворил, имеет право уйти достойно — без боли, без унижений, не брошенный, не забытый. Эту веру Лиза пыталась пробудить и в своих читателях. Когда ее благотворительная деятельность начала расширяться, блог во многом стал служить инструментом для координации помощи и безнадежным пациентам, и бездомным, и малоимущим, и пострадавшим от лесных пожаров, и всем, кто за этой помощью обращался. Но человеческие истории в нем остались. Лиза писала их легко, не подбирая мучительно слова, не редактируя, на одном дыхании, часто ночью после тяжелейшего дня. Несколькими точными штрихами она могла нарисовать удивительно яркую и живую картинку, в нескольких репликах уместить сложный сюжет, раскрыть непростой характер. И хотя к своему «литературному творчеству» она относилась крайне не серьезно, совершенно очевидно, что Лиза обладала подлинным писательским дарованием.

В первой части этой книги собраны многие из ее зарисовок, каждая из которых по-своему показательна — действующими лицами, ситуацией, обстановкой, языком, просто часом публикации, отображенным автоматическим таймером. Показательно и то, что в своем ЖЖ она очень мало писала о себе. Но то, как она говорила о других, помогает лучше понять и увидеть ее саму. Вообще язык всегда выдает человека, и если читать внимательно, можно заметить некоторые изменения, которые происходили с самой Лизой. Например, момент, когда из ее лексикона бесследно пропали «бомжи» и появились «бездомные». Ее истории подчас трудно читать без слез. Но вам захочется плакать не только от жалости, безысходности, беспомощности, — иногда вы будете до слез смеяться, потому что несмотря на то, что Лизу окружала плотная завеса чужого горя, жизнь все-таки состоит не из одной только драмы, в ней есть

место и комедии, и эту комичность Лиза всегда подмечала и мастерски умела передавать.

Вторую часть книги составляют избранные интервью Лизы, в которых ей все-таки волей-неволей приходится говорить и о себе. Опять же очень скупо. И не из-за того, что она хотела что-то утаить. Скрывать ей было почти нечего. Просто любую возможность высказаться она пыталась использовать для того, чтобы в первую очередь рассказать о тех, кто нуждается в помощи. Немедленной, безотлагательной, потому что это вопрос жизни и смерти. А о себе — впроброс, как-нибудь потом… Теперь рассказать о ней могут только другие.

Приведенный ниже текст я написала сразу после гибели Лизы — на тот момент я еще не знала, как удивительно развернутся обстоятельства и что я стану президентом «фонда» Доктора Лизы. Я просто старалась сказать что-то самое важное о своей близкой подруге. Текст получился личным и эмоциональным. Я отдаю себе отчет, что для книжного предисловия подобная эмоциональность может показаться излишней — но лучше я не скажу.

С Лизой Глинкой я познакомилась около десяти лет назад. Пришла в подвал на Пятницкой со своим другом Антоном Красовским. Помню, была в каком-то белом кружевном платье. В подвале было темно, и вокруг Лизы тесно сидели люди — словно адепты вокруг гуру. Мне эта мизансцена не понравилась, Лиза с первого взгляда показалась благотворительницей-кликушей. Таких я знала. Меня посадили за стол. Лиза молча протянула пачку дешевых сигарет. Я не курила, но сигарету взяла и закурила. По тому, как моя визави посмотрела, я поняла, что выдержала какой-то экзамен. Потом мы выяснили, что я Лизе тоже сразу не понравилась, показалась гламурной.

Тем не менее в отношении друг друга мы сориентировались очень быстро. Кружева мои и прочая маскировка доктора не обманули — она безапелляционно определила меня как объект, нуждающийся в ее заботе. В ответ на мои возражения или попытки шутить Лиза серьезно говорила: «Не спорь, дурочка. Я все о тебе знаю. Я твоя вторая мама».

Мало о чем в этой жизни я готова судить с уверенностью. Но могу точно сказать, что Лиза меня любила. Проявления этой любви иногда ставили в тупик. Так, она всерьез опасалась, что я могу стать бомжом. Просила, чтобы я показала паспорт с московской пропиской; допытывалась, почему я снимаю квартиру и есть ли у меня деньги, чтобы за нее платить. Как бы между прочим намекала, что если я решу что-нибудь нехристианское с

собой сделать, то сначала надо позвонить ей. Вынудила меня пообещать.

Степень фантасмагоричности этих обетов легко оценить, представив две наши фигуры за столом в тесном подвале, где обитает ее «фонд»: маленькую Лизу в медицинском халате с глазами огромными, словно космические радары, и ее непутевую «дочу» — в «шанелях» и «эрмесах», в отличие от названой «мамы» весьма рослую и всем видом излучавшую довольство и благополучие, завидные в прямом смысле. То, что это излучение — тщательнейшим образом спроектированная оптическая иллюзия, скрывающая далекую от оптимизма реальность, не догадывался из моих друзей и близких почти никто. Или не хотел догадываться. Лизиным радарам, чтобы просветить меня насквозь, понадобилось две-три встречи.

Не будучи ни гламурной, ни дурочкой, я тоже Лизу просекла. «Моим глазам свидетелей не надо», как говорят в тех бараках: я быстро догадалась, что передо мной *rara avis*, редчайший тип человеческого устройства, соответствующий понятию «святой» в его изначальной, необесцененной сути.

Ни до ни после знакомства с Лизой действующих святых мне встречать не доводилось. Но в моей семье был пример — прадед-священник, российский новомученик, отдавший за веру жизнь. Те, кто помнил прадеда, свидетельствовали о его необычайной доброте и праведности, при этом отмечая упрямый, вспыльчивый характер. В детстве я любила слушать рассказы об отце Иване, о том, как он чуть что грозил граду и миру деревянной палкой, на которую опирался из-за больной ноги. Несмотря на свой мученический, героический ореол, прадед всегда вызывал во мне глубокую нежность и ощущение покоя, словно я плыла по теплому морю или спала под слоем легкого, облачного снега. Эти дивные, детские чувства вернулись ко мне единственный раз в жизни — их объектом неожиданно оказалась Лиза. Собственно, по этим движениям своего сердца я и вычислила, кто передо мной.

Агиография — жанр, от которого в данном случае мне хотелось бы отказаться в пользу более рационального подхода. Занимаясь репортерской работой, описывая то или иное редкое, сложное для понимания явление, я обычно ставила своей задачей простыми, понятными читателю словами ответить на вопрос «Как это устроено, каков основной принцип действия?». Попробую применить этот подход, чтобы описать такое явление, как Лиза.

Мне кажется, ее уникальной отличительной особенностью было то, что к базовым потребностям человека, таким как воздух, вода, пища, сон, в ее случае была добавлена еще одна —

потребность помогать тем, кому плохо, кто оказался в беде. То есть она буквально НЕ МОГЛА не помогать, как мы не можем не дышать, не пить или не спать несколько суток. Причем помогать она должна была собственноручно: держать на своих руках умирающих и больных, своими руками выводить детей из-под огня, своими руками кормить и перевязывать раны бездомным, своими руками хоронить тех, кого хоронить было некому. Она была словно тончайший, высококлассный инструмент, настроенный так, чтобы улавливать сигналы бедствий, в особенности от тех, кто даже рассказать не мог о своем несчастье, поскольку был слишком мал, стар, болен или же настолько убог, что и сам уже перестал считать себя кем-то, достойным помощи.

Другой поразительной чертой Лизы было то, что естественный для человека инстинкт испытывать страх, брезгливость, желание отстраниться при виде чужого несчастья, болезни, смерти был заменен в ней на прямо противоположный: чем более глубоки и страшны раны, тем сильнее и непреодолимее желание их излечить. На этом пути для нее не существовало препятствий, она двигалась к цели упорно, словно маленький танк, иногда буквально шла сквозь огонь. Чтобы добиться своего — организовать хоспис, накормить бездомных, вывезти из зоны обстрела детей, — она проявляла неимоверную настойчивость, твердость духа и чудеса изобретательности. Она применяла — в широком смысле — правило американской «уличной медицины»: если больной не может прийти к врачу, врач сам идет к больному.

Если взять это правило за жизненную основу, мир становится очень простым. Например, вы врач и вас просят осмотреть бездомного, у которого рак, вы идете к Павелецкому вокзалу и обнаруживаете там сотни других бездомных. Вы организовываете фонд, приобретаете б/у машину скорой помощи и начинаете ездить на вокзал с полевой кухней и запасом медикаментов. Когда кто-то из ваших подопечных умирает, вы делаете все возможное, чтобы тело не бросили в общую яму в полиэтиленовом мешке: договариваетесь со священником и службой «Ритуал», оплачиваете расходы из своего кармана, стоите у могилы, в которую опускают гроб. Или, например, вы узнаете, что человек умирает от смертельной болезни в своей квартире, куда его выписали, потому что сделать уже ничего нельзя. А он в сознании, все чувствует, понимает и испытывает боль, которую трудно себе представить. Вы узнаете адрес, берете сумку с лекарствами и едете к умирающему. Вы кормите его, моете, если нужно, но самое главное, вы сидите с ним в обнимку, если он может сидеть, или ложитесь рядом и прижимаетесь. Так делала Лиза. Эти «объятия» были одним из самых удивительных

уроков, который она, всегда избегавшая поучений, мне преподала.

В качестве корреспондента мне доводилось бывать на войне, в горячих точках, видеть людей в состоянии глубокого горя, которое делало их совершенно безучастными к миру. Было очевидно, что в таком состоянии человек не только не способен отвечать на вопросы, он не видит и не слышит, так что раздайся здесь и сейчас трубный глас или ядерный взрыв, он просто не заметит. От этого зрелища у меня переворачивалось сердце; никакая опасность, никакой обстрел не действовали настолько угнетающе, не внушали такого чувства беспомощности. Я не понимала, как себя вести. Говорить слова, пытаться утешать, просто тупо сидеть?.. Я перепробовала все варианты, и все они казались фальшивкой, в конце концов я просто старалась смыться под каким-то предлогом. В те годы я еще не знала Лизу. Познакомившись с ней, я воочию увидела, что надо делать, когда кажется, что сделать ничего нельзя. Человека, погруженного в душевную боль, надо крепко обнимать. И так сидеть, молча, тесно прижавшись, напрямую отдавая тепло, столько, сколько понадобится и насколько у вас хватит терпения и сил. Дается это непросто — разжав объятия, вы останетесь опустошены, выжаты, словно тряпка. Вы, я, любой человек. Только не Лиза.

Я часто спрашивала ее: «Как ты все это делаешь и не сходишь с ума?» Думаю, меня лишила бы рассудка одна неделя с таким расписанием: раненые дети, паллиативные больные, нищие, бездомные, вокзал, перевязки, похороны и т. д. Бесконечный, неиссякаемый поток человеческого несчастья, который с годами только прибывал. В ответ на мои вопросы Лиза улыбалась — а улыбка у нее была широкая, веселая, хулиганская, такая, что раз увидишь и никогда уже не забудешь, — и говорила: «Справляюсь!». Это была правда: казалось, то, что она делает, от чего любой нормальный человек за несколько дней выгорел бы, ей только прибавляло сил — в буквальном смысле.

Лиза была небольшого роста и очень хрупкая. Как-то, зайдя в подвал, я увидела, что она тащит огромные коробки, из-за которых ее едва видать. Пытаясь помочь, я подхватила коробки и чуть не упала, настолько они оказались неподъемными. Лиза стояла и, улыбаясь, смотрела на меня. Оказалось, эти коробки с медикаментами — последние из партии, остальные она уже перетаскала, и ей они не показались тяжелыми. Ее работа требовала не только физических сил, но силы духа и решительности. Когда дело касалось ее больных, Лиза была способна на что угодно. Чтобы срочно устроить кого-то в хоспис, найти обезболивающие и т. д., я уже не говорю про случаи, когда

что-нибудь требовалось больному ребенку, она преодолевала любые препятствия, звонила чиновникам любого уровня, днем или ночью, просила, а иногда диктовала тоном, не допускающим возражений, что требуется, а требовалось часто то, что не предусмотрено законом. Лизе было плевать на закон, если он не помогал облегчить участь конкретного человека. Причем чем ниже в социальной иерархии находился этот человек, тем настойчивее Лиза будила в неурочное время чиновников, независимо от ранга. В результате министр мог лично звонить в хоспис с целью проверить, хорошо ли устроен умирающий бездомный, получает ли морфий.

Была еще одна черта характера Лизы, которая поражала лично меня. Это ее идеальное, глубоко христианское представление о божественной природе человека, его достоинстве. В своей уверенности, что человек есть образ и подобие Божие, а потому его надлежит уважать, сострадать и оказывать помощь, даже если он находится в самом жалком состоянии, Лиза была абсолютно непоколебима. Подобную фанатичную, каменную убежденность описывают те, кто знал доктора Гааза. Лиза считала (и доказывала делом ежедневно!), что каждый человек имеет право на достойную жизнь, которое должно соблюдаться. И чем ниже стоит человек на социальной лестнице, тем больше — а не меньше! — у него должно быть прав не только на лечение, пищу и кров, но прежде всего на сострадательное, человечное отношение общества. Стоит ли говорить, что общество придерживалось относительно своих изгоев прямо противоположных воззрений. Но Лизу этот конфликт мало беспокоил, ее творческий метод был прост и неизменно эффективен: она брала за руку очередного подопечного и выводила из ада, принявшего на этот раз форму войны, больницы, отказавшейся принять пациента, обледенелой площади у вокзала или сборища фарисеев и ханжей. Я редко видела Лизу злой, но пару раз помню: когда она читала одну из многочисленных петиций мэру от жителей, которые жаловались, что она кормит грязных бомжей рядом с жилыми домами у Павелецкого вокзала, и когда ей привезли партию просроченных продуктов — «сойдет для бездомных». Положа руку на сердце, сошло бы, но Лиза устроила скандал: «Вы сами будете есть такое?! Нет? А почему вы считаете, что другие ЛЮДИ будут?»

Обыденные слова о том, что доброта и милосердие открывают сердца, что они есть самое сильное оружие, в случае Лизы не просто формальность или фигура речи. Годами, изо дня в день, добровольно занимаясь тяжелой, грязной, непосильной для большинства людей работой, сталкиваясь с неприятием и

даже ненавистью, не сдаваясь в самых безнадежных обстоятельствах, Лиза действительно завоевывала сердца.

В том числе сердца «сильных мира», олигархов, чиновников, которых трудно было заподозрить в наличии каких-либо сентиментальных чувств. Тем не менее редкое сочетание хрупкости, силы и бескорыстия действовало на облеченных властью мужчин, заставляя «держать спину» и предлагать свою помощь. Постепенно перед Лизой открывались двери самых высоких кабинетов, по ее просьбе поднимали в воздух самолеты и формировали поезда, ее вопросами занимались лично первые лица, ее буквально осыпали наградами, в конце концов, ей вручил Государственную премию президент Путин. Через неделю Лиза погибла.

Здесь мы подходим к тому, о чем мне трудно говорить. Речь идет об обстоятельствах гибели Лизы. День и ночь, начиная с проклятого 25 декабря, я прокручиваю в голове один и тот же сценарий: хоспис в Киеве — подвал на Пятницкой — Павелецкий вокзал — бездомные — бедные — больные — Дом милосердия — президентский совет — война в Донбассе — эвакуация детей — Госпремия — Сирия — Ту-154. Я думаю об этом так упорно, что из глубин бессонницы цепочка событий начинает являться мне в виде мерцающих цифр, какого-то дикого уравнения, в конце которого, как ни меняй местами вводные, неизменно возникает развалившийся в воздухе самолет. Я не могу повернуть вспять ход вещей, но могу точно назвать *point of no return.* Точкой невозврата для Доктора Лизы оказалась война. Ее путь в самолет начался в 2014 году с событий в Донбассе.

Я постоянно думаю о том, можно ли было тогда остановить Лизу, уговорить не ездить в Донецк за детьми, придумать какие-то железобетонные аргументы, чтобы она перестала вязаться с государством, которое очевидным образом ее использовало. Увы, я отлично знаю ответ. Остановить ее было невозможно. Она говорила: «Я не понимаю, как вообще можно находиться ЗДЕСЬ, когда ТАМ раненые и больные дети остаются без помощи?!» Это трудно объяснить людям, которые Лизу не знали, но в приведенной реплике каждое слово имело буквальный смысл. Ей действительно было необходимо любыми путями оказаться там, словно она была солдат, получивший приказ, подлежавший немедленному, беспрекословному исполнению.

Она была не солдат, а целый генерал, когда дело касалось логистики: четко и профессионально выстраивала эвакуационную цепочку Донбасс — Москва, задействуя все три стороны конфликта: Россию, Украину и ДНР, требуя коридора и

прекращения огня. Уважение к ней военных — не только российских — было так велико, что на время, пока дети ехали, стрельба прекращалась. В придуманной Лизой цепочке было только одно слабое звено: автобус с детьми должен был преодолеть несколько десятков километров степи, которую фактически не контролировала ни одна из сторон и которая простреливалась. Лиза с детьми и их родителями проделывала этот путь десятки раз. Однажды я была с ними в автобусе. Сначала мы двигались в абсолютной тишине: все были предупреждены, что это самый опасный участок дороги, и напряженно молчали. Время от времени нас тормозили обвешанные оружием люди в форме без опознавательных знаков на блокпостах. Лиза просила их не входить в автобус, чтобы не пугать детей. К концу пути, когда мы уже приближались к железнодорожной станции, в автобусе раздались тихие голоса — дети запели. И если на земле бывает ангельское пение, то настоящим я свидетельствую, что слышала его.

Ноябрь и часть декабря 2014 года я провела, путешествуя по Африке, почти не читая новостей. На первую заметку о Докторе Лизе я наткнулась, прокручивая ленту по дороге в Москву, в аэропорту города-героя Момбасы. Это было какое-то издание либерального толка. Речь шла о том, что Елизавета Глинка за свои услуги государству в качестве официальной «святой», а на самом деле ширмы, прикрывающей устроенную Кремлем резню в Донбассе, получит здание одной из московских больниц. Я очень удивилась, а потом открыла Фейсбук. Оказалось, что попавшаяся мне на глаза заметка — самая безобидная часть кампании травли, объектом которой оказалась моя подруга. Словно дождь из жаб, на мою бедную голову сыпались слова: коллаборационистка, сука, путинская святая, путинская подстилка, лгунья, подделала дипломы, воровка, крадет детей, присваивает деньги жертвователей, пиарится на крови и т. д. Мне хотелось захлопнуть ноутбук и помыться, но я не могла заставить себя встать и продолжала чтение. Какой-то инстинкт побуждал читать очень внимательно и запоминать каждое слово. Под спудом обиды, возмущения чудовищной ложью и несправедливостью, желания немедленно защитить Лизу, что-то всем доказать внутри меня крепла спокойная, свинцовая уверенность, что это мой момент истины, а потому не надо никуда бежать и ничего доказывать, надо оставаться на месте и спокойно читать, читать, читать. Потому что эта грязь и есть правда о мире.

Не сдержав порыва, я все-таки сделала несколько звонков и отправила пару мейлов «лидерам мнений» и либеральным публицистам, которые присоединились к кампании против Лизы,

из тех, с кем была знакома. Я пыталась объяснить, насколько они неправы и как им будет стыдно… Слабость, простительная человеку, у которого только что перевернулся мир. Впрочем, у меня хватило ума и выдержки отложить коробочку с бисером и позвонить Лизе. Мы договорились, что она зайдет в гости. Я представляла, как мы будем пить коньяк, жечь камин, читать Фейсбук, как посмеемся над этими придурками и как она улыбнется и хриплым голосом скажет: «Мы с Соколовой сделаем всех!» Я была уверена, что потоки грязи Лизы не достигают, в экстремальных ситуациях моя подруга демонстрировала железную выдержку и всегда всех подбадривала. Я никогда не видела, чтобы Лиза плакала. Поэтому я ожидала чего угодно, только не того, что произошло.

Едва за ее водителем закрылась дверь и мы остались вдвоем, Лиза упала в кресло и зарыдала. Она плакала горько, как ребенок, и этот поток слез было невозможно унять. Но и видеть это было не в человеческих силах, и тогда я сделала то, чему Лиза меня научила в начале нашей дружбы, — я ее обняла и стала укачивать, как когда-то своего маленького сына. Мы просидели так, может быть, час, метод прямой теплоотдачи сработал, Лиза успокоилась, перестала плакать, а в моей голове тем временем появился план. Я разлила коньяк и объявила, что с сегодняшнего дня работаю ее пресс-секретарем и остаюсь им, пока последний фонтан не заткнется.

С фонтанами мы справились довольно технично. Правда, я вышла из эпической схватки не без личных потерь. Когда центром истории становится человек масштаба Лизы, ребята «пониже и пожиже» с удивительной легкостью обнаруживают свою суть: превращения порой происходят такие, что легче поверить в реальность истории Грегора Замзы.

Об этом и всяком другом я размышляла декабрьской ночью 2014 года, лежа без сна в купе поезда, шедшего из Москвы на Донбасс. В метре от меня с закрытыми глазами лежала Лиза. Я вдруг с удивлением поняла, что отлично чувствую, что она не спит, как если бы речь шла обо мне самой. Я ощутила острый приступ тоски, словно со стороны увидев нас двоих в утлой коробке вагона, продвигавшегося сквозь метель к станции, где обрывались взорванные военными рельсы. Я не знала, куда мы едем и вернемся ли, но точно знала, что этот декабрь разделил на две части жизни каждой из нас. Лиза все больше увязала в войне, сильнее которой ненавидела разве что смерть. И это «увязание» ничем хорошим кончиться не могло. Я в свою очередь поняла, что отныне всегда буду стоять на стороне Лизы, если понадобится, то против всего мира, что бы это ни значило и чего бы это ни

стоило.

В темноте я нашла ее руку и, ощутив ласковое пожатие, заснула.

Прежде чем закончить эту историю, я хотела бы сделать небольшое признание. Я не знаю, правильно ли поступаю, собираясь рассказать нечто очень личное, но все же думаю, что, предлагая читателям взглянуть на некоторые явления этого мира моими глазами, уместно объяснить, как устроены эти глаза.

Есть такая порода людей, которым все время холодно. Причина этого холода не физиологическая. Это невосполнимый недостаток любви. Часто такие люди пережили в детстве или ранней юности тяжелые травмы: сиротство, потерю родителей, отвергнутость обоими или одним из них. Если переживший подобное ребенок наделен чувствительной душой и воображением, последствия становятся фатальными — ни возраст, ни жизненный успех, ни деньги не сделают его счастливым обитателем мира взрослых. Для защиты от действительности такие люди мастерят сложные блистающие конструкции и могут быть весьма привлекательными, но если вы подойдете близко, вас, скорее всего, оттолкнут. Таких людей трудно любить: что бы вы ни сделали, от вас будут требовать еще больше, добиваться самоотречения и жертвы, эти требования будут казаться вам вздорными и жестокими, потому что вы не будете понимать их причин.

Драма отверженных детей в том, что они точно знают, что им нужно, но нужно им то, чего нет. Брошенные мальчики и девочки унимают вечно преследующий их холод кто чем может: так, мальчик Трумен Капоте из Нью-Орлеана до последнего дня возил с собой детское лоскутное одеяло, которое сшила ему крестная. Мне повезло: одним летним вечером я спустилась в подвал на Пятницкой и встретила Лизу, единственного человека в мире, возле которого мне было не холодно.

Сейчас, когда Лизы с нами нет, спорят о том, нужно причислить ее к лику святых или же такие намерения нонсенс. Была Лиза такой, как другие, или же обладала некими особыми, сверхчеловеческими качествами, которые резко выделяли ее из общего ряда. Оставив вопрос канонизации на усмотрение Церкви, могу сказать, что Лиза безусловно обладала огромным и очень редким даром, а возможно, гениальностью. С моей точки зрения, эта гениальность самой высшей пробы — способность безгранично любить, отдавать, сострадать, чувствовать чужое горе, боль, хотеть и уметь вылечить, утешить, согреть. Я была одной из многих, кого Лиза согрела и кого оставила стоять на ветру в мире, где ее больше нет.

…Я надеваю шубу, теплый шарф и перчатки и медленно иду по зимнему Замоскворечью в сторону улицы Пятницкой, номер 17/4; я вдыхаю ледяной воздух и смотрю на белое, словно фарфор, в голубоватых просветах небо. Я обращаюсь ко всем этим материям с дурацкой просьбой — дать мне какую-нибудь, самую крохотную возможность почувствовать Лизу, ощутить, что она все еще здесь есть… Мне навстречу бежит девочка с маленькой собакой. Девочка смеется, и я сквозь слезы улыбаюсь в ответ. Красное, морозное солнце садится за красную колокольню. Я покупаю кофе в пекарне, где всегда покупала его по дороге к Лизе, выхожу на улицу и смотрю на закат. Мир, подернутый влагой, слегка расплывается и становится холоднее. Небо темнеет. Церкви начинают звонить. Я допиваю кофе и в одиночестве отправляюсь домой.

Дневник Доктора Лизы[1]

Вот такой случай
Oct. 17th, 2005 at 8:46 PM

Сегодня приняли больного — бомжа. Он жил на рынке. Где, когда заболел — могу только предполагать. Много пил, и неизвестно, как бы закончилась его жизнь, если бы на этот самый рынок не пришел его РОДНОЙ брат, с которым они не виделись почти пятнадцать лет. Здоровый брат узнал его, забрал к себе домой (живет в Святошино — а это район хосписа[2]). Отмыл как мог, вытрезвил, обследовал в онкоцентре (рак легкого с распадом) и прописал у себя дома.

Положила в хоспис. Была уверена, что бросит, как многих у меня бросают. Взяла на заметку на похороны (слава Богу, место есть).

Брат приходит каждый день. Сказал, что похоронит сам.

Может быть, ничего особенного в этом нет, но меня тронуло такое отношение.

К чему я это? Наверное, мне надо лучше думать о людях.

Все получилось. Всем спасибо.

«Раймонда»
Oct. 23rd, 2005 at 3:17 PM

Их у меня в хосписе было трое. Мама Елена и двое детей. Елене — чуть больше сорока. Рак шейки матки.

Детям — двадцать и двадцать три.

Они все время в палате с умирающей мамой. Сын возил ее гулять на коляске и уходил из хосписа поздно ночью. Дочка приходила утром, потом бежала на занятия — и снова в хоспис.

Я уже даже не воспринимаю Елену одну — она слилась со своими детьми, или они с нею. Дети похожи на птичек. Наверное, про таких говорят «инфантильные». Что-то в них было от совсем маленьких детей. Наверное, то, как они разговаривали с мамой, как радовались тому, что ей удалось самостоятельно посидеть несколько минут.

О диагнозе и прогнозе знали. Видно, что не верили или надеялись на чудо. А чуда не было. В данном случае не было.

Отца нет, есть бабушка. Ее я не видела — она лежала в другой больнице. У детей гуманитарное образование: девочка еще учится, а мальчик, мальчик у нас — балерун. Он танцует в театре оперы и балета. Эти дети почему-то вызывали у меня щемящее чувство жалости. Они говорили «спасибо» и здоровались со всеми посетителями, открывали двери всем, кто проходил в

хоспис после них. Они всегда со всем соглашались.

Я знаю, что они нуждаются, но никогда ни о чем не просили. Они привыкли к тому, что на Украине не принято пока помогать тем, кому помочь уже нельзя.

Мы — хосписные — потерпели поражение в борьбе. И с болезнью, и с существованием. С этим стерпелась не только я, но и мои больные. Правда, удалось мне привести к ним в палату очень богатого человека. Он пришел к нам и выразил желание помочь самым-самым… Это трудный выбор. Но привела к ним. Сказала Елене: «Ради детей попроси, он сделает».

На мой вопрос:

— Леночка, что бы господин Н. мог для вас сделать?

Она ответила:

— Мой мальчик танцует в «Раймонде» 28 числа. Обязательно посмотрите… Вам понравится.

P.S. Я вот не могу этого забыть никак.

Надежда
Oct. 26th, 2005 at 1:01 PM

Год назад давала интервью на киевском ТВ. Какой-то новостной канал. Запись была в самом хосписе, больные видели съемочную группу и тем же вечером собирались обязательно посмотреть новости.

Я, зная об этом, на достаточно прямой вопрос молоденького корреспондента: «А правда, что ВСЕ ваши больные умрут?» — ответила, что все мы умрем когда-нибудь, в том числе и больные моего хосписа. Потом представила себе реакцию пациентов, их близких и прибавила, откровенно соврав, что в хосписе всегда будет один больной, который поправится. Ну, не удержалась, бывает.

На следующий день во время обхода — в каждой палате — слышала одну и ту же фразу:

«Елизавета Петровна, мы вас вчера видели, вы же обо мне сказали, правда?.. Я сразу понял(а)».

Действительно, надежда умирает последней.

Темное прошлое
Dec. 7th, 2005 at 2:46 PM

Мой младший сын Алексей Глебович разразился очередным шедевром в школьном сочинении.

«Мой папа[3] — знаменитый адвокат и вообще великий человек. Моя мама — другая история. Она просто доктор и работает в приюте, который ей помог построить папа в стране Украине. Моя мама родилась очень давно — еще в Советском

Союзе.

Мы с братом знаем, что, когда она была маленькая, она не имела электричества».

Вот так вот, друзья…

Юра Васильев
Dec. 31st, 2005 at 7:28 AM

Полуторагодовалый малыш из дома ребенка, которого перевезла из Минска в хоспис. Маленький, весил около шести килограммов.

Не говорил, только показывал пальчиком на все, что интересовало. Бутылку держал двумя ручками и, когда заканчивал кушать или пить, обязательно отдавал ее обратно.

На игрушки, которыми мы его буквально засыпали, не реагировал. Ему хотелось, чтобы его просто подержали на руках.

Ушел тихо. Поел, заснул и не проснулся. Просто перестал дышать маленький. Как будто никому не хотел мешать.

Ощущение, что держала на руках ангела.

Андрей
Jan. 4th, 2006 at 6:30 PM

Ухудшился сегодня утром. Резко. Болей нет. Полная апатия. Бедный мальчик.

Он так трогательно пригласил меня на кофе — попросил санитарку купить пакетик для меня за одну гривну, заварил в две чашечки. Рассказал о своей семье, о слепой маме, несчастном, замотанном жизнью папе, потерянном после распада СССР, о спивающемся брате.

Перед моим отъездом сел в коляску и тихонько подкатил к ординаторской. Я вышла — он улыбается.

— Вас проводить пришел (он до сих пор говорит приишел).

Маленький Йося
Jan. 22nd, 2006 at 10:47 AM

Йося (Иосиф) Б. Благодаря этому мальчику я открыла детскую палату. Три полных года назад в ординаторскую пришла женщина и встала на колени.

«Нас выписали из госпиталя в Израиле летом. Мы думали, что все закончилось, но рак вернулся. Положите моего мальчика. Моего Йосю. Нам некуда больше идти».

Иосиф Б., десять лет. Рак яичка, четвертая — последняя — стадия, четвертая клиническая группа[4].

У меня не было места для него. Не было детской палаты вообще. Я до сих пор помню глаза и голос этой матери. Как-то

оправдывалась перед нею. Она стояла на коленях. Не плакала, а повторяла: «Возьмите моего Йосю».

«Я возьму его, как только освободится койка» — это последнее, что я ей сказала. Койка освободилась к утру. Но маленький Йося умер, и переводить было уже некого.

Мы освободили две палаты. Сделали просторную большую детскую, которой будет вот уже три года. Сделали за месяц. И приказы подписались сами собой, и мебель нашлась.

Вот только я все время вспоминаю Иосифа и его маму на коленях. И мне больно оттого, что я не смогла им помочь.

Сегодня я получила перевод из Израиля. «На детей хосписа». Это маленький Йося мне помогает. Мне так кажется.

В ресторане
Jan. 30th, 2006 at 9:14 PM

Вермонт. Вчера после госпиталя пила кофе с другим доктором.

Обсуждали бумаги одного мальчика из России.

Расплачиваюсь и вижу, как в инвалидной коляске в ресторан ввозят давнюю пациентку госпиталя, которая только на моей памяти перенесла два тяжелых инсульта.

Она машет рукой, и хозяин говорит ей:

— Маргарет, вот стол, за которым тебе будет удобно.

Маргарет не говорит, но приветствует всех рукой.

Пока ее усаживали, я все думала, возможно ли это в моем городе. Я живу в самом центре. И представить себе эту же картину, например, в «Дровах» не могу. Даже не потому, что нет там въезда для инвалидной коляски, не потому, что не одолеть никакую Мясницкую с ее потоком машин. А потому, что инвалиду, даже с сопровождающим, и в голову не придет пойти поужинать в московский ресторан. Даже в самый дешевый.

Не знаю, прочтут ли это бизнесмены, владеющие ресторанами. Вряд ли.

Но как бы убедить их помогать не одноразовыми акциями, которые тоже очень нужны, а оборудовать пандусами входы своих заведений.

Да что говорить… Сейчас Год благотворительности в России.

P.S. Это не дифирамбы заграница. Внешняя политика Штатов мне глубоко отвратительна. Я против платной медицины. Но мне очень хочется, чтобы наши больные не чувствовали себя лишними.

Вечернее материнское
Feb. 6th, 2006 at 8:41 PM

Укладываю спать младшего. Под подушкой нашла написанный от руки плакат. Кривыми такими буквами.

«ХОСПИС ОТНИМАЕТ РОДИТЕЛЕЙ».

К моему отъезду в Москву приготовил.

Он прав.

Про бал

Feb. 12th, 2006 at 6:24 PM

В прошлом году посетила с мужем одно *VIP*-мероприятие.

Не задалось, как говорится, сразу. За два дня до события я написала американскому послу в России о том, что посольство не участвует в благотворительности. Ну, в несколько резкой форме.

Посол встретил нас у бочки с разливным пивом. Глеб (мой муж) представился. По фамилии. Посол сказал, что женщина с именем Элизабет и с такой же фамилией прислала ему письмо, от которого у него испортилось настроение на целый день.

— Да что вы говорите, не может такого быть… — ответил муж.

Может, граждане. Я же не знала, что я его встречу.

Муж сказал, что больше на светские мероприятия меня брать не будет, так как я неуправляема в своих поступках.

Дальше — хуже… После шампанского надо было выйти… ну, вы понимаете куда. На выходе стояла охрана, которая дала мне в руки какую-то бумажку с печатью. Добежав (а бежать долго), бумажку выбросила, да-да… в унитаз.

На обратном пути спросили, откуда я. Ответила. Говорят:

— Бумажку верните, женщина.

— Какую?

— Которую вам дали.

И нечего смеяться!

В общем, охрана привела мужа, который меня вернул на место за столиком.

Не светская я совсем.

Кармен

Feb. 13th, 2006 at 12:24 PM

В Киеве летом посещала бомжа на предмет госпитализации. Называл себя Пилипенко, хотя фамилию менял три раза в неделю. Человек был пьющий, драчливый и очень вздорный. Требовал соблюдения «стабильности в мире» и два литра бормотухи в день, по его словам, «для поддержания нормального уровня жизни».

Была при нем подруга с кличкой Кармен. А может, и имя такое, не знаю. (Была же у меня больная из Львова, которую звали

Травиата. По паспорту.)

Пили они вместе, и она ухаживала за ним, как могла. Так вот, Кармен в один из дней попала с белой горячкой в психиатрическую больницу. Пилипенко остался совсем один.

На вопрос: «А где ваша… (вот тут я замялась, так как определить статус Кармен для меня было затруднительно)… сожительница? — Пилипенко гордо ответил:

«Не сожительница, а женщина, разделившая со мной нелегкий земной путь…»

Религию — в массы

Feb. 19th, 2006 at 6:56 PM

В прошлом декабре я провела день с бомжами (не говорите моему мужу, пожалуйста, всех подробностей). С 8 до 20.

Не в приюте[5], а в дневном месте пребывания, где они могут помыться, поесть и постирать свою одежду.

Сама организация такого дневного пристанища проведена очень профессионально. Санобработка, врач и медсестры, столовая. Бомжей много. В тот день их было около двухсот человек. Место в Киеве известное. На территории бывшего советского завода.

«Служат» там люди верующие. Не православные.

Их религиозных взглядов не разделяю, но должна признать, что для бездомных и нищих они делают святое дело. Нам бы так, православным.

Контингент разный. Убогие, несчастные, алкоголики, освободившиеся из тюрем, одинокие матери с маленькими детьми.

К концу дня, перед самым уходом, я, смешавшись с толпой этих бедолаг, зашла в их молельный дом. Удивило количество народа, который туда буквально ломился. В молельню два входа — через переднюю и заднюю двери. Основная масса шла в дальнюю дверь, а к той, что расположена ближе, пропускала импровизированная охрана из бывших бездомных, «прошедших курс реабилитации» (с).

По неистребимой советской привычке (да, я — совок) я рванула в дверь, расположенную ближе. За мной вплотную встал старик, с татуировками, в драной ушанке с одним оторванным ухом. Под глазом у него светился свежий фингал, а бровь была заклеена пластырем, на котором нарисованы цветочки.

— Тетка, давай быстрей, — прохрипел он, протолкнув меня внутрь зала, где посередине стоял магнитофон.

Само помещение было уставлено стульями рядов в двадцать. На них расположились несчастные бомжи и бомжихи. Кто-то

дрался, кто-то спал, кто-то сидел понурив голову. Зрелище угнетающее, прямо скажу.

Зайдя, я увидела, что деда с фингалом оттеснила охрана. Почувствовав несправедливость в отношении к товарищу по входу, я пошла на разборку. Как в атаку.

— Иди сюда, — кричу, — я тебе место нашла.

— Тетка, — схватил он меня за руку, — блин, сволочи. Да скажи ты им (охране)! Я третий раз за сегодня херню эту слушаю, да пустите же меня, я жрать хочу со вчерашнего дня.

— Братан, — говорю, — кто на тебя наезжает? Сейчас тебя покормят, ты чего сюда-то зашел? Столовая вон там, через дорогу. А тут они молятся, наверное.

— Ты чё, мать, правил не знаешь? До еды нас библию заставляют слушать, без этого хер получишь.

— А почему третий раз?

— Да заводят, б…ь, с задней двери, б…ь, и сажают, б…ь, сзади. А те, кто прослушал один раз, б…ь, пересаживаются в первые ряды, суки гнилые, и потом в столовку за хавкой. А я, б…ь, хромой и не успеваю, б…ь. Вот и слушаю третий раз. За…и меня. П…ц полный. Ох. л уже. Я свою пайку сёдни тут отработал. Суки. Все суки.

P.S. Его пустили на первый ряд. Через полчаса он поел. А давали им в этот вечер две сосиски, рисовую кашу, двести граммов хлеба серого и сладкий чай.

Навеяно 8 марта
March 8th, 2006 at 7:43 AM

В прошлом году накануне праздника смотрела одного больного на дому. Деликатный такой мужчина, осыпал кучей комплиментов, несколько кокетничая (если это слово употребимо к мужчинам) во время осмотра. Посмотрела, послушала, сверху вниз, как и положено. В конце осмотра надела перчатку — ну и да… ректально тоже посмотрела, как пишут, на уровне пальца. Выбросила перчатку, вымыла руки, вернулась к пациенту.

Отвернувшись к стене, глухо произнес:

«Я не буду у вас лечиться. Я думал, вы возвышенная, а вы… вы… Пальцем в жопу. Лучше к экстрасенсам пойду».

За что нам говорят спасибо?
March 10th, 2006 at 4:56 PM

Не понимаю. Ведь обыденные вещи делаем. Покормить, вымыть, посидеть. Не лечу ведь — утешаю в основном и обезболиваю. Почему больные и их родственники благодарят так, как будто мы спасаем их?

Не оттого ли, что естественное желание помочь вытравлено из сознания людей? Оттого, что общество выбрасывает обреченных на обочину, как ненужный груз?

Почему родственники больных не требуют того, что им полагается по закону бесплатно, и немеют и трясутся при виде белого халата?

А старушка из Нежина, чей сын лежал в хосписе, поглядев на объявление около моей ординаторской, в котором написано: «УБЕДИТЕЛЬНАЯ просьба не приносить персоналу тортов, конфет и денег», долго топталась у моей двери и сказала:

— Доча, я тебе ни тортов, ни конфет не принесла, как ты и написала. Вот тебе сало, яйца и молоко утреннее.

P.S. Конечно, я взяла ее молоко, и яйца, и сало. Она от всего сердца. Это я понимаю. Но я о другом… О том, что очень хочется, чтобы больные и близкие их были свободны.

Опять из прошлого
March 12th, 2006 at 12:07 PM

Когда открывала в Киеве отделение, то средний медицинский персонал набирали из окрестных сел. Работа тяжелая, санитарки (я их гордо именую младшими медицинскими сестрами) в полном составе приезжают из деревни на работу.

Одна из них — ветеран по хосписным меркам — Оля Коломиец.

Я обучала их, как говорить с больными. У меня бзик — называть больных по имени-отчеству. И таблички на палатах, соответственно, с полными именами пациентов.

Так вот, объясняю им — больных уважаем. Не говорим — дедушка, бабушка и поссать.

Через день.

— Иван Петрович, помочитесь сюда (Оля протягивает больному утку).

— Шо?

— Иван Петрович, пописать надо вот сюда.

— Шо?

— Диду, ссы, а то нас Петривна уволит на хер.

На вкус и цвет…
March 15th, 2006 at 7:31 AM

Больной у нас лежит. Забрали из квартиры на Борщаговке[6]. Юра. Сорок лет.

У него рак верхней челюсти с распадом. Опухоль большая, распространилась на правый глаз. Родственники говорят, что он не алкоголик. Это вся информация, которую о нем удалось

собрать. Не много, правда?

Дома — разруха и немыслимая грязь.

В хосписе отказывался мыться, порвал постельное белье, оплевал девчонок-санитарок, прятался от них в шкафу. Бузил всю ночь.

Решили загрузить его медикаментозно.

Сейчас звонила в Киев узнать, как дела у него.

И что думаете? Дословно цитирую ответ доктора:

«Теперь родственники недовольны, что он все время спит».

Политическое

March 25th, 2006 at 6:33 PM

Завтра парламентские выборы на Украине.

Электорат в хосписе специфический, однако, безусловно, отражает настроение всего общества. Особенно ярко проявляют политическую активность бомжи.

На месте депутатов я бы распространяла предвыборную агитацию только среди них. Вот уж кто подкован политически! И пиарщики они профессиональные. Активны, разговорчивы, обладают массой свободного времени.

Они читают все предвыборные выступления, коротая время на вокзалах и в ночлежках. Их не интересуют личная жизнь кандидатов и скандалы вокруг них, они сосредоточены исключительно на том, что данный выдвиженец может сделать для таких как они. Газеты, которые они кладут в свои ботинки для тепла и на которых спят, — зачитаны до дыр и часто вслух среди таких же бездомных.

Мою абсолютную политическую безграмотность они ликвидировали в рекордные сроки. Помнят всё — от даты и места рождения кандидатов до места их настоящей работы. Преданность фанатичная.

Некоторые вместе с иконами хранили фотографии депутатов, включивших в свои программы помощь малоимущим и обещавших решить проблемы с жильем.

Санёк — из первых моих бомжей — характеризовал одного депутата емко и точно «х…, конечно, но народ любит». Санёк отсидел пятнадцать лет за убийство и смешил меня характеристиками вроде: «Иваненко[7] — наш человек».

Благодаря ему я знала всех, кто баллотировался на выборах.

Что поражает — бомжи не разочаровываются. Из десятка наиболее активных все до единого оправдывали своих избранников тем, что депутатам некогда встретиться с ними, и свято верили, что, если бы не «заседания и лекции», те обязательно посещали бы своих больных избирателей в нашем

хосписе.

Люда, жившая на вокзале, сама пыталась встретится с одним депутатом, чтобы сказать ему спасибо. Избранник обещал, что таких, как Люда, спасет только он. Люда умерла от кровотечения, и было ей тридцать пять лет.

У двоих после смерти нашли письма, адресованные депутатам. Аккуратно написанные под диктовку медсестрой и так и неотправленные.

Несколько раз бывало, что в хоспис приносили ответ на письма. А тех, кто написал, уже не было.

Карасики
March 28th, 2006 at 3:17 PM

Самуил Аркадьевич Карасик и Фира (Эсфирь) Карасик. Одесситы, Бог знает как оказавшиеся к старости в Киеве. В хоспис он привез ее на коляске, тщательно осмотрел все комнаты и выбрал ту, что светлее, но гораздо меньше других палат.

— Фира любит солнце. Вы знаете, какое было солнце в Одессе? — Карасик задирал голову и смотрел на меня, щуря хитрые глаза. — Нет, вы не знаете, доктор. Потому что тут нет такого солнца, в вашем Киеве.

— Шмуль, не забивай баки доктору, — вступала Фира, — она нас таки не возьмет сюда.

После этого следовала перебранка двух стариков, и вставить слово было практически невозможно.

Оглядевшись, Карасик объявил, что завтра они переезжают.

— В смысле — госпитализируетесь? — поправила я.

— Пе-ре-ез-жа-ем, доктор. Карасики теперь будут жить здесь, у вас.

Наутро перед глазами санитарки стоял Карасик в шляпе и галстуке и Фира в инвалидной коляске, державшая на коленях канарейку в маленькой клетке.

— Это наша девочка, она не будет мешать.

Санитар из приемного молча нес связку книг, коробку из-под обуви чешской фирмы «Цебо», на которой было написано от руки «ФОТО», рулон туалетной бумаги и аккордеон.

— Мы насовсем. Вот и привезли все, чтобы не ездить по сто раз.

— Послушайте, Карасик, насовсем не получится.

— А! Доктор, я не маленький мальчик. Отстаньте.

Так и переселились. Фира не выходила из палаты, по вечерам мы слышали, как они подолгу разговаривали, смеялись или ругались между собой.

Карасик, в отличие от жены, выходил в город и рвал на

клумбах больницы цветы, которые потом дарил своей Фире, заливая ей про то, как купил их на рынке. Но цветы, понятное дело, были не такие, как в Одессе.

Общаясь с ними, я поняла, что Одесса — это такой недостижимый рай, в котором все лучше, чем где-нибудь на земле. Селедка, баклажанная икра, погода, цветы, женщины. И даже евреи. Евреи в Одессе — настоящие. Про Киев Карасик смолчал.

Один раз они спросили меня: «А вы еврейка, доктор?» Получив отрицательный ответ, хором сказали: «Ах, как жалко, а ведь неплохая женщина».

Потихоньку от меня Карасик бегал по консультантам, убеждая взять Фиру на химиотерапию, плакал и скандалил там. А потом мне звонили и просили забрать Карасика обратно, так как он не давал спокойно работать.

Карасик возвращался, прятал глаза и говорил, что попал в другое отделение, перепутав этажи. Он регулярно путал второй этаж с седьмым, поскольку не верил, что Фира умирает. И очень хотел ее спасти, принося разным врачам заключение от последнего осмотра.

Вечером Фира играла на аккордеоне, а Карасик пел что-то на идиш.

А потом Фира умерла. Карасик забрал свои немногочисленные вещи. Канарейка живет у меня в хосписе. А его я встречаю иногда, когда езжу в Святошино на вызов.

Матери больных
March 30th, 2006 at 11:04 AM

Я пишу о всех матерях, которые бывают у меня. Возраст их детей — от пятидесяти до младенцев.

В лечении их детей до поступления к нам испробовано все. Доступное и недоступное. Операции, химии, облучения, изотопы, антитела — список длинный. Перечень проведенного лечения одновременно характеризует и достижения нашей медицины, и наше бессилие перед смертью.

Маленькая бумажка, подписанная тремя докторами, — направление в хоспис.

Они приходят тихо, держа на руках или за руку своих детей. Смотрят в глаза и спрашивают, были ли в моей практике чудеса. Говорят совсем мало, не едят вообще, спят урывками и ставят свечки в храме хосписа.

Утром моя ординаторская напоминает приемную какого-нибудь депутата — посетители с просьбами помочь, купить, положить, дообследовать или отпустить в отпуск. Только матери

хосписных больных никогда и ни о чем для себя не просят.

Это единственные люди, за которых и я не умею просить. Время от времени мне приходится кидать клич о тех, с кем не справляюсь. О помощи матерям — не могу. Я не знаю, какими словами воспользоваться.

Взрослым детям они поют колыбельные, которые пели, когда те были еще маленькими. Когда матери поют, они раскачиваются в такт незатейливой песенке, как будто качают ребенка на руках.

С маленькими они слиты воедино настолько, что говорят «мы поели, поспали, пописали…».

«Не плачь, мама!» или «не плачьте, мамо!».

Так просят их дети, если видят на глазах слезы. Они вытирают глаза и больше при детях не плачут.

Ни у одной матери я не видела истерики. Наверное, чтобы не закричать, они закрывают рот рукой, когда выслушивают от нас неутешительные прогнозы.

После смерти ребенка у них откуда-то находятся силы на оформление бесконечного количества бумаг и похороны.

Я помню одну мать, чей сын умер, и она хотела заполнить стандартное заявление с просьбой не делать вскрытие. Она написала под диктовку слова «Прошу не вскрывать тело моего сына…» и сказала:

— Доктор, а ведь это уму непостижимо, что я пишу…

Они приносят в хоспис фото своих детей, потом, после сорока дней.

Подписывают сзади — «Елизавете Петровне от мамы Инночки, Коленьки, Игоря».

Это они, матери, попросили меня обязательно разбить цветник в память об их детях. Когда будет достроено новое здание. Если оно будет достроено…[8]

Тритон
Apr. 4th, 2006 at 8:10 AM

Был у меня лет пять назад пациент *В*. Сорок пять лет. Благополучный, самодостаточный, очень богатый. У него была кличка Тритон. Так его звали между собой те, кто с ним работал.

В хоспис его привезли из-за границы. Так уж сложились у него обстоятельства, что из самых близких остались только телохранитель и шофер. Жена с ним рассталась. Бывшие подчиненные с работы привозили документы на подпись, стараясь сохранять оптимизм при посещении. Уходили поспешно, тщательно закрывая за собой дверь в палату.

Телохранитель с шофером выполняли роль сиделок и вечерами, когда *В*. спал, рассказывали медсестрам о бывшей

крутости и суперобеспеченности нашего теперь *В*.

Со мной отношения у него поначалу складывались странно. Будучи знатоком брендов и фирм, он оценивал, во что я одета. Вместо «здравствуйте, доктор» он произносил: «Колготки у вас дорогие, я сразу вижу». Или: «Часы у вас правильные». В смысле — марка часов.

Еду он заказывал только из ресторана, спиртные напитки ему приносил все тот же телохранитель из «старых запасов». Он не хотел ни от кого зависеть, считая, и справедливо считая, скажу вам, что он все может сам.

В палате все было его. Телевизор, белье, одежда, пеленки. Он не хотел ничего казенного. В общем, полное материальное благополучие. Вот только дома, где его ждут под конец жизни, у него не оказалось.

Роскошный «мерседес» стоял на приколе около хосписа, но своему хозяину он больше не требовался.

Он провел у нас пять полных месяцев. Был всем доволен и полностью опроверг расхожее заблуждение моего персонала о том, что «все богатые сволочи».

Веселый, хорошо образованный, очень остроумный был человек. Он не допускал мыслей о смерти. Не спрашивал результатов обследования. Не говорил о будущем. Я с трудом узнала, что он вообще осведомлен о своем диагнозе.

Его раздражало, что в хосписе есть другие пациенты. Он мог потребовать осмотра и анализов в любое время суток и был очень разочарован тем, что одной ночью меня вызвали не к нему, а к буянящему соседу по палате, который ничего в жизни, по его меркам, не достиг. Он не хотел быть равным с другими. Он был уверен, что из хосписа поедет в клинику в Германии.

За пять месяцев мы сильно подружились. И вот наступил момент, когда он не мог встать, и, так как говорить о выздоровлении уже не приходилось, я спросила его, чего он хочет именно сейчас.

Я ожидала услышать просьбу поправиться, съездить в Испанию, заказать редкое лекарство или привезти какого-нибудь консультанта. Цветы, виски, новый телефон, машину, сменить охрану и так далее. Его просьбы до этого дня не отличались разнообразием. Ну, разве что по брендам и названиям вин.

А он попросил меня принести ему козленка. Маленького козленка с непробившимися рожками. Оказалось, что *В*. вырос в деревне. Его растила мать, а отец умер очень рано. И единственным светлым воспоминанием для него был маленький козленок, с которым он играл, когда был мальчиком.

Козленка я ему принесла. Он обкакал мою ординаторскую и

орал или блеял — не знаю, как правильно сказать.

Зайдя в палату, санитарка сказала *В.*, что «сейчас будет сюрприз». Принесли козленка. Он был совсем маленьким, с не отвалившимся еще пупочком. Его дал напрокат молочник. За пятьдесят гривен. До вечера.

В. не мог встать и козленка положили в кровать.

Он обнял его и заплакал.

Впервые за пять месяцев.

Санёк

Apr. 6th, 2006 at 10:05 AM

В хоспис его привезла железнодорожная милиция. Окровавленный — сопротивлялся при «доставке», с огромной распадающейся опухолью слева на шее. В кармане держал газету со статьей обо мне. Статья эта, собственно, и послужила причиной конфликта. Открылось кровотечение, кто-то пожаловался в милицию, и гражданина Григорьева, 1958 года рождения, судимого, без определенного места жительства, арестовали. В отделении он развернул газету и потребовал привезти его в хоспис.

«Петривна меня возьмет. Вот тут написано. Разойдитесь, с-с-суки!» Ему не поверили, завязалась драка. Он их убедил. Привезли, минуя приемное, сразу в палату.

Смысл первой фразы, которую он мне сказал, заключался в том, что он убийца. В тональности «не нравится — не бери». Отсидел пятнадцать лет за убийство отчима. После освобождения бомжевал.

В палате он был один, но, будучи человеком общественным, в ней только ночевал, часами просиживая в холле хосписа. Несмотря на то что я разрешаю курить в палате, всегда шел на лестницу, без стука в ординаторскую никогда не входил и за обедом или ужином приходил непосредственно к кухне, хотя еду больным сестры развозят. Ложку носил в кармане, вилкой не пользовался.

Говорил на фене, от него я узнала не только сами блатные слова, но и их толкование. Даже органы имеют на блатном языке свое название. К примеру, «макитра» — это голова, а «свекла» — сердце. И то и другое у него болело. Я не спрашивала, как он попал в тюрьму. Он отчего-то решил рассказать сам. Спросила, не хочет ли он исповедаться священнику.

— Поп у тебя, Петривна, хлипкий какой-то. Не внушает. Ну его в жопу. Да и забздеть может. Я не раскаиваюсь. Сволочь он (отчим) был редкая, беспредельщик. Мать в гроб уложил. Вкуриваешь (понимаешь)?

Он сидел около церкви во время службы. Ставил свечки, когда никого не было рядом. Но от «попа» упрямо отворачивался.

Пришлось понять, а что мне оставалось делать.

— Хата у тебя грамотная, но к Пасхе я от тебя уйду. Свободы хочу.

Санёк был самым политизированным. Я уже писала, что о всех политических течениях на Украине узнала от него. Жить не мог без газет, буквально умолял принести ему все, что можно читать. Читал медленно, очень внимательно, вставляя смешные комментарии, особенно про депутатов Верховной Рады. Януковича величал «честным пацаном», заседания — «гнилыми базарами» и «шоблами». В стороне от российской политики тоже не оставался. Жириновский был у него «бакланом».

Санёк умер ночью, от кровотечения. Все закончилось минут за пять. Он даже не успел испугаться.

В его тумбочке лежали записная книжка и бумажная иконка Николая Чудотворца.

По этой записной книжке нашли и сокамерника, который не опустился после тюрьмы и едва сдерживал слезы, забирая «Сашку» в последний путь. Он оплатил его похороны. Вот только не было места, где закопать его. Я купила землю на кладбище недалеко от Киева, где сейчас хороним хосписных бомжей и малоимущих, у которых нет своего места. На первой могиле хосписного кладбища стоит крест с надписью: «Александр Григорьев».

Его последним желанием было сфотографироваться «в натуре с тобой, Петривна, и шобы висела это не на доске “Их разыскивает милиция”, а где-нить еще. Я тебя обниму, Петривна!»

Стасик

Apr. 8th, 2006 at 10:30 AM

Совсем маленьким в 1945 году он подорвался на мине в Киеве. Ему оторвало стопу и пальцы на одной руке. Это все, что мне было известно о нем.

Судя по истории болезни, родственники сдали Стасика в дом инвалидов. Оттуда я его и забрала для обезболивания.

Стасик не мог нормально разговаривать — среди многих отклонений у него было расстройство речи, называемое эхолалией[9].

То есть на вопрос «Больно?» он отвечал: «Больно».

«Не болит?» — «Не болит». Так и общались.

Новые слова он повторял по нескольку раз.

«Ли-за. Лу-блю. Ма-шин-ки. Муль-ти-ки».

У него не было среднего настроения. Эмоции выражал или в

смехе, или в плаче. И то и другое делал от всей души.

Стасик провел у нас три месяца. Он был обезболен, и так как катастрофически не хватало мест в хосписе, я выписала его обратно в дом инвалидов, оставив на выездной службе.

Я считала его умственно отсталым, из таких, кому все равно, где находиться.

Он громко заплакал, когда санитары из дома инвалидов приехали забирать его.

Пришла в палату, объясняя, что он поедет домой, а мы будем приходить к нему в гости. Стасик уткнулся носом в стену и не ответил ничего. Даже не повторил, как делал раньше.

Когда его увозили, он закрыл лицо руками и не посмотрел на меня.

Журналист
Apr. 12th, 2006 at 12:14 PM

Его привели с приема в поликлинике.

По результатам обследования было вынесено решение о бесперспективности дальнейшего лечения. Метастазы были практически везде. А вот жалоб не было — неясная боль в животе, периодическая тошнота, похудел, но в целом чувствовал себя неплохо.

Красивый сорокалетний мужчина. Работал в одном из киевских изданий. Журналист по образованию, учился в тогдашнем Ленинграде. Женился. Переехал в Киев.

Из увлечений — альпинизм, походы, бардовские песни. В последний поход ходил три месяца назад. Он был ошеломлен не столько диагнозом, сколько невозможностью лечения. Выбрал альтернативные пути — какие-то травы, капли и согласился на поддерживающее лечение. В хосписе был, чтобы не оставаться без помощи.

Он сильно мерз и ходил в шапочке и варежках, за что медсестры прозвали его лыжником.

Коллеги-журналисты приходили каждый день, что бывает так редко. Они пили вино, пели под принесенную гитару. Рассказывали о местах, в которых были вместе. Приходили и альпинисты, обсуждая прошлые походы. Бородатые, сильные и громкие.

Приносили ему домашнюю еду и, останавливая меня в коридоре, тихо спрашивали о том, что можно сделать еще.

В. всегда хотел есть. Не потому что был голоден, а потому что верил в то, что, если восстановит прежний вес, у него будет достаточно сил справиться с болезнью.

Мы долго говорили, он вывел несколько своих теорий о

излечимости рака. Я согласилась поддерживать его столько, сколько это будет возможно.

Он опять сказал, что нужно есть. А сил есть не было. С ним и с его друзьями мы составили целый список продуктов. Он включил туда икру, борщ, картошку, мясо, пельмени — как в меню из ресторана. Ребята с работы приносили его заказы, которые готовили их мамы и жены, он честно пытался съесть все за несколько приемов.

Это продолжалось долго. Почти три недели. Он научился удерживать еду, но сил не прибавлялось, и мерз он все сильнее. Он не был в депрессии, напротив, он полностью сосредоточился на борьбе с болезнью и выглядел озабоченным, но не грустным.

Писал материалы в свое издание. И рисовал. Он рисовал горы, в которых провел много времени. Работу свою не показывал, а прятал. Потом я узнала почему.

За несколько дней до конца он позвал меня на серьезный разговор. Спросил, готова ли я проиграть. (Мы были в одной команде против его рака.)

Ответила, что приму любое его решение.

На следующее утро увидела поднос с нетронутой едой, который стоял около его палаты. Он сдался. И дал мне понять это.

Отказывался есть и пить, прося только обезболивание. Удалось убедить его в том, что смерть от обезвоживания будет мучительной. В конце дня согласился на разбавленное водой вино и шоколад.

Продолжал печатать статьи и рисовать. Немного пил. Через два дня его не стало.

Картину мне принесла его жена. Это были горы. Домбай. Вершина Белалакая. 3 861 метр. Он хотел туда.

На обороте было написано: «С огромной благодарностью от журналиста».

Картина висит в моей ординаторской.

Не тот подход
Apr. 16th, 2006 at 1:33 PM

Больной с распавшейся опухолью половых органов.

Отчаявшаяся медсестра просит меня объяснить ему, что нужно закрыть «это место» хотя бы повязкой. Иду к нему.

Агрессивно настроенный *К.* после долгих переговоров облачен в рубашку, но штаны или хотя бы пеленку обмотать вокруг себя не дает.

Разговариваю опять, убеждаю, говоря, как мне кажется, разумные вещи.

На мой последний аргумент о том, что в соседней палате женщины, — задохнулся от возмущения и прокричал мне в лицо: «Вы серьезно думаете, что я пойду в женскую палату?»

Ощутила себя идиоткой.

О Наташе

Apr. 17th, 2006 at 11:46 AM

Я писала истории болезни, когда позвонили из поликлиники и попросили принять ребенка четырех лет. Опухоль ствола мозга, кома.

Девочку на «скорой» привезли мама и бабушка. Она была похожа на спящую фарфоровую куклу.

Локоны черных волос, аккуратно уложенные мамой на подушке, пухлые розовые щеки, длинные ресницы, кружевная рубашечка. Ангел.

Первые два дня мама не общалась ни со мной, ни с другим персоналом. Ни слова. Бабушка выходила из палаты только подогреть еду, которую привозили из дома.

Приезжал вечерами отец — черный от горя, он садился около кровати и долго держал Наташину руку в своей. Просидев так несколько часов, он уходил, не говоря ни слова. Они были как глухонемые, говорили только жестами и глазами.

За следующую неделю мы немного привыкли друг к другу и потихоньку разговорились.

Наташина мама рассказала о благотворительной организации, которая нашла деньги на операцию в Германии. От этой операции ее отговаривали врачи — украинские нейрохирурги, — но в «организации» сказали, что это от зависти и потому, что в Украине таких операций не делают. Девочку отправили на лечение в Мюнхен. Автобусом. Ехали в течение полутора суток.

Немецкий доктор, посмотрев снимки, в операции отказал и сказал, что ничего сделать нельзя. Локализация и размер опухоли были такими, что никакими способами, ни гамма-ножом[10], ни другими многообещающими методами извлечь ее было нельзя. Мать спросила, зачем она приехала. Он не ответил. Благотворители также развели руками — не знали… Прошло два дня.

Наташа ослепла и перестала говорить. Правые ручка и ножка повисли плетью, она все больше и больше спала. Ребенка решено было отправить на родину. От мэрии предоставили билет на самолет до Киева. Благотворители так и не появились.

«Когда самолет поднялся и пролетал над большим полем, я хотела одного — чтобы все это кончилось. Мне так хотелось,

чтобы этот самолет упал и мы с Наташей умерли вместе. Но мы не упали. Теперь мы здесь».

«Муж — Володя — порубил в доме все иконы. Он больше не верит в Бога. Попросите вашего батюшку не заходить к нам».

Володя тоже стал понемногу разговаривать с нами.

«Объясните мне одно — зачем все это? Почему моя дочь? Почему все вокруг такие гады, а?»

Он даже не говорил — он рычал. Медсестры его боялись.

Рано утром началось преагональное состояние. Вызвали отца с работы.

Он, как всегда, сел около кровати и взял ее ручку в свою.

Когда стал меняться характер дыхания — отец заметался по палате, срывая с себя галстук и раздирая в кровь пальцы. Мать сидела не шевелясь.

Сестры испуганно позвали меня с другим доктором.

Владимир спросил:

— Это всё? — таким голосом, что мне захотелось исчезнуть с лица земли.

Пересилив себя, сказала:

— Пока нет. Но Наташа умирает.

— А мне что надо делать? — прохрипел он. Мать закрыла лицо руками.

Я спросила, не хотят ли они взять Наташу на руки.

Потеплевшим голосом он спросил:

— А можно?

Усадила их на диван и передала им ребенка.

Они держали ее последние десять минут. Мне казалось бесконечностью слушать ее хрипы. Но чем реже дышала маленькая Наташа, тем спокойнее становился отец.

Это он сообщил: «Все. Она ушла», — когда девочка перестала дышать.

— Разрешите мне подержать ее еще.

Они долго сидели, держа в руках Наташу. Потом он осторожно переложил ее в кроватку, поцеловал.

— Я не купил ей туфельки с камушками. Она очень хотела.

— Вы пойдете в магазин и купите ей сейчас.

— Пойду. Простите меня, ладно.

— Это вы нас простите.

— Доктор, а дальше что?

Я не нашла что ответить.

Страстная пятница
Apr. 20th, 2006 at 2:30 PM

Вот уже третий год с наступлением Страстной пятницы я

вспоминаю мальчика Игоря. Ему было тринадцать лет.

Его отец[11] — православный священник в селе Песковка под Киевом.

Узнав о болезни сына, а мальчик заболел, когда ему было два года, отец дал обет. Он оставил светскую работу и посвятил себя служению в церкви. Закончил духовную академию и был рукоположен. Приход ему достался маленький и заброшенный. Своими руками восстанавливал храм, библиотеку и трапезную.

Жила семья недалеко от хосписа в служебной однокомнатной квартире, которую получила от ЖЭКа, где отец Георгий работал дворником. За двадцать долларов в месяц и жилье.

Мальчик был измученным болезнью, слабеньким, но очень мужественным. Он редко плакал, мало просил и единственным его капризом было «попить с Петривной чаю». Он приглашал меня в палату, мы договаривались о времени и с отцом Георгием и матушкой Таней пили чай, обсуждая погоду, цветы и церковные дела в Песковке. Игорь говорил только по-украински и учил меня языку.

В Чистый четверг, он объяснял мне, надо обязательно хорошо умыться с раннего утра, непременно холодной водой — нужно найти самую холодную воду в хосписе. Мы объехали на его коляске все раковины и нашли «самую холодную» в ординаторской. В пять утра, как рассказали сестры, он плескался в раковине. Отец вместе с другим священником причастил его и украсил палаты вербой. Семья готовилась к Пасхе.

Отец Георгий тратил по три часа в электричках, добираясь до храма. Вставал в четыре утра, ехал на службу, исповедовал, причащал, наставлял, а вечером возвращался в хоспис, где доживал последние дни его сын.

Так случилось и в Страстную пятницу.

С Игорем осталась мать. Мы вместе сидели у постели Игоря, когда началась агония. Я взяла ее за руки, и мы держались друг за друга некоторое время после того, как он перестал дышать.

Таня не плакала, мы долго сидели обнявшись и молчали.

Потом я битый час набирала номер отца Георгия. Наконец трубку взяла какая-то женщина и сказала, что он выносит Плащаницу и подойти не может.

После службы кто-то привез его на машине попрощаться с сыном.

Хоронили Игоря в воскресенье под «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ».

Отец Георгий продолжает служить в том же храме в Песковке.

Он приезжает в хоспис — днем и ночью, — когда есть нужда в нем, и причащает умирающих детей, утешает родителей и исповедует самых сложных больных, которые не идут на контакт

практически ни с кем. Он же их и отпевает, так как проведя с ним время, родственники больных не хотят других священников. Он никогда не берет за требы ни денег, ни подарков. Несмотря на то что у меня есть земля в Киеве для похорон бомжей, он готов хоронить их на своем церковном кладбище.

И ни один из тех, кого он окормлял в хосписных палатах, не знает, что у отца Георгия здесь же три года назад умер маленький сын.

Жизнь продолжается
Apr. 25th, 2006 at 8:12 AM

Есть вещи, которые невозможно объяснить. В силу обстоятельств я на стороне больных и стараюсь разделить их переживания. Так или иначе, общаясь с ними, мне трудно оставаться беспристрастным наблюдателем, не делить мир на хороших и плохих.

Ольге было двадцать пять. Двое детей. Мальчик и девочка — погодки, четыре и пять лет. Муж старше ее лет на десять. Не работала. Рано выйдя замуж, занималась детьми и домом.

Меланома, больна три года, процесс остановить не смогли. Привезли из дома — маленькая квартира, муж не хотел, чтобы дети видели, как умирает их мать.

Худенькая, с большими синими глазами. Метастазы в позвоночник, боли. Она все время ждала детей. К их приходу подкрашивала губы и переодевалась в привезенную из дома одежду. Для них она складывала фрукты, которые оставляла после хосписного полдника. Под подушкой держала зеркало и обязательно смотрелась в него, когда слышала шаги около своей палаты.

Их приводил муж, почти каждый день. В первые визиты дети жались к кровати, дарили маме свои рисунки. Тихонько приходили и уходили, держась за руку отца.

За неделю освоились — стали играть с рыбками и канарейками в коридоре хосписа, любили заглядывать в другие палаты и часто спрашивали, что у нас будет на ужин. Санитарки плакали и кормили их тем, что принесли для себя на суточное дежурство. Они же переплетали девочке лохматые косички, которые отец не научился заплетать.

Потом стали приходить реже. Ольга плакала и молчала. Муж звонил не часто.

Недели через две он привел детей снова. У девочки были красивые бантики, мальчик — в свежевыглаженной рубашечке. Есть они больше не хотели. И картинок с собой не принесли. Постояли у Ольгиной кровати и сказали, что сегодня идут в

зоопарк.

Проводив их до лифта, я вернулась в отделение. Санитарка смотрела в окно.

— Поглядите, доктор!

Я подошла и увидела у ворот больницы молодую женщину.

Выйдя из дверей, дети бросились к ней, каждый взял ее за руку. Припрыгивая, они пошли дальше.

Мы помолчали.

А потом пошли в палату, где громко плакала Ольга.

Опоздал…

May 2nd, 2006 at 9:08 AM

На таких, как Раиса, держится мир.

Она долго не хотела ложиться в хоспис, потому что внуку нужно было идти в школу. И хотя до начала учебы оставалось еще почти полгода, она объясняла, что подготовительные курсы — это важно, и занятия в танцевальной школе, и в художественной — все это пригодится в будущем. Наверное, она чувствовала, что не доживет до первого сентября, и старалась успеть дать мальчику как можно больше.

Я спросила, где мать ребенка.

— В Москву подалась. Бестолковая… А я что? Я — бабушка.

— Давно уехала?

— А как родила. Из роддома принесла и усвистала. Жалко мне ее.

Шесть лет назад невестка оставила новорожденного мальчика и уехала на заработки. Раз в год, на день рождения мальчика — Гришки, — присылала открытки.

Квартира была очень чистой и очень бедной. Ничего лишнего.

Осматривая Раису, я поразилась тому, что спит она в кухне на старом продавленном диване. В бывшую ее спальню переселили Гришку, которому оборудовали маленькую парту и повесили книжные полки. Он называл ее мамой. О своей родной матери за полной ненадобностью и не спрашивал. Отец Гришки, Раисин сын, работал плотником на каком-то заводе, и я его видела один только раз.

Гришка же с интересом смотрел, когда мы приходили к Раисе, и спрашивал, отчего это у бабушки-мамы в животе дырки с мешочками.

У нее были сильные боли, но догадаться о них можно было лишь по побелевшему лицу и стиснутым губам. Ни звука, ни стона. Только жалобы на усталость.

Потом стало невмоготу, Раиса ослабла, и мы перевели ее из

дома в отделение.

Там же я познакомилась с ее мужем — Николаем. Он с Гришкой приходил каждый вечер. Гриша был таким же, как Раиса. Тихим и очень послушным. Не кричал и не бегал, если выходил из палаты, то прижимаясь к Раисе.

А муж Николай все время молчал. За месяц он один раз спросил меня: «Ну как она?»

Я просто посмотрела на него, потому что ответить было, в общем-то, нечего.

А она менялась — и так будучи очень замкнутой, стала односложно отвечать на вопросы. Просила позаботиться о Гришке, когда ее не будет. И такая тоска стояла в ее глазах, передать вам не могу словами.

Вскоре Раиса не могла уже подняться от слабости. Но упрямо отказывалась от помощи по уходу за собой, делая все свои нехитрые дела медленно, с передышками, но самостоятельно.

А Николай однажды пришел один, без Гришки. С большим букетом цветов.

В палате он пробыл недолго и, выйдя из нее, выглядел очень подавленным. Спросила, что случилось.

— Да вот, цветы принес. А она не говорит со мной.

Зашла к Раисе, села на кровать.

— Раиса, он вас любит. Смотрите, какие красивые цветы. Давайте их поставим в вазу.

Она приподняла голову от подушки, посмотрела мне прямо в глаза и, помолчав, ответила:

— А почему он меня не любил раньше? Поздно теперь, Елизавета Петровна…

Гуманитарная помощь
May 3rd, 2006 at 11:15 AM

Тетка с крашенными пергидролем волосами ворвалась ко мне в кабинет, распространяя шлейф духов *Guerlain* — видимо, из серии восточных ароматов.

Впечатление, что в парфюмерной лавке разбили флакон да так и оставили.

— Это хоспи́с? — с ударением на «и» спросила она, не поздоровавшись.

— Да. Вам можно помочь?

— Я сама кому угодно помогу. У меня будущая родственница умирает.

Разобрались, что к чему. Крашеная блондинка — товаровед местного крупного универмага, выдает замуж дочку. Мама жениха заболела совсем некстати. Заказан стол в ресторане,

приглашены родственники. А «будущая родственница», пройдя курс облучения, так и не поднялась на ноги. И вот — к свадьбе все готово, а тут такое. Лежит, плачет, есть отказывается. Причин держать ее в больнице не нашли, готовят к выписке. Но посоветовали обратится в хоспис.

По документам — да, наша больная. В перспективе. Клиническая группа четвертая, болей нет, ходить не может.

Пошли смотреть. Обычная женщина, скромная, стыдящаяся своего состояния, извинялась за причиняемые ею неудобства. Учительница русского языка и литературы. Рада за сына, говорила, что хоть в коляске, но на свадьбе будет обязательно.

Когда больная услышала о возможном переводе к нам, стала отказываться:

«Я очень хочу домой, отпустите меня, прошу вас».

Не хочет — значит, не хочет. Сообщила товароведу.

— Что значит не хочет? А МЫ кто? А свадьба? Это ж не поминки. Поймите, доктор, у меня единственная дочь. И зятя я везде в жизни устрою. Они ж нищие.

— Я не могу госпитализировать ее без согласия.

— А вашего мнения никто не спрашивает. У меня будет разрешение САМОГО (указала имя чиновника, который будет настаивать на госпитализации).

— Это ваши проблемы, но мы не можем положить насильно человека.

— Она уже не человек. Какое счастье, что у молодых есть Я! — при этом она томно вздыхала, и запах духов казался совсем невыносимым.

На том и расстались. Нечего и говорить, что женщину на следующий день перевели к нам. Она так же просилась домой. Она повторяла это каждый час.

Товаровед пришла к нам, узнать, как долго мы «можем держать» пациентку.

Я пыталась уговорить ее все-таки перевести больную домой, нанять сиделку. Бесполезно. Она кричала, что не позволит испортить медовый месяц дочери. Сообщила, что оплатила поездку на Кипр и после бракосочетания молодые отбудут туда. Клеймила нас позором, обвиняя в том, что «хоспи́с — это сфера обслуживания и ничего больше, я в магазине продаю товар всем, а не тем, кому выберу».

Пройдя по хоспису, несколько присмирела. Так как денег за лечение мы не берем, сокрушалась о том, что нет частных приютов в Киеве.

За день до свадьбы товаровед появилась снова. С большой коробкой.

— А гуманитарную помощь принимаете?

В коробке было сто рулонов туалетной бумаги.

Больная умерла через четыре недели. Молодые были на Кипре. Тело учительницы забрали родственники товароведа.

Сын

May 8th, 2006 at 8:24 AM

Старика привезли в конце рабочего дня.

Из анамнеза[12] удалось установить, что живет один, лечения не получал или получал давно. Опустившийся, с устоявшимся запахом перегара, безразличный к окружающему.

Подняв карточку в архиве, узнали, что болен почти пять лет, была операция, после нее в больнице не появлялся. Больше не обследовался, не наблюдался, не приходил, на звонки из регистратуры не отвечал.

На следующее утро в хоспис пришел мужчина, спросил, поступал ли к нам больной *Н.*

Сестры отправили ко мне в ординаторскую.

— Вчера привезли *Н.* В какой он палате?

— В шестой. А вы родственник больного?

Мужчина вздохнул и, глядя в пол, ответил:

— Сын.

— Вас проводить к нему?

— Нет. Скажите, что ему нужно принести?

— Может, еду, которую он любит.

— А что он любит?

— Не знаю. Думала, что вы скажете.

— Он не жил с нами. Тридцать лет назад развелся с матерью.

— Хотите, я пойду в палату с вами?

— Нет. Не могу.

— Почему?

— Ненавижу. Я из-за матери пришел. Она просила.

— Он вас обижал?

— Не помню. Пил. Помню, как мать плакала.

Он приходил каждый день, как по часам, с пяти до семи и сидел в холле хосписа, сцепив руки и глядя в одну точку.

Иногда, устав сидеть, подходил к окну и подолгу смотрел на улицу.

Справлялся о состоянии *Н.*, приносил фрукты и пеленки и уходил, чтобы вернуться на следующий день и проделать то же самое.

Это продолжалось почти месяц. Изо дня в день, с пяти до семи.

Когда *Н.* умер, мы позвонили по оставленному сыном

телефону. Было три часа дня. Через полчаса он был в хосписе. Спросил, что нужно делать и куда идти, чтобы похоронить *Н.*

Мы готовили все необходимые бумаги. Я попросила подождать немного.

Он подошел к закрытой двери палаты, где лежало тело *Н.*, взглянул на меня вопросительно и, получив мой кивок, немного постоял молча и все же вошел туда.

Профессор и выборы
May 21st, 2006 at 4:22 PM

За несколько недель до оранжевой революции в Украине и в хосписе готовились к выборам президента.

Профессор *В.* поступил к нам недавно. Он представлял собой классический пример интеллигента-ученого. Из дома ему привезли его любимое кресло и книги. Он читал и писал статьи, созванивался со студентами, чьими работами руководил. Был он красив, с высоким лбом, большими карими глазами и благородной сединой в густых волосах.

— Я прошу вас, господа, вернее, я требую говорить со мной по-русски, — заявил он частному консультанту — врачу, который обратился к нему по-украински.

Больше консультантов не приглашали.

— Я служил государству, которое уничтожили. Уничтожили и науку. Зачем я жил? Кому, я спрашиваю вас, кому все останется? Булгаков был так прав в своей «Белой гвардии», доктор… Как жаль, как же мне жаль Украину…

В день выборов он попросил переодеть его в костюм, рубашку и галстук. Это было сложным занятием, так как к этому моменту профессор ослаб и даже сидеть мог только с поддержкой.

— Я голосовал всегда. В любое время. Я не буду, слышите, доктор, лежать, как младенец в одеяле, когда решается судьба моей страны. Позовите сестру, помогите мне одеться.

Его одели. Усадили. Из кармана пиджака он достал перьевую ручку.

Внесли коробку (урну) с бюллетенями. Он попросил наблюдателей выйти из комнаты. Было совсем тихо.

Ждали минут десять. Профессор уснул сидя. В галстуке и костюме он откинулся на подложенные сестрами подушки.

Сил оказалось достаточно только на заполнение одной графы.

Осторожно переложили его на кровать, доктор передал бюллетень. Я посмотрела — в нем дрожащим почерком было написано «ПРОТИВ ВСЕХ».

До самой революции он не дожил.

Нью-Йорк. Светское
May 26th, 2006 at 10:20 AM

Два дня — субботу и воскресенье — проведу в Нью-Йорке.

Скучнейшее зрелище богатых адвокатов с женами. Светская и важная встреча у мужа. Встречаются те, с кем он когда-то учился.

Развлек меня очень разговор с ним:

«Елизавета, они все будут с женами, в общем, я решил сказать им, что тебе тридцать пять лет. Пусть завидуют».

Не слабо, да?

А мне давно не тридцать, и он, муж, кстати, старше меня на пятнадцать лет почти.

Людка
May 30th, 2006 at 10:32 AM

Она поступила из родильного дома. А туда — с вокзала.

Бомжиха с тридцатилетним стажем.

Людке было около сорока лет. Никаких документов при ней не нашли, кроме справки из железнодорожной милиции о том, что у гражданки Иванченко Людмилы Владимировны документы утеряны.

Дежурный доктор позвонил мне и намекнул: «Вы сами с ней пообщайтесь, раз их так любите. А меня — увольте».

Обритая под ежик молодая женщина. Выглядит моложе обозначенных в истории болезни сорока лет. Высокая, я едва доставала до ее плеча. Плачет. Осторожно пытаюсь заговорить.

— Вы кто?

— Людка.

— Почему плачете, Люда?

— Домой хочу.

— А где вы живете?

— На вокзале. Не на помойке. Чего пристали?

— Вы полежите у нас, пока не остановят кровотечение. А потом посмотрим.

— Таблички хоть отдайте, — разрыдалась она в голос.

Иду в приемное. В грязном узелке — картонные таблички «Помогите собрать на операцию», «Погорельцы», «Помогите похоронить отца».

Принесла. Людка немного успокоилась и положила их в тумбочку около кровати.

Кровила она сильно. В роддом ее отвезли потому, что другие обитатели вокзала решили — у нее выкидыш.

Выкидыша не было, а был запущенный рак шейки матки. Кто-то из роддома вспомнил о нас. Людка не сопротивлялась только

от сильной слабости — всей ее натуре претило пребывание в «режимном учреждении», как она нас называла.

— Я, Петровна, долго тут не могу. А на вокзале лет с десяти — двенадцати. Мать умерла, потом отец дом поджег по пьяни, но меня не бросил. И уехали мы в Киев.

— Ты мать помнишь?

— Помню, — плачет. — Она тоже по-женски болела. Хорошая она была.

После осмотра становится ясно, что и у Люды когда-то были роды. Спрашиваю. Отвечает, что родила больную девочку, которая умерла на третий день после родов. Похоронила ее рядом с матерью.

Правда у бездомных часто перемежается с вымыслом, поэтому докопаться до истины достаточно трудно.

— Ты что, ездишь на кладбище?

— Я ж не дикарь какой, Петровна. У нас все как у людей. Езжу. На Пасху. В плацкарте. В Житомирскую область — оттуда мы.

— А муж был у тебя? Ну, отец ребенка кто был?

— Да так, не стоит говорить о нем. А замуж я не могу, документов нету.

— Как ты жила?

— Как все.

Понимаю, что разговорить ее не удается, и встаю.

— Погоди. У тебя помада есть? А то тут лежу вся такая страшная.

Приношу ей свою помаду.

— Тон не мой. Я поярче люблю. А фирма хорошая. Разбираюсь я в этом. Год назад еще торговала косметикой. На рынке стояла. Сейчас не могу уже.

— Люд, а ты знаешь, что с тобой?

— По-женски что-то. Может, климакс.

— Ты хочешь знать свой диагноз?

Она замолчала на какое-то время. Взяла зеркало, осмотрела себя с новой помадой. Потом спросила:

— А мне надо знать? Это изменит что-нибудь?

Я была не готова к такому ответу.

— В твоем случае ничего не изменит.

— Вот и хорошо. Не будем тогда о грустном.

Вот такие они, бомжи. Вроде косят под дураков, а иногда пробивается среди всего напускного такое понимание ситуации, которое не всякому глубоко образованному интеллигенту доступно.

— Людка, а ты любила?

— Ага. А он меня бросил, гад. На картошку променял.

— Почему на картошку?

Людка плачет опять.

— Дом нашел брошенный около Прилук. И ушел. Картошку сажать. А мы вместе жили.

— На вокзале?

— Вот ты говоришь, на вокзале, на вокзале. А я не пью, не курю, — при этом она очень выразительно посмотрела на пачку сигарет у меня на столе. Я почувствовала себя падшей. Правда. — В церкву хожу иногда. И на вокзале не под платформой живу.

— А где?

Людка поправила рукой свой обритый ежик волос, тряхнула плечами и гордо ответила:

— В зале повышенной комфортности. Слыхала про такой? Ну типа бизнес-класс. Володька-мент меня туда пускал. За две гривны.

— А ты там долго… жила?

— Три года почти.

— Так он под Прилуки поехал?

— Ну. Я бы пешком ЗА СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ пошла, да не дойду теперь, — Людка плачет опять.

Она ходила в хосписную церковь на все службы, пока не слегла совсем.

Готовилась пойти к мэру Киева с абсолютной уверенностью, что он даст ей квартиру в городе. Маленькую, но свою.

Перед смертью она не могла говорить. В палату к ней мы вошли вместе со священником, который причащал больных в отделении.

Людка из последних сил головой показывала на чашу.

— Причаститься хочешь?

Она кивнула и облегченно закрыла глаза.

Я похоронила ее рядом с Саней Григорьевым.

Зеркало

June 12th, 2006 at 3:08 PM

Эту женщину звали Варей, она работала на конфетной фабрике в цехе, который делал халву в шоколаде. Разведена, детей нет. Вот и вся история жизни, рассказанная ею. Когда к ней приходили шумные подруги по работе, палата долго пахла шоколадом и карамелью.

У нее не отросли волосы после последней химиотерапии, отчего она была похожа на облетевший одуванчик.

Варя попросила принести ей телефон.

— Я позвоню ему. Вы как считаете?

— Кому?

— Ему. Мы были женаты десять лет. Попрощаться. Ведь я скоро умру.

После звонка она спросила, можно ли одеться в небольничную одежду. В понедельник вечером. А точнее — в семь вечера.

— Варя, он придет?

— Да, — она опустила глаза и даже порозовела.

На радостях вечером я помчалась на рынок покупать ей парик, так как все косынки, которые мы с ней перемерили после звонка, Варе не нравились.

Купила. Пепельного цвета со стрижкой каре.

Варя надела парик и попросила принести ей зеркало. В палате зеркал нет, и я отвела ее в ординаторскую.

Она осталась там одна, чтобы примерить и одежду. Я вышла.

— Варя, да неужели это ты? — донеслось из-за двери. — Неужели это ты, так похудела, но такая же красивая!

Я отошла от двери. Сама с собой она разговаривала или с воображаемым собеседником, я так и не узнала. Стало неловко, как будто подслушивала что-то очень личное.

В понедельник мы наряжали Варю. С обеда и до позднего вечера она просидела в коридоре хосписа, отказываясь даже выпить чаю.

Он все-таки пришел через две недели, но Вари уже не было.

А я долго не могла покупать в кондитерском магазине халву в шоколаде.

Миша Неверицкий

June 16th, 2006 at 10:59 AM

Дважды пересмотрела историю болезни, указан возраст — двадцать девять лет. А выглядел как подросток. Опухоль средостения, трахеостома[13].

Трубка была с голосовым клапаном, поэтому Мише удавалось говорить с нами.

— Я ничего не успел, Петровна. Не женат, не образован, не обеспечен. Все суетился. Мать жалко.

Дома у него оставалась слепая мама, которую он ограждал от любых переживаний.

— За что ей такое? Она родила меня поздно, в сорок с лишним. Не звоните ей часто. Не мучайте.

Мать, конечно же, знала, но по негласной договоренности они оба не упоминали ни о диагнозе, ни о прогнозе. Ее два раза приводили в хоспис. Видимо, она ослепла не так давно, потому что ходила плохо и целиком зависела от проводника. Проводником был ее старший сын.

Приходил он редко. Вернее, почти не приходил.

— Мама, вы как там без меня? — спрашивал Миша.

Не оставлял без заботы и нас. Кормил хосписных рыбок и птиц и звал меня к телефону, если я была не в отделении.

— Вот чего все носитесь, Петровна? Ходить надо, не бегать.

Глядя на Мишу, я поражалась его умению радоваться. Его радовало ну буквально все — и снег, и утро, и даже обычное «Привет, Миша, как ты сегодня?»

Он сам спросил меня, сколько осталось.

— Немного, Миш. Совсем немного.

Заплакал.

— Матери не говорите…

Он вытер глаза и, перейдя на «ты», попытался что-то сказать еще.

Не получилось. Взял бумагу, размашисто написал: «Чего сидишь — попа зови скорее!!!»

Ушел он тихо. Так же, как и жил.

Он один из тех, с кем мне очень хочется встретится там, куда они уходят, и сказать: «Привет, Миш, как ты?»

Про Одессу

June 28th, 2006 at 4:43 PM

Звонит пожилой мужчина из Нью-Йорка, у которого в Одессе болен родственник.

— Алё, я говорю за моего брата. Он из Одессы.

— Чем могу помочь?

— Я вам скажу, только подождите, я сейчас поплачу, — слышу, как плачет в трубку минуту. — Таки я вам скажу за брата. Он очень хороший человек. Подождите, доктор, поплачу еще.

Жду.

— Он такой, каких не бывает. И не эмигрировал. Он всегда был упрямец. В нашу маму. А бабушка была еще хуже.

— Не плачьте. Вы скажите, что можно для вас сделать.

— Поговорить.

— С вами?

— Зачем со мной? Я с вами и так говорю. С братом. Он в Одессе.

— Он болен?

— Да.

— У него диагноз какой?

— Камни в почках.

— А я онколог.

— Тю!!!

— Ну да, а вы что подумали?

— Я в интернете прочел за вас.

— Вам помощь нужна?

— От онкологов нет. Будьте здоровы. А вы в Одессе были?

— Нет, никогда.

— А вот это зря.

Руководящий работник

June 30th, 2006 at 10:44 AM

В Святошино мало богатых квартир. Среди наших пациентов, которые обслуживаются выездной службой, их нет вообще. Исключением стал один больной, которого передали из ведомственной поликлиники.

Новый дом с арками, полупустой, отстроенный совсем недавно, с горой не вывезенного мусора вокруг.

Лифт работал, что несказанно обрадовало нас, постоянно испытывающих на своих ногах недофинансирование и изношенность киевского ЖКХ.

На пятнадцатом этаже — две квартиры. Нам в ту, что налево.

Дверь открыла молодая женщина лет тридцати.

— К Витольду Ивановичу? — величественно спросила она. На ней была короткая юбка и открытая блузка с надписью *Chanel*. На руке блестело тоненькое обручальное кольцо.

Мы покорно кивнули.

— Пройдите и подождите меня на кухне.

Подождали.

— Значит, так, — так же величественно продолжила наша собеседница, — Витольд не знает, что вы из хосписа. Он вообще ничего не знает.

— А что вы хотите от нас?

— Чтобы вы осмотрели его и ушли. И отзвонили тем, кто вас сюда прислал. Мы недавно поженились, а тут побыть вместе не дадут.

— А кто нас прислал — это не вы передали просьбу в поликлинику?

— Дети от первого брака.

— Понятно.

И такое бывает. Набрав диспетчера, узнала, что, действительно, вызов передан по просьбе сыновей Витольда, которые не живут с отцом.

— Вы хотите положить его в хоспис?

— Не приведи Господи. Они ж не отвяжутся тогда. Мне надо успеть решить имущественные вопросы.

— С нами вы их не решите.

— Понимаю. Подметки на ходу режут. Они узнали, что Витольд болен раком, и теперь будут претендовать на квартиру. А я пока прописана в Николаеве. Нотариус будет только завтра.

Ее откровенность удивляла.

— Вы недавно поженились?

— А что вы так это спрашиваете? Да, недавно. Имею право. Вы думаете, легко говно грести за ним? Из него валит, как из паровоза. Фу.

Проведя инструктаж и пригрозив, что на правах новобрачной запрещает нам произносить слово «рак» и требует только запись в амбулаторной карте об осмотре, она разрешила нам пройти к больному.

На двуспальной кровати лежал худой мужчина шестидесяти лет.

— Алечка, это из поликлиники?

— Да, Витольдик, — ласковым голосом сказала она.

На вопрос, давно ли он болен, Витольд ответил, что около года, когда был прооперирован по поводу непроходимости кишечника. После операции все разговоры с врачами вела Алечка — бывший секретарь из департамента, в котором он работал. Алечка так хорошо ухаживала после больницы за бывшим шефом, что они решили пожениться. Не сразу, конечно, так как Витольд Иванович был женат раньше и требовалось время на неприятный бракоразводный процесс. Стоило это больших денег и нервов. И теперь здесь он будет жить не с первой женой, как планировалось, а с Алечкой. Ведь она из Николаева.

С бывшей семьей он не общается, дабы избежать неприятных моментов. Ни в чем не нуждается. От обезболивания отказался. Все вопросы по состоянию попросил решать со второй женой. Отказ подписал на бумаге.

Так как спросить, собственно, было больше нечего, поинтересовалась, кем работал Витольд Иванович до болезни. За него ответила Алечка:

— Он был руководящим работником.

На этом с Витольдом, который лежал почти все время молча, мы и распрощались. Он не спросил ничего и только внимательно смотрел на сильно нервничающую супругу.

Алечка выдавила нас снова на кухню и прошипела:

— Вот теперь отзвоните им. Деткам. Лечить они его решили. Поп звонил тоже. Не от вас случайно?

— А вы не хотите сказать ему о том, что он очень тяжело болен?

— Я разберусь, что говорить, сама. Уходите. Скажете ему — буду вас судить. Не имеете права. Я законы знаю. Такой хай подниму — ни вам, ни им мало не покажется. Он вам сказал, чтобы общаться только со мной?

— Сказал.

— До свидания.

Лешка, второй врач, сказал мне в лифте:

— Сучья у нас работа, Петровна.

Мой Кулибин

July 3rd, 2006 at 12:35 PM

Настоящая фамилия была другой. Но все звали его Кулибиным за изобретательность и руки, которые могли починить все — от фильтра для аквариума до сломанной двери в палате.

А был он Сашей Худяковым сорока восьми лет. Долго лежал дома, потому что боялся оставить одну совсем старенькую маму. Мама жалела его и говорила, что справится сама, но Саша не верил и отказывался ложиться в хоспис. Говорил он плохо — в трахее стояла трубка, и для того, чтобы сказать, он зажимал ее пальцем.

Мы приходили к нему в странную квартиру, где на столе громоздился «вечный двигатель» — труд всей его жизни, диссертация по какому-то важному вопросу физики, которую он защитил лет десять назад, трехлитровая банка с лежавшими вперемешку старыми советскими деньгами и украинскими купонами, паяльник, отвертки, какие-то неизвестные приборы со стрелками и карамельки, которые он покупал для мамы. И большой список телефонов сотрудников какого-то НИИ, где он работал до закрытия из-за недофинансирования. Он пальцем показывал на фамилии и имена и ждал, что они придут к нему. Была картонная папка с веревочкам, на которой было написано «ИДЕИ». Внутри лежали статьи и письма к бывшим коллегам с просьбой опубликовать их. Коллеги не отвечали, но он не обижался.

Были и два диплома о высшем образовании — физика и история, но почему-то нигде не нашлось места, где он мог бы применить свои таланты.

В его квартире все двигалось и включалось при помощи приспособлений.

Свет зажигался не от выключателя, а от кнопки на столе, и даже форточка имела какой-то привод для того, чтобы не надо было тянуться наверх. Свои изобретения он дарил всем, кого знал. Сотрудникам, соседям, друзьям. Его считали чудаком и фантазером.

Так как возможности общения словами были ограничены, он писал записки на всем, что придется, — на фантиках, обрывках бумаг и даже на ладони. Своей семьи у него не было.

— Не любил, — говорил он.

Он различал персонал по шагам и никогда не ошибался, кто

идет.

Так как любимцем отделения он стал сразу, медсестры и няньки приносили ему сладости. Кто-то принес мед в сотах. Он пожевал его и подавился. Сине-черным вывалился из палаты и буквально упал ко мне на руки. Даже не знаю, как сообразила выдрать трубку из разреза на трахее и сунуть ее под кран. Помню только его глаза.

Когда он продышался, я накричала на него и заплакала. Он опустил голову и ушел в палату. Вернулся с запиской: «БОЛЬШЕ МЁДА ЕСТЬ НЕ БУДУ».

А потом я купила в хоспис первый оксигенатор. Худяков сидел перед ним час и смотрел, как работает эта машина, благодаря которой можно получать кислород из воздуха, а не из кислородной разводки на стене.

Крутил, пробовал на себе и долго о чем-то думал.

Спросил, кто сделал машину. Ответила, что не знаю. Кто-то в Швейцарии. Он просипел: «Спасибо хочу. Сказать хочу».

И написал на листочке: «От всего человечества — спасибо». Именно так.

На этом же генераторе кислорода он и пролежал последние три недели. Так как аппарат этот был один, я полностью отдала его задыхающемуся моему Кулибину. Однажды он разобрал его, сняв внешнюю крышку. Нянька увидела и пригрозила пожаловаться. Он быстренько собрал обратно.

В выходной позвонила дежурная медсестра и сказала, что Саша, посмотрев телевизор, вдруг попросил отвезти его домой. Оказалось, что он выиграл в телевизионную лотерею пятьдесят гривен и хотел отдать деньги матери. Он отвез. Больше они с мамой не виделись.

Помню его исповедь. Пять листов мелким почерком. Писал всю ночь, утром, узнав по шагам священника, отдал ему и дополнял его чтение своим хриплым «Каюсь, отче!».

Одышка нарастала, но он регулировал поток кислорода и писал, что все будет хорошо. А одним утром я пришла и увидела в ординаторской этот оксигенатор. С него были сняты трубки и наклеен пластырь с отметкой о проведенной санобработке. «9 сентября. Два часа утра».

И никто больше не узнавал меня по шагам.

Малыш

July 20th, 2006 at 7:58 PM

Сегодня приняла пятилетнего малыша в хоспис.

Мальчик очень терпеливый, хотя тяжело перенес переезд из дома в отделение.

Будет лежать с мамой.

Спросила его, что беспокоит и что можно для него сделать. Посмотрел взрослым взглядом и сказал: «Тишины хочу…»

Просто Таня

July 31st, 2006 at 11:33 AM

У нее ярко-голубые глаза и радостная улыбка. На левой руке — татуировка «Таня», сделанная много лет назад в Магадане.

Родилась она на Украине. Как попала в Магадан, я не спрашиваю, она об этом тоже говорить не любит.

Одна. Есть телефон дочери, который не отвечает.

В хоспис ее привезли двое. Один из них на вопрос, кто он Тане, ответил: «Брат. Во Христе».

Следующий вопрос «брат» задал сам: «Как оформить доверенность на получение Таниной пенсии?»

Третий, и последний в нашем общении, — задали уже брат и сестра, тоже, соответственно, во Христе: «Как оформить доверенность на квартиру, пока Таня в сознании?»

Свидетели Иеговы. Она их любит. Хотя она любит всех, кто к ней приходит.

Она радуется всему, что ее окружает, — соседкам по палате, цветам, конфетам и даже утреннему кипятку, который ей приносят вместо чая.

— Танюша, тебе где больше нравится жить — здесь, в Киеве, или в Магадане?

— В Магадане. Там люди добрее были. Знаешь почему?

— Нет.

— Потому что ссыльные. Они добрые. Все.

Про ремонт

Sept. 16th, 2006 at 3:25 PM

В открытую дверь комнаты выездной службы со страшным криком влетела санитарка Оля.

— Ой, Петривна, ой не можу…

— Что?

— Труп. Все. Чуть не поме́рла сама.

— Где?

— Там, — отчего-то шепотом сказала она, — в комнате для родственников.

Трехминутный марафон из комнаты, где была выездная служба, до отделения, где тогда проходил капитальный ремонт.

На полу лежал мужчина — сантехник, который с утра еще пытался установить раковины и унитазы в отделении. Лежал тихо, лицом вниз. Очень живописно лежал.

Со вторым доктором осторожно перевернули несчастного. Дышал он редко и глубоко. Выдыхаемый воздух сообщал о том, что была принята немалая доза спиртного.

— Оля, я тебя убью, разве так можно пугать?!

— А шо?

— Да пьяный он.

— Ой, лихо. А лежит як мертвяк. Я ж сама чуть не вмерла, — она шумно вздохнула.

— Позови прораба, что ли.

Чертыхаясь, повернули сантехника набок.

Вызванный прораб был страшно возмущен нашей реакцией.

— А чего орать сразу, а? Лежит человек и лежит. Вован это, — радостно сообщил он.

— Вы ремонт тут делаете или пьете?

— Ремонт.

— А это что? — показываю рукой на сантехника.

— Как что? Устал он. Вот и лежит. Ну, люди…

Развернувшись, мы обошли пустые палаты и коридор. Я насобирала пустых бутылок, сложила в пакет и показала бригаде строителей, которые обсуждали уже, как транспортировать Вована домой.

— Ну? Видели? Ваше?

— Нет.

— А чье?

— Не знаем. А где нашли?

Поняв, что разговаривать бесполезно, ушла обратно.

Через два дня заходит Вован. Протрезвевший.

— Петривна, мне тут сказали, что вы бутылки собираете? Так я принес.

Совесть

Sept. 25th, 2006 at 11:17 AM

Один звонок в дверь означает — посетители. У своих — два коротких звонка.

Кто-то, за дверью, давил на кнопку долго, отчего звонок стал похожим на гудок парохода.

На пороге стоял совсем пожилой мужчина в костюме и шляпе. В руках — старомодная авоська с парой апельсинов и яблок.

— Добрый день, — сказал, входя в отделение.

— Вы к кому-то пришли?

— Именно так. К Васильеву, палата номер девять. Я звонил, — он протолкнулся вперед, поставил сетку на диван и продолжил: — …вы сразу не открыли — непорядок. Я, так сказать, человек правильный и пунктуальный.

— Наверное, мы не сразу услышали. Проходите.

— Вот-вот, не сразу услышали, не успели, недопоняли. А во всем должен быть ус-та-нов-лен-ный порядок. И правила. Без них,

так сказать, везде бардак. Полный и, так сказать, бесповоротный. А всего этого можно избежать…

Мне мешала его говорливость и выражение «так сказать», которое он вставлял в каждую фразу. Мысленно пожалев несчастного Васильева, я попыталась проводить посетителя — а звали его Андрей Андреич — до палаты.

— Не торопитесь. Торопливость, так сказать, до добра не доводит. Помогите мне переодеться. Спецодежда тут полагается?

Ему дали халат и бахилы. Андрей Андреич долго надевал их на себя, тщательно застегивая все пуговицы.

— А маска? — спросил он.

— Зачем?

— Да как вам объяснить? Природы рака никто не знает. Вы уверены, что я ничем не рискую?

Так как я была не уверена ни в чем, то принесла ему маску из перевязочной.

Он натянул ее и произнес:

— Я готов. Вы проведете меня, доктор?

— А он вас ждет?

— Нет. Сюрприз, так сказать. Старые коллеги по работе. Жизнь — интересная штука. Я Юру знаю много лет. И мы, так сказать, враги лютые. Обстоятельства так сложились в свое время, что мне пришлось… — он замялся. — В общем, грешок за мной. Да, собственно, не грешок, но тянет что-то внутри. Надо расставить точки.

— Давайте я спрошу, хочет ли он вас видеть, ладно?

— Правила. Да, я тоже соблюдаю закон и правила. Скажите.

Васильев угрюмо выслушал, кивнул.

Андрей Андреич просеменил в палату. Через три минуты оттуда мы услышали громкую фразу:

— Иди на х…, подлец.

Андрей Андреич из палаты вышел.

— Вот так и знал. Ни тебе раскаяния, ни тебе страха Божьего. А все почему? А потому что… впрочем, это не так важно. Я, так сказать, сделал все что мог.

— Вы прощения просили?

— Нет. Зачем. Я объяснить хотел. Были у нас трения. До следствия дошло. Я повел себя правильно. По законам того времени. А он — он не понимает. И теперь точно знаю, что я не ошибся. Где я могу вымыть руки?

Он тщательно мыл руки под краном в ординаторской. Потом переоделся и, попрощавшись, ушел. На стуле остались аккуратно сложенные халат, бахилы и маска.

И оттуда

March 2nd, 2007 at 9:19 PM

Мы не называли ее между собой по имени. Только «Она». Так больную звал *В.* — друг, который воспитывал ее ребенка.

Даже болезнь не смогла изменить ее облик — кареглазая, с длинными ресницами, она оставалась привлекательной.

Но что-то настораживало в ее взгляде, какой-то холод, то ли неприязнь, а может, да и скорее всего, — обида. На нас, на тех, кто остается, когда она уходит.

С ним она проводила много времени. Он ночевал с ней, утром шел на работу и возвращался после пяти.

Днем она лежала одна. Были подруги, были какие-то звонки, была даже мать, которая забирала мальчика к себе домой.

На вопросы она отвечала охотно, говорила о том, кем и где работала. Потом спрашивала, сколько времени осталось до прихода *В.* Он разогревал ей еду, помогал вставать, а когда она засыпала, выходил к нам.

Виновато переминаясь с ноги на ногу, спрашивал разрешения покурить. Пил чай. И вздыхал.

Я боялась спрашивать об их отношениях — это их жизнь, не моя. Разговор он завел сам.

— Елизавета Петровна, она не хочет умирать.

Киваю.

— Она хочет, чтобы я ушел вместе с ней.

— Как?

— Чтобы я не остался.

— Один?

— Да нет. Она боится, что будет другая женщина. Ну, вы понимаете.

Я не поняла, но на всякий случай снова кивнула.

— А вы женаты?

— Нет.

— А вместе давно?

— Лет семь…

Он замолчал и снова закурил.

— *В.*, вы ее любите?

— Любил. Сейчас боюсь. Ну и жалею.

— Жалеете — любите, правда?

— …Да. И боюсь. Я боюсь, что она мучается из-за того, что я остаюсь. Такое бывает?

Я думала, что ему ответить. Да, бывает. Бывает. «Тянут за собой» — так говорят мои санитарки, всеведущие мои няни…

Ему не сказала. Наговорила про интоксикации, депрессию, боли — мне не хотелось, чтобы он поверил в то, что такое действительно бывает.

А потом случилось страшное. Медсестра вошла с шприцем для того, чтобы ввести ей обезболивающее.

Она приподнялась в кровати и, размахивая руками, стала кричать:

— Я знаю, вы ждете, чтобы я умерла. И ОН будет ВАШ. А я не дам. Я ОТТУДА вылезу и… и задушу. Всех. И тебя, и всех. Я узнаю, кто это сделает. — Она откинулась на подушки и покорно подставила руку для укола.

Сестру трясло. Его тоже.

Да, мы назначили лечение. Оно приглушило боль и агрессию, но сути не изменило. Она оставалась такой же. Даже слабея, грозила ему пальцем: «Помни!»

Ушла она при нем. Тихо.

Он плакал и говорил, что ему страшно.

Через два года он пришел к нам. Живет один.

Жалко людей…

Ваши и мои

March 18th, 2007 at 2:20 PM

Врач — в обиходе Лёлик[14] — мы с ним ругаемся, любим, ненавидим, работаем вместе шесть лет, почти с самого основания киевского хосписа. В общем, часть моей семьи, скажем прямо.

Он делит, скорее всего непроизвольно, больных на ЕГО и МОИХ.

По стечению обстоятельств, ЕГО — это интеллигенты, сохранные, хорошо образованные, влюбленные, романтические.

Вы догадались, кто остался. Да, это МОИ.

Звонит.

— ВАШ поступил.

— Бомж?

— Нет, но почти.

— Кладем?

— Это ответ?

— Что-нибудь еще у тебя?

— Конечно. Хоронить его будем мы. Ну, вы… В общем, вы меня поняли.

— Пусть пока поживет.

— Я предупредил.

— Я поняла.

В другой раз:

«ВАШ “сладенький и несчастный” обоссал всю палату, разорвал три простыни и страшно орал матом. Все больные испугались».

«Приходили к одному из ВАШИХ. Вынужден был сторожить около комнаты для родственников, чтобы все не выпили и не

украли».

«ВАШ, ну из тюрьмы который…»

«ВАШ выпил почти все в баре».

«Ну, этот из ВАШИХ», — говоря это, он по-особенному смотрит на меня.

Я привыкла.

Увидела сегодня

March 29th, 2007 at 10:32 PM

В отделении онкологии молодая женщина с волосами, состриженными на нет. На ней голубой халат с ромашками. Из-под тонкой ключицы виден катетер, фиксированный белым пластырем.

Она провожала пятилетнего сына — темноволосого и кареглазого мальчика, который приходил на посещение.

Мальчик с папой сел в лифт и уехал, помахав маме пухлой ладошкой.

Она осталась и долго крестила его вслед.

Один

Apr. 4th, 2007 at 9:42 PM

Он был из первых моих больных в Киеве. У нас еще не было палат. Да и ничего не было.

Святошино, которое обслуживает хоспис, полно пятиэтажных панельных домов желтого цвета. Там грязные подъезды и неистребимый запах, замешенный на моче и кислой капусте. На пятом этаже жил Серёга. Еще его звали Серьгой. Тридцатилетний парень, жена бросила, с дочкой видится раз в три недели. Они боялись заразится от него. Раком. Об этом мне сказала мать Серёги на кухне. Плакала. Просила взять куда-нибудь в больницу, потому что характер у него стал невыносимым. Он был зол на весь мир, на здоровых и благополучных, на женщин, включая мать, на друзей, которые не приходили, оттого что он откашливал мокроту с плохим запахом. Он не мылся и не брился много дней.

Ел, как едят бомжи иногда — складывая вместе первое и второе в одну тарелку.

В его комнате была одна икона. Николая Чудотворца. Когда я вошла в первый раз, он эту икону демонстративно повернул к стене. Я нарушила его пространство. Он не собирался делить его со мной.

Диван, относительно чистое белье, три одеяла — он мерз все время. Табуретка с тарелкой и стаканом воды. Пепельница с водой на дне и тремя размокшими окурками. Пол-литровая банка с кровавой мокротой на дне. На полу — вытертый ковер. На стене — ковер целый. Мать подарила на свадьбу. Три журнала. Пачка

газет с кроссвордами. Под диваном — бутылки из-под вина.

— Я пью по стакану, когда болит сильно.

Это было его «здравствуйте».

— И помогает?

— Нет, не помогает. Вы кто вообще?

— Я доктор.

— А… А у нас денег нет больше. Мать последнее отдала. А еще я алименты плачу. Дочке. Так что говорить нам не о чем.

— Бесплатно.

— Дожил, б… Вы что, баптистка?

— Нет.

— Так чего надо?

— Я вас осмотрю и попытаюсь помочь.

— А сдохнуть вы мне не можете помочь. З…ло все. Мир — говно. Вы тоже. И я хочу этот высер мирской покинуть. Поможете?

— Нет.

— Тогда — в сад.

Он хрипло засмеялся и закашлялся надолго.

Сплюнул в банку и показал мне.

Взяла банку в руки — он вместе со мной заглянул в содержимое.

— А это кровь?

— Да.

— Херово.

Он сел, попробовал закурить, но передумал. Крутил в желтых пальцах сигарету и крошил табак на одеяло.

— Ну что, на ты? — спросил.

— Давай.

— Чё делать-то надо? — обреченно так спросил, я даже интонацию помню. Наверное, так спрашивают ментов или захватывающих в заложники.

— Ничего. Я сама. Дыши как обычно, я послушаю.

Худой. Слева дыхание проводилось, справа — тишина. Правого легкого уже не было. Осмотрела. Все было очень плохо.

— И что скажешь?

— Давай обезболимся, и от кашля тебе найдем что-нибудь.

— Поможет?

— Да. Должно помочь.

— Врешь.

— Почему?

— Все врут. И все б…и.

Отрицать не имело смысла. Говорил он правду. Это я его обманывала.

Дала лекарства, вызвала на себя районного онколога, чтобы выписал ему обезболивающие.

— Я буду тебе звонить.

— Ага, будешь.

— И послезавтра я зайду снова. А ты или мама скажете, помогает или нет.

Он не ответил.

— До свидания, Серёга.

В ответ — ни звука. Я пришла к нему через день. Он побрился и вымылся. Бутылка стояла на табуретке. Банка с мокротой была прикрыта салфеткой.

— Здравствуй, Сергей.

— Ты не бросай меня.

— Не брошу.

— И сестры, телки твои, пусть приходят.

— Хорошо.

— Только не бросай меня.

Пантера

Apr. 15th, 2007 at 9:29 PM

Трудный товарищ попался. Характер — броня. Циник. Богат. На всех зол. Жизнь удалась вроде. Болезнь — как капкан. Нет, он не умирает пока, просто диагноз[15] сравнял его — сильного — со слабым.

Это «оказалось тяжелее, чем дефолт» — такого я еще не слышала.

Смотрит, молчит или в стенку лицом. В глазах — звериная тоска и боль.

Неделю билась. Пусть живет и умирает, как хочет. Обозлилась и я.

— Пей! Воду пей!

— Иди на х…

— Давай поговорим с тобой.

— Иди на х…

— Я правда уйду. Ты зачем меня позвал?

— Ага. И ты.

— Ну, что я?

— На х… иди.

— Знаешь, я тоже устала.

— От меня?

— От грубости твоей.

— А от болезни моей ты не… того?

— Видала и покруче. Ты не умираешь пока.

— Сука.

— Еще раз выругаешься — уйду. И ищи себе другого врача.

— Прости. Ты не сука. Ты…
— Воду пей.
Демонстративно громко делает глоток.
— Все?
— Нет.
— Я тебя ненавижу, — но делает глоток еще.
Допил.
— Ты счастлива… теперь?
— Поешь — буду абсолютно счастлива. А пока — так себе.
— А ты?
— Я потом.
— А почему болит все время?
— Пройдет.
— Нет.
— Пройдет.
— Обманешь — убью.
— Не убьешь.
— Нет, не убью. И ты не сука.
— Нет, я не сука.
— Ты пантера, Лиза, ПАНТЕРА.

Из жизни хосписа

Apr. 21st, 2007 at 12:35 PM

Больная у меня была. Больше года назад. Молодая. С незаконченным романом в прошлом. Она нежно краснела, когда герой этого романа приходил к ней на посещение. Каждый день. С яблоками, персиками и букетами цветов.

В забытом прошлом имелся и муж, который тоже приходил, но редко. Бывает.

Друг — назовем его так — определялся фразой, которую я цитирую дословно: «Д. — это то, что удерживает меня в жизни. Если бы не он, я не боролась бы». Вот так.

То, что удерживало ее в жизни, недавно пришло в хоспис и потребовало справку о том, что он за ней ухаживал. Для суда. По имуществу.

Справку он получил. Все правильно. Он действительно приходил и ухаживал.

Выкопировка

Apr. 22nd, 2007 at 9:21 PM

Больной после ларингэктомии, то есть после полного удаления гортани. Провел у нас два дня. Помню не по тому, каким он был, а как умер.

«Он не испугался, он не успел», — говорила я себе и сестрам. Тряслись руки, этого не скрывали даже карманы, в которые я их спрятала. Палата выглядела как после — нет, не знаю, как после

чего. Наверное, если из брандспойта облить красной краской белую комнату, это выглядело бы как то, что мы увидели.

Кровотечение из сонной артерии — это практически мгновенная смерть.

Родные были. Забрали тело.

Милиционеры пришли к нам через три месяца. От них мы узнали слово «выкопировка». Это перенос данных из ЗАГСа по свидетельствам о смерти. Совпадение по фамилии, имени, отчеству и году рождения. Ну, а дальше особого труда нет. Свидетельство о смерти выдается ЗАГСом на основании медицинского свидетельства, то есть справки с названием лечебного учреждения.

Мужчина разыскивался по подозрению в двойном убийстве. Родственники его прятали. Выкопировки по лечению — нет. И слава Богу. А по смерти — оказывается, есть. Так его и нашли.

Виновен он или нет — уже решили на Небесах.

А розовый круглолицый милиционер спросил:

— Он, может, сказал чего? А? — И жалостно продолжил: — Два висяка…

А больной говорить не мог. Нечем ему было говорить.

Я живой

May 24th, 2007 at 12:16 PM

Лет сорок, если верить справке. Без ступни — отморозил. Карие глаза, длинные вьющиеся волосы. Говорит быстро, будто спешит куда-то.

— Душа у меня есть, Петровна, бродячая она у меня.

— Болит где?

Смотрит, как будто я спросила его, как пройти в библиотеку.

— Чё болит-то? Душа и болит.

— Как ты спал?

— А-а-а. Петь хотелось. Гитара где моя?

— У друзей твоих.

— Ладно. Смотреть будешь?

— Нет. Вчера посмотрела.

— Правильный расклад.

Он говорит руками. Не знаю, с чем сравнить. Это не язык глухонемого, это не так, как говорят итальянцы. Это танец рук.

Выставляет два пальца на смуглой ладони — указательный и средний сложены вместе — и дирижирует своей речью.

По горлу провел, отведя худой локоть резко вверх, — так болело вчера.

— А сейчас?

Поднимает обе ладони на меня — как щит — не болит, значит. И головой качает.

— Гришка, какой же ты… Ты кто по профессии?

— Артист.

— Я так и подумала.

Важно кивает. Не обидела. Они это ценят.

— Пьешь?

Руки сжал в два кулака, голову втянул в плечи, глаза прищурил.

— Бывает. Я ж артист. И я живой.

— Сбежишь?

Виновато смотрит прямо в глаза, встряхивает волнистой гривой волос.

— Шампуня нет.

— Да ладно тебе, ты мылся вчера пять раз.

— Детский не возьму, а тот, что дали, твой наверное, духами пахнет, — морщит нос и подмигивает.

И снова — руками — жесты, уследить трудно, не знаешь, слушать или смотреть на него.

Входит Лёлик — доктор.

— Григорий, как дела?

Руки на коленях, голова в пол.

— Плохо.

Я отошла к окну, наблюдаю за ними.

— И что?

— Значит, так, — он пронзает доктора взглядом, — пива не дали, а обещали, и тапок жмет.

При этом взгляд опускается на ботинки доктора.

— Гриша, — не выдерживаю я, — дадим тебе новые тапки.

— Ботинок.

— Хорошо.

Он ходит на одном костыле, двумя не пользуется, не хочет.

Сбежит. Точно знаю.

Не мешки

May 28th, 2007 at 11:42 PM

Была у нас санитарка в хосписе — теть Маша. Таких уже не делают. Она знала ответ на любой вопрос, касающийся любого больного. От личных проблем до — когда последний раз пописал. Прирожденный психолог, она решала неразрешимые на наш, врачебный, взгляд вопросы.

Одного больного по просьбе родственников проконсультировал специалист, назовем его профессор *Н*.

Он многозначительно молчал, затем кивал головой, приводил данные по излечению с помощью его методики, разводил руками, слушал и говорил о процентах. Больной и родственники замерли в ожидании ответа.

Профессор снова помолчал, снова рассказал о проценте излеченных. По его методике. Уникальной.

Родственники спросили, когда можно приступить к лечению. Больной просто спросил, поможет ли ему это лечение. И тут профессор сказал, что гарантий дать не может, но попробовать стоит. Не бесплатно, конечно. Но можно. Без гарантий, так как обратились поздновато.

Они отказались от услуг светила. Родственники плакали. Больной растерянно смотрел на них, на меня и отчего-то на свои руки.

Тягостное молчание прервала тетя Маша, войдя с набором для, я очень извиняюсь, клизмы.

— Ну чё губы надул? — спросила она больного.

— Да профессор был, светило. Говорил много. Ушел вот. Не подхожу для его метода.

— Метод, говоришь, — спокойно сказала тетя Маша, вводя наконечник, — животом дыши, воду удерживай давай. Все они горазды. На кой хер хосписы, непонятно, если их послушать. Метод у него, а я тебе так скажу — пи…ть — не мешки ворочать.

Депутат — слуга народа…

June 9th, 2007 at 12:02 AM

Я знаю трех в Москве и пятерых в Киеве. Из них двое приходят к моим больным. Сначала со мной, потом сами.

Шестеро отказались или не ответили. Им не болит, как говорила санитарка тетя Маша.

На днях один — московский — спросил, может ли он посмотреть на больных. Сам. Сам попросил — сам виноват. Вы же знаете, что я не умею говорить «НЕТ». Но учусь.

Бывшие, прости меня, Господи, избиратели лежали и внимания на нас не обращали.

Мы тихо прошли. От двери, где жизнь и радости, — до двери, за которой открываются страдания и боль. За этой дверью — слезы жен и детей, тихое отчаяние мужей и отцов, причитания и молитвы бабушек и беспомощность дедов, которые стоят у кровати и делают вид, что вытирают пот со лба старомодным носовым платком с каемкой. Платок задерживают на глазах. «Жарко у вас».

У нас жарко. У нас так жарко, что слезятся глаза.

Мы шли от кровати к кровати. Медленно, не подходя к тем, у кого сидели родственники.

Депутат молчал, и только частый нервный кашель выдавал его волнение. Что говорить, ведь он смотрел на тот пласт, который не виден никому. Да и не очень-то нужен. Кто-то из светил определил их в процентах. Цинизм? Нет. Чистая правда.

На одной кровати лежал совсем маленький ребенок. Распятый на кроватке, с фиксированными ручками. Около него — мама. Дальше — еще ребенок. И взрослые.

Депутат шел, как по раскаленным углям. И молчал.

Выйдя обратно в здоровый мир, сказал: «Буду помогать». Будет.

Я не смотрела в его глаза. А он не смотрел в мои. В моих было сомнение, в его — слезы.

Когда его машина уехала, я вспомнила одну больную, к которой пришел Ющенко, — в то время мы открывали детскую палату. Женщина лет сорока, с четырьмя детьми услышала от персонала о том, что он придет. Она лежала «по социальным показаниям». В переводе на человеческий — это когда дома в смежных двух комнатах лежать невозможно, а дети голодают, потому что денег на лекарства для химиотерапии нет, и остались только долги. А долги они отдавали. Практически всю ее инвалидную пенсию.

Он зашел в палату, поздоровался. А женщина сказала: «Виктор Андреевич, а я за вас голосовала…»

И улыбнулась ему.

Художник[16]

June 27th, 2007 at 10:06 PM

«Елизавета Петровна, SOS!» — так начиналось письмо.

«Это не мой больной. Это не мое дело. Я устала» — всё это я проговаривала себе, когда прочла письмо от человека, который не мог пройти мимо. Зовут девушку Анна. Я не знаю ее ника в ЖЖ.

Она нашла бездомного у метро «Кузьминки». Виктор Алексеевич Козлов. Художник. Бывший. Бывший, потому что его подожгли этой зимой. Подожгли спящего. Беспомощного человека, который реставрировал храмы. Которого выгнал на улицу сын, продавший квартиру. У которого нет документов, а продукты отнимают или другие бомжи, или азербайджанцы.

У него обгорело лицо и руки. Он больше не будет реставрировать храмы. На руках — гноящиеся рубцы и нет нескольких фаланг. Лицо. С таким лицом его больше не пускают в метро. И не сажают в машины. Милостью Божьей таксист согласился довезти его до больницы. Такая история.

Если вспомните

July 6th, 2007 at 2:19 PM

Вчера около метро «Маяковская» сидел мужчина. С красивейшими ярко-голубыми глазами. Этот цвет глаз меня обезоруживает. Всегда и всю жизнь: муж, олигарх, сын, депутат, друг, неважно кто.

Я люблю всех с голубыми глазами. Очень.

Поэтому я передала сумку секретарю Наташе и пошла с этим мужчиной туда, куда он сказал. А сказал он два слова.

«Подвезите меня». Он произносил эту короткую фразу несколько раз, обращаясь ко всем, кто выходил из метро. Люди проходили мимо. И я прошла мимо. Спешила. Оглянулась напоследок — и увидела его глаза.

Мужчина сидел в инвалидной коляске. Один. Посередине огромной улицы. И просил подвезти.

— Куда вас отвезти?

— Прямо. Поехали, — твердо сказал он.

И мы поехали. Вдоль Тверской-Ямской, затем свернули на Чаянова. Нас обходили спешащие пешеходы, но мы тоже не промах, ловко огибали их и хором с моим голубоглазым спутником скандировали: «НЕ НАРУШАЙТЕ ПРАВА ИНВАЛИДОВ!»

Секретарь Наталья едва успевала за нами. Дальше — дорога в гору. Наталья взяла управление на себя, и мы поехали по проезжей части. Оттого, что тротуар не приспособлен для передвижения на коляске. Водители теперь осторожно тормозили и объезжали нас. Никто не ругался.

Приехали. К инвалидной машине. Скорее всего, мой спутник живет в ней.

Пятнадцать минут пешком, толкая коляску. Нам предложили помощь лишь однажды, когда я не могла переехать бордюр тротуара около перехода.

Зовут его Петр Иванович. Мы договорились о том, что я буду катать его каждый вечер от «Маяковской» до Чаянова. Если вы увидите его около «Маяковской» — помогите ему. И мне. Если вспомните.

Женское

July 16th, 2007 at 10:58 PM

Жарко. С секретарем Наташей увидели в витрине платье — синее в белый горох. На манекене. Мой размер.

Заходим.

— Я хочу померить это платье.

— Платье?

— Да. В горошек.

— Ну давайте, девушки.

Разделась (простите, кого смутила). Надела. Зову Наталью. Она входит, ее оттесняет продавщица. Тоже посмотреть хочет.

Я говорю:

— Занавеску прикройте, пожалуйста!

— А что, у вас фигура ничего себе, стесняться нечего. Вот только груди у вас считайте что нету. А это платье грудь требует.

Current Mood: смеюсь

P.S. А все-таки я купила себе платье. Из чистой вредности.

Не в белый горох на синем, так как грудь бодливой корове… дальше вы знаете сами.

Шелковое, прозрачное и подходящее мне по размеру. Надену. И уеду.

И буду танцевать. И смеяться. Ну и всякое, что полагается делать в отпуске. На день. На полдня. Но отпуск.

Жемчуг

July 20th, 2007 at 9:54 PM

Искала серый жемчуг. Знаете, как недосягаемая мечта. Нет, я совсем не хочу его купить или принять в подарок. Он мне совершенно не нужен.

Мне нравится просто смотреть на него. На его матовый блеск, на неправильную форму жемчужины.

Так как довольно длинный сегодняшний день почти закончился, в ожидании последнего, надеюсь, на сегодня звонка я поискала серую жемчужину в гугловских картинках.

И что же я нашла? Тыкву с таким названием, цвет автомобиля, какие-то украшения, ресторан и только на почти последней странице — серые жемчужины. Холодные, большие и такие ненужные.

Пламя

July 22nd, 2007 at 9:51 PM

Она не входила. Она влетала.

А его перевели в хоспис днем. Собрать анамнез оказалось делом нехитрым. Здесь болит, там тянет, рвоты нет, болей тоже нет.

— Почему к нам?

— А посоветовали.

Осматриваю. Вышибается дверь — со свистом — она так приходила.

Я прошу ее выйти. Резко. Вышла. Дверью стукнула. Громко так. Весомо.

— Видели?

— Да.

— Нет, вы ее видели?

— Видела.

— Ну и как?

— Что как?

— Да, доктор, КАКАЯ она!

— А…

— Таких больше нет.

— Но вы-то нашли.

— Нет — я успел найти. Успел.
— Значит, повезло вам. И ей.
— Ей меньше.
— Ну, не надо так грустно.
— Это пламя, а не женщина. Пламя. Танго.
— У вас кто-то есть из близких?
— Мне больше не нужен никто. Я все нашел.
— Вы из Одессы?
— Да.
— А она из Киева?
— Ну, пустите уже ее, доктор.

Бабник

Aug. 1st, 2007 at 8:09 PM

Осматриваю старого пациента. Его жена стоит рядом и вдруг безапелляционно заявляет:

— Да он бабник.

Отвечаю ей, что мне, по большому счету, все равно.

Она же, явно желая поговорить о его неверности, повторяет:

— Бабник, бабник, всю жизнь мучаюсь.

А мучаются они вместе пятьдесят восемь лет. Столько и прожить не каждому дано.

Собираюсь уходить. Дед, сидя в кресле, рычит мне:

— Елизавета Петровна, я же не того…
— А что?
— Ну не бабник я. В прямом смысле.
— ?
— Я о них, о бабах, только думаю.

Про желания

Aug. 5th, 2007 at 3:01 PM

Капризный больной. Сложный, со своими заморочками. Или в стену смотрит, или в никуда.

Разговариваю, как с глухонемым. На себе показываю и спрашиваю: «Здесь болит? А здесь?» Иногда кивает. Больше молчит.

Я заметила, что есть такие люди — совсем не обязательно больные, — которым гораздо проще общаться вживую, чем, например, по телефону. Реже бывает наоборот. Вот тут как раз тот случай.

Звонить не представляется возможным, снова иду на расспросы, что и как, но он просто непробиваемый.

Я не люблю устанавливать рамки для больных, поэтому, говоря совсем честно, из меня можно вить веревки.

Предлагала поесть, попить, посидеть, постоять около окна, погулять, почитать, послушать, отвезти и привезти, еду, вино,

водку и так далее.

Стараюсь не сорваться, а тянет. Но нельзя. Снова упрашиваю. На втором часу он меня пожалел.

— Хочу.

— Что?

— Желаний. Любых. А их нет.

Не понятно

Aug. 12th, 2007 at 9:54 AM

Она говорила прерывающимся голосом.

— Елизавета Петровна, это Галя.

На сегодня звонок любой Гали у меня ассоциируется с медицинской сестрой, которая сейчас работает с моей мамой[17].

Я выдохнула из себя только:

— Что?

Она снова заплакала. Мне показалось, что я перестала дышать.

— Говори, — не выдержала я.

— Это Галя, — снова слезы. — Вот вы встречаете разных людей, вы не могли бы им передать…

— Какая Галя?

— Ваша. Из Саратова. Больная.

Господи, у меня нет сил больше.

— Я передам. Скажи что. И как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Вот скажите мне. Я усыновила ребенка. В Саратове пособие для одиноких усыновителей двести рублей. А он кушать хочет и растет. И главное, — она говорила быстро, потому что дорого звонить, — главное, что я такая не одна. Нас много, понимаете? Я только хочу, чтобы вы ИМ передали, что на эти деньги жить нельзя. Мы усыновили детей в начале девяностых, чтобы дать им новую жизнь. Передайте ИМ.

ИМ я не передам. Потому что они, видимо, не слышат совсем. Я передам вам.

Мне не понятно, за что наказывают людей. Мне не понятно, чем руководствовался чиновник, назначая такое пособие для одиноких усыновителей в Саратове. Мне много чего стало не понятно за этот почти год в Москве.

Галя не виновата, что заболела раком. Мальчик[18] не виноват в том, что его бросила биологическая мать.

Никто ни в чем не виноват.

Брошенки

Aug. 16th, 2007 at 10:54 AM

Так мы называем их между собой.

Сейчас их двое. Их палаты напротив. Обеим — по сорок с небольшим.

У обеих — дочери, тринадцати и четырнадцати лет, которые ухаживали за ними дома.

У одной девочка умеет варить суп и картошку. И менять пеленки.

У второй — так же, только помогала еще бабушка подружки из школы.

Они похожи. У них извиняющиеся взгляды блестящих глаз. У одной — голубых, у другой — карих. В глазах перемешаны боль и страх за детей, которые остаются здесь. После них. И еще — выражение чего-то, за что, по их мнению, нужно извиниться.

Рожали от любимых когда-то мужчин. О мужчинах они не говорят. Нет их, этих мужчин. То есть где-то они, вероятно, есть. Но не с ними.

Говорят о своих дочерях. Какие они самостоятельные, какими они их вырастили.

— У меня дочь. Но она малая пока. Мне страшно за нее. Я не могу вставать. И есть сама больше не могу.

— У меня доча. Она малая, но все умеет по дому. Я хочу поправиться. Ну хоть чуть-чуть, доктор.

И смотрят.

Обе тяжелые.

Одна уйдет раньше. Вторая чуть позже.

Плохое пройдет

Aug. 18th, 2007 at 9:07 AM

Когда это случилось, я не сказала никому и не писала об этом.

Деньги на больных я перевожу на свою карточку, которая всегда лежит в отделении хосписа. Мой врач отправился получать их где-то на Крещатике. Обратно он шел через подземный переход. У стены кричала девушка. «Помогите». Доктор подбежал, чтобы помочь.

Его ударили сразу. Отняли, понятно, все. Не у него. У больных отняли. А ему сломали два ребра и ударили по голове.

Как же я плакала, страшно вспомнить. Денег мне никогда не жалко. Я их и считать не умею, секретарши мои знают. А вот обидно было — сил нет. От подлости этих воров.

А потом пришло в десять раз больше денег. И карточку восстановили, и мы умнее стали, надеюсь.

Это я к тому, что все проходит. И плохое тоже пройдет.

Летчик

Aug. 18th, 2007 at 7:02 PM

В шапке, старом тренировочном костюме, с бумажным пакетом в руках — его провезли мимо ординаторской.

Шестьдесят лет. На шее — серый бинт, из-под которого

торчат клочья окровавленной ваты.

И родственники. Трое. Племянник и сестра. И жена. Женаты год.

В палату не пошли, оставив переодевание, перекладывание нам. Это бывает, но настораживает.

Пока мы перекладывали его на кровать, племянник подкатился к Лёлику с вопросом, есть ли у нас нотариус и срочно.

— Зачем?

— Он должен немедленно написать завещание.

— Вы понимаете, что он только поступил к нам?

— Конечно. Он же умрет тут.

Я оставлю дальнейший диалог незаконченным.

В палате осматриваю. Осторожно разматываю бинт — и как накрутили столько — дошла до опухоли. Больной мешает, толкается. Прошу посмотреть в окно, в сторону от раны. Смотрит.

Открыла. Закрыла с гемостатической губкой. Все еле держится, проросло насквозь и прорвет в любую минуту.

— Болит шея?

— Нет.

— Вы меня понимаете хорошо?

— Лучше, чем вы думаете. И не говорите громко. Я не глухой.

— Простите.

— Ладно.

— Вы давно больны?

— Давно. А это имеет значение?

Он прав, уже не имеет.

Закрепила повязку.

— Вам чего-нибудь хочется?

— Работать.

— А кто вы по профессии?

— Летчик. В Жулянах[19] летал.

Плачет.

— Пожалуйста, не надо.

Вытираю ему лицо. Не брился он около недели.

— Вечером будем купаться.

Молчит.

— Позовите какого-нибудь мужчину, он поможет мне подняться.

— Не надо вставать пока.

— Я сесть хочу.

— Держитесь за меня, и мы сядем.

— Я не могу, чтобы меня поднимала женщина. У вас есть мужчины?

— Давайте, обнимите меня, и мы сядем.

Худой, поднялся легко. Присел, огляделся в палате.

— Я пойду?

— Идите. Родственников только не надо звать. Очень прошу. Это выполнимо?

— Да.

— Тогда выполняйте. Пожалуйста.

Выхожу, вижу, что беседа про завещание продолжается. Только присоединилась жена.

Поделили их на двоих. Поровну. Я получила жену. Лёлик продолжил с племянником. Все в одной комнате.

— Вы, доктор, поймите. Я год с ним прожила. Ухаживала. Квартиру он отписал им. А мне дача полагается. У меня ребенок тоже есть. Я зря, что ли, год с ним жила?

— Алексей Владимирович, вы нас поймите. Отношения у нас не простые, она плохая. А мы бы к нему ходили. Даже тут. Войдите в положение.

— Я не могу вам помочь.

— Я не могу вам помочь.

— Он написал три завещания.

— Он ничего не написал.

— Он недееспособный.

— Докажите.

— Докажем.

Пока не дошло до драки, развели их по разным концам коридора.

Племянник быстро ушел.

— За нотариусом погнал, сука, — констатировал Лёлик.

Я вошла в палату. Он полусидел в кровати. Медленно поднял глаза, посмотрел. Устало закрыл глаза и прикрыл их ладонями.

— Я вам соврал. У меня болит все. Сделайте что-нибудь[20].

Я — мама

Sept. 2nd, 2007 at 1:45 PM

Мой младший сын в основном думает и говорит по-английски.

Говорить, писать и читать по-русски он тоже умеет. Но некоторые фразы звучат довольно смешно.

Мое любимое — «Ето делает меня грустным»[21].

А когда в Белграде мы проходили уличное кафе, он сказал, глядя на распивающих ракию мужчин:

— Я знаю, кто это. Скажу по-русски и просто. Однобутыльники.

Чужие

Sept. 12th, 2007 at 9:34 AM

Киев три года назад. Звонок.

— Я вас очень прошу, помогите положить мужчину умирать к вам. Он брошен. Он грязный, и у него боли.

— Кто вы больному?

— Никто. Бывшая жена. Разведены двадцать лет.

— А у него есть родственники?

— Нет, поэтому и звоню.

— Вы общаетесь?

— Нет. Конечно, нет. Подруга бывшая сказала. Но он человек,

понимаете? Что бы между нами ни произошло, он страдать не должен.

Она его и привезла к нам. Они не смотрели друг на друга.

Про Гусь-Хрустальный

Sept. 17th, 2007 at 8:45 PM

350 км от Москвы. Другая жизнь.

Девочка Оля, к которой нас вызвали, ждала нас трое суток. Не потому, что мы такие хорошие, а потому, что за девятнадцать лет ее жизни к ней никто не приезжал. Никто.

Она лежит поперек дивана в холодной комнате. Отопления нет. Рано, видимо, включать. Администрации виднее всегда, что, кому и когда надо.

У девочки метр роста, двадцать пять килограммов веса и единственная, левая рука, которой она поздоровалась с нами.

Она знает наши имена. Мама ей сказала, что мы приедем. Она спросила, кто это будет, и выучила имена, чтобы поздороваться.

У нее карие глаза, которыми она внимательно следит за всеми. Оля говорит и понимает, как девятнадцатилетняя нормальная девушка. Она понимает, что другая. Не больная, больной она себя не считает. Она другая.

Не нужная никому, кроме матери.

Вот вам холодные факты. Стиральной машины нет. У нее три пары колготок.

Пенсия — три тысячи рублей. Она хочет фотоаппарат. Снимать комнату, кроме которой у нее ничего нет. Маму. Попугая на подоконнике. Маленький телевизор. Окно с жизнью за ним.

Она улыбается. Как малыш. Тянет свою крохотную ладошку. Смеется, когда я ей рассказываю, что мы ехали к ней со скоростью за сто километров в час.

Что у них? Долги, окно, в котором дыры. И любовь. Иначе бы они не выжили.

Ссуда, взятая в банке, чтобы не умереть с голода.

На вопрос: «Оленька, а что ты любишь?» — она отвечает просто: «Кушать». Не шоколад, не фрукты, а просто еду.

Больше я ничего писать не буду. Потому что я не могу. Правда, не могу.

Заметила

Sept. 23rd, 2007 at 4:59 PM

Иногда в семьях с больными я вижу столько любви, что понятие о ее бесконечности становится реально ощутимым.

Это не поправленная подушка или повернутый вовремя на бок больной, не миска бульона, не икра и не цветы. Не чистое белье, не вымытые руки. Не модные лекарства и доктора и

сиделки.

Это преданность, прощение, терпение и привязанность. Единое целое, которое невозможно разлучить. Невозможность разлюбить ни при каких обстоятельствах. Там не бывает обид и недомолвок, нет вздохов, и жалоб тоже нет.

Есть данность. Любовь.

Про страховку

Sept. 30th, 2007 at 10:08 AM

Занимаемся страховкой для нашей «скорой».

— А что нам нужно для того, чтобы правильно закончить все оформление?

— Застраховать ваши жизни от несчастного случая. Не беспокойтесь, это копейки.

Петрово-Дальнее

Oct. 8th, 2007 at 6:49 PM

Дорога к нему идет по Рублевскому шоссе. Мы смотрели на коттеджи, дорогие рестораны и магазины. Иномарки, должна заметить, уступали нам дорогу. Иногда.

А потом коммуникатор, который показывал дорогу, привез нас в тупик. Видимо, когда-то там действительно была дорога, но теперь путь перекрыт загадочной красной стрелкой и новым домом. Развернулись. Дорога резко поменялась. Глина, песок, ухабы.

И вот — Петрово-Дальнее. Дом в поселке. Полуподвальное помещение с открытыми окнами. Соседи встречают словами: «Наконец-то! Вы бы в пятницу приехали, а то к вашему приезду убрались».

Темная комната с запахом гниющего мяса. На кровати — человек. Красивый. Шестьдесят лет. Рядом с ним — сестра-инвалид.

— Это я вас вызвала. К нам никто не ехал.

Вышел и, не попрощавшись с нами, исчез единственный сын больного.

— Андрей, что с вами случилось?

На шее — хорошо сформированное отверстие от трахеостомы. Трубки в горле нет. Она лежит на подобии стола. Дышит тяжело. На пальцах показал, что перенес восемь операций.

— Напишите.

«Трубка выпала, сам поставить назад не смог».

Плачет.

— Дышать трудно?

Кивает.

— Страшно?

Снова кивок.

— Я не сделаю вам больно.

Фонариком светил наш хирург Ваня Аминазин[22], водитель Паша Шумахер[23] стоял на подхвате с салфетками. Увидела то, что перекрывало отверстие. Как-то подхватила зажимом. Вытащила.

Скорее подходит слово «выгребла», простите за подробности.

— А сейчас вы будете кашлять.

Садимся вместе. Мы кашляли долго. И откашляли тоже много.

Иван мыл трахеостомическую трубку, тоже забитую неизвестно чем. К слову, у больного выключена вода. Так что сливали на трубку из бутылки. Потом обработали тем, что с собой было.

Еще раз спасибо тому неизвестному, кто подарил мне чемодан с инструментами.

Больной боялся, поэтому крепко держался за мою левую руку, оставив для манипуляций мало места.

Потом — смена докторов. Андрей держался теперь уже за обе руки. А Иван ввел трубочку. Ленточку вокруг шеи завязали. Задышал ровно, порозовел. Спасибо сказал. Все хорошо.

Кроме одного — воды в этой квартире так и нет.

А скоро не будет и света. За неуплату. Мы постараемся отплатить его долг.

Вот только кто-нибудь может мне объяснить одну вещь — можно ли ОТКЛЮЧАТЬ воду инвалидам? Инвалиду, который НЕ МОЖЕТ говорить. И звонить не может. И попросить ему некого. И никак не попросить, так как НЕ ГОВОРИТ он.

Ведь Петрово-Дальнее — не Москва, там все друг друга знают.

Что происходит с нами?

Обратно мы ехали по тому же ровному Рублевскому шоссе. Там другая жизнь. Другая.

На улице

Oct. 16th, 2007 at 9:51 PM

Едем тихонько на «скорой» в сторону Большой Полянки.

Яркого вида женщина активно жестикулирует в нашу сторону. Дворничиха или консьержка.

Шумахер открывает окно и спрашивает, что случилось.

— Человек умирает! Почти час умирает, и никого нет. Что за город…

Останавливаемся. Холодно.

Находим загулявшего со вчерашнего дня товарища. Абсолютно замерзшего, с красным лицом и тремором, который запомнится ему надолго.

— Что случилось?

— Плохо.

— Пили вчера?

— Конечно, пил. Водку.

— Залезайте.

Посадила на кресло. Давление померила. Высокое. Пульс — под сто сорок.

— Как зовут вас?

— Не помню.

— Живете где?

— Где-то рядом.

Документов нет.

— Что вы помните?

— Холодно было.

Отдали все свои куртки, руки согрели как-то, успокоили.

— Где живете?

— В больницу не поеду.

— А домашний номер помните? — осенило Шумахера.

Вот тут его прорвало. Номер выдал сразу. Я даже удивилась.

Потом всплыло имя. Затем медленнее — фамилия.

Набираем. Подошел сын.

— Нашли на улице. Это, мы, конечно, очень извиняемся, не ваш папа?

— Везите.

Довезли.

Надо было слышать, как сын сказал: «Ну, здравствуй, папа…»

Высадили, вернули. Сказали уложить спать. Ну, и не пить хотя бы сутки. И к докторам.

Надеемся, все хорошо у него.

Будьте осторожны.

«Чайка»

Oct. 27th, 2007 at 12:16 AM

— Лизавета, это дядя Саша[24]. В театр пойдем в субботу? Ставят «Чайку».

— Конечно, пойдем.

Этому разговору больше двадцати лет.

Сегодня вечером я снова смотрела «Чайку».

Наверное, никого из своих родственников я не любила так, как его. Мой дядя Саша. Он был младше мамы на несколько лет.

Педиатр — это под его влиянием я стала врачом.

Мы жили не так далеко друг от друга, и каждое воскресенье я проводила с его семьей. Помню, как он играл с нами. Помню, как меня, маленькую, он водил куда-то на День медика. Помню, как дарил мне подарки на дни рождения и ни разу не забыл

поздравить меня.

Это ему я доверяла свои первые секреты и свою самую первую любовь, с ним обсуждала, уже поступив в институт, как можно прогуливать лекции и при этом не заваливать сессии. С ним слушала летом на старой даче радиостанцию «Свобода» и говорила с ним до утра. Он носил чеховскую бородку и смотрел на меня добрыми карими глазами.

По его учебникам я учила пропедевтику детских болезней. От него мне достались «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого, которые я храню до сих пор.

Он приучил меня пить крепкий чай. Научил говорить с родителями больных детей. У меня масса привычек, которые я получила от него.

Перед тем, как стало окончательно понятно, что я уеду из России, я долго не могла сказать ему об этом. Потому что боялась.

— Ну что, не могла в Москве замуж выйти? — он вздохнул и надолго замолчал.

Саша (я всегда его звала так) стал слепнуть года за три до моего отъезда. Глаукома не позволяла ему работать. Инвалидность. Выпивка. Одна за другой. Вытаскивала из запоев, из мест, в которые он попадал. На какое-то время он становился таким, каким был до болезни. Потом все повторялось.

После отъезда из России — звонки. Читать мои письма он не мог — не видел. Последний звонок был недели за две до конца.

— Лизуля, приезжай, родная! Поговорим. Я тоскую.

Письмо от мамы было коротким.

«Лизочка, мне больно сообщить тебе, что дядя Саша погиб. Он был очень хорошим, но очень больным человеком».

Его, слепого почти, сбила машина на переходе около метро «Войковская». Машину не нашли. Характер повреждений определили на вскрытии.

Он долго лежал на улице — подобрали его дворовые мальчишки. Потом тело неделю пробыло в судебном морге, как неопознанное. Пока не стали искать его дети.

Тогда я не приехала. Сыну было пять месяцев, и я кормила грудью.

Меня убедили, что я просто не успею и пропадет молоко. Я плакала и кормила, практически не выходя из дома в Вермонте неделю. Просто лежала, подсунув грудь малышу. Он ел, я плакала и говорила с ним. Нет, не с малышом.

«Ну прости меня, ну прости, ну прости меня». И молилась, как могла.

Я не должна была уезжать или должна была забрать его с

собой.

Я до сих пор ненавижу себя за это.

И до сих пор люблю его, как живого.

Ему было пятьдесят лет.

Пока не идеальная

Oct. 30th, 2007 at 10:22 PM

Я пишу о том, что вижу. Меня часто обвиняют в том, что я предвзята в отношении врачей, родственников и чиновников.

Моя правда — на стороне больного. Прав он или не очень. Нравится это кому-то или раздражает. Я не могу по-другому. Когда смогу — надо будет уходить в идеальные жены. И когда-нибудь я сделаю это.

Пора учиться

Nov. 15th, 2007 at 10:00 AM

Отработали на Павелецком.

Бездомные перебрались в здание вокзала, тихо сидят там около входа в метро. Узнали нас, доложили последние события их нехитрой жизни за прошедшую неделю.

В Таню кто-то в шутку выстрелил петардой. Попал по касательной в шею. Лицо в гари. На шее — ожог.

Мужчину, чьего имени не знаю, милиционер ударил дубинкой по ноге. Спящего. Перелома нет, но отек и гематома обширные.

Сашка, негласная староста вокзала, поведала о том, что перед Днем милиции стражи порядка озверели совсем и били всех, кто спал. Колоритно объяснила, что она думает по этому поводу.

В основном — травмы и трофические язвы. Всех перевязали. Раздали одежду, которую вы передали.

Совершенно нет носков. И ботинок большого размера.

Сашка абсолютно серьезно спросила меня вчера две вещи, на которые я затрудняюсь ответить:

— Ты чё, в натуре не можешь отличить честного бомжа от е… го наркомана? А опера от мента?

Получив отрицательный ответ, она гордо заключила:

— Ты в людях не разбираешься. Пора учиться.

Действительно, пора.

Про детей. И про отцов

Nov. 16th, 2007 at 6:45 PM

Бездомный киевский больной. Пролежал у нас три недели. С документами, отсидел в тюрьме, потом мотался по городам, так и не найдя себе пристанища.

После смерти — позавчера — стали искать хоть кого-то из родственников. Они ведь есть почти у каждого.

Подняли всех — участкового милиционера, отдел по работе с

осужденными и так далее. Нашли.

Больной сидел за убийство своей жены. Четверо его детей воспитывались в детском доме.

Старший сын будет его хоронить.

Вспомнилось отчего-то сегодня

Nov. 25th, 2007 at 3:18 PM

Танюшка, проживающая на вокзале около трех лет, решила броситься под машину.

— Дави, дави, — кричала она иномарке, имевшей неосторожность заехать на территорию «Вторсырья» (это ужасно, но это так — я именно там их перевязываю).

— Дави-и-и-и-и-и! З…ла жизнь такая!

Руфина и Марина, со стажем бродяжничества побольше, подошли к ней и стали не оттаскивать, а объяснять.

— Таня, да что ты, Таня, это же грех. Отойди! Вот если ты замерзнешь или тебя замочат на вокзале, то тогда умереть не грех.

— Не грех, — взволнованно повторила Марина и перекрестилась.

Танюшка, махнув рукой, отошла от бампера.

Никогда не делала. Ладно

Dec. 11th, 2007 at 1:30 PM

По просьбе френдов.

1. Три вещи, которые мне непонятны:
— отчего происходит жестокость?
— зачем люди лгут?
— мир
2. Три вещи, которые меня пугают:
— ездить на машине по мосту
— любой обман
— смерть
3. Три вещи, которым бы я хотел научиться:
— не реагировать на плохие запахи
— отключать телефон
— научиться говорить «НЕТ»
4. Три вещи, которые сейчас на мне надеты:
Не поверите — ночная рубашка.
5. Три вещи, лежащие на моем столе:
— фонендоскоп
— ноутбук
— много бумаг
6. Три плюса моего характера:
— жалость
— терпение

— упрямство

7. Три минуса моего характера:

— жалость

— терпение

— упрямство

8. Три вещи, которые я делаю чаще всего:

— работаю

— люблю

— люблю

9. Три места, куда я хочу попасть:

— Соловецкий монастырь

— к любимому

— в театр

10. Три моих френда, которые продолжили бы флешмоб, как я хотела:

Я обычно не предлагаю флешмобов.

Все спокойно

Dec. 19th, 2007 at 11:21 PM

Сегодня не стреляли[25]. Все прошло спокойно. Страшно видеть, как те, с кем виделись совсем еще недавно, не переживут зиму.

Бездомные сегодня возбужденно рассказывали, как был обстрелян автобус. Удивительно, что это их так потрясло. Убить их могут каждый день, без обстрела, без описаний в газетах.

И как говорит бездомная Руфина: «Снимут нас на фотоаппарат менты. Мертвыми». Спокойно так сообщает, как об обыденном факте.

Всем, кто помог им, — спасибо.

Из разговора на Павелецком

Jan. 17th, 2008 at 9:35 PM

— Руфина, не пей, а?

— Немного. И от тоски. Лиз…

— А тоска от чего?

— Ты вот скажешь, что бездомная. Да? А я тоскую оттого, что любила знаешь кого?

— Кого?

— Ничтожество. Полное ничтожество. Бомжевать — не беда. Любить ничто — страшно.

Случилось

Jan. 27th, 2008 at 6:35 PM

По дороге с вызовов узнала, что у нашей «скорой» разрезали две шины. Этой ночью. А сзади машины нарисовали трогательный смайлик. На память.

Я не знаю, кому это принесет радость. А перечислить тех, к

кому я завтра не доберусь, — могу.

Завтра не получат помощи Оля, тридцать восемь лет, больная рассеянным склерозом и прикованная к кровати уже два года.

Марат, тридцать пять лет, с раком кишечника, которого нужно отправить умирать в другой город.

Виктор, пятьдесят шесть лет, который нуждается в перевязках.

Новая больная, пятьдесят лет, сестра которой проплакала вчера весь вечер, ища помощи для нее.

Мы не сможем перевезти ни одного ребенка по просьбе Солнцевской больницы или Института радиологии, если это им понадобится.

Я иногда прошу о помощи. Надо просить о другом — не мешайте.

Про беспредел

Feb. 13th, 2008 at 9:27 PM

Сегодня — много больных и голодных бездомных собралось уже к пяти.

Василию сломали руку дубинкой. Милиционеры. Ждал сутки нашего приезда — боялся и плакал. Отправлен по «скорой помощи» в больницу.

После 18:30 я ушла в другое место (намеренно не говорю, куда) — перевязать больных в тепле.

В это же время к нашей машине подошли два милиционера и спросили оставшегося бездомного, кто он и откуда. К счастью, у него на руках был билет для отъезда домой. Его не тронули.

«Опоздали», — разочарованно произнес один другому.

Да, опоздали. Сегодня нашим больным крупно повезло. Их не били дубинками и не свалили в клетку отделения милиции. Я не знаю, что будет завтра. И послезавтра тоже.

Зачистка Москвы перед выборами президента, чтобы лучше голосовалось, наверное. Правильному электорату. А у меня — неправильный. Не зарегистрированный, и далее продолжать можно бесконечно.

Знаете, даже в войну бомбить госпитали и больных считается не по правилам. А сейчас мирное время.

Среди моих бездомных 95 % — граждане России. Да, они не так успешны в жизни, как мы с вами. У них нет семей, нет квартир и много чего нет. Но они — люди. В большинстве своем люди больные.

Какой-нибудь укол

Feb. 18th, 2008 at 8:39 AM

В киевский хоспис поступил мужчина — бывший заключенный. Без сознания. Огромный, покрыт татуировками.

К нему ежедневно приходят друзья. Стоят около кровати, молча смотрят в пол или оглядывают стены палаты. Здоровенными кулаками вытирают глаза, громко сморкаются. Тихо переговариваются между собой.

— Доктор, он будет жить?

— Вы знаете, его состояние крайне тяжелое. Вы ведь осведомлены о прогнозе от хирургов.

— Доктор, укол нельзя какой-нибудь? А? — Шесть пар глаз с надеждой смотрят на нас.

— Какой укол?

— Ну, чтобы глаза открыл.

— Мне очень жаль, но…

— Блин. Вот жизнь.

— Вы были близкими друзьями?

— Да. Он нам денег должен.

Слово лечит

March 1st, 2008 at 10:44 PM

Больной О. живет с соседями. Они обижают его. Обзывают, ругают за мусор, оставленный на общей кухне.

— Лиииииииз! А меня Николай опять обозвал и турнул из кухни.

— Хочешь, я к нему в комнату пойду и тоже его турну? Хочешь?

— Нет.

— Ну, ты ведь обижаешься на его семью?

— Да.

— Тогда пойду.

— Нет.

— А как мне помочь тебе?

О. думает некоторое время. У него совершенно прозрачные глаза и добрая беззубая улыбка. Почти как у младенца.

— Лиииииииз! Скажи, что он гад?

— Ему?

— Нет. Просто мне скажи.

— Гад он последний.

— Спасибо большое.

О простоте и прощении

March 9th, 2008 at 12:25 AM

Часто мы недооцениваем совсем простые, но очень важные вещи.

Мой больной, живущий в коммунальной квартире, признан недееспособным по психическому заболеванию.

Он незлобив, наивен, часто говорит странные для нас, нормальных людей, вещи.

Но иногда он пронзителен в своем понимании происходящего.

Больной курит. Соседи по его просьбе покупают сигареты.

Не те, которые он просит, а те, что попадутся. Ему не из чего выбирать, он не придирчив.

— *Н.*, тебе опять принесли эти плохие сигареты. Они вонючие, ведь ты просишь другие?

— Да, прошу другие.

— А почему приносят вот эти?

Он молчит некоторое время, потом отвечает:

— Наверное, потому что они меня не уважают.

— А почему ты не скажешь им об этом?

— Мне их жалко, Лиза. Жалко людей.

Мама…

Apr. 2nd, 2008 at 8:37 AM

Вчера утром не стало моей мамы.

Полтора года. Полтора года для счастья нам с ней нужно было так мало — еще один день жизни.

Она не любила зимы и ушла в апрельское утро. Туда, где нет боли и страданий.

Я осталась здесь, где из боли и страданий других людей складывается моя жизнь.

Мама любила меня так, как любить могут только мамы. Только у нее я согревалась, доверяя ей все самое сокровенное, что происходило у меня.

Она плакала тогда, когда я плакать не могла. Она понимала то, что я понять не могла. Она утешала тогда, когда, казалось, утешить не может никто.

Она научила меня любить всегда. До и после. Прощать, что бы ни произошло. Никогда не опускать рук. Быть сильной, а это, Господи, как это трудно.

Полтора года мы провели вдвоем. Я бы отдала все, что могу, за еще несколько дней, понимая наивность своих просьб и молитв о ней. О нас.

Вчера я стала взрослой.

Спасибо всем, кто помнил о ней — в молитвах, делах, письмах и звонках.

Спасибо вам всем.

И прости меня, мама…

Не плачь

May 10th, 2008 at 11:32 PM

Потому что ничего не кончается. И даже когда нет рядом рук, поднимающих тебя, упавшего, не плачь. Не будет рук — будет веточка, за которую можно удержаться.

Встань и иди дальше. Ты сможешь. И не думай о завтра. Завтра и так будет, думаем мы о нем или нет.

Не кори, не ищи виновных, в конце концов, во всем виноваты мы сами — так или иначе. Я не верю в то, что все — к лучшему. Достаточно просто верить. Что так надо. А к чему — может, и поймем когда-нибудь.

Да. Не повторится многое. Но оно было. И оно — наше. И нашим останется. Слезами ли, счастьем, болью, с которой жить. Но — нашим.

Жалей. Не о прошлом, не о несбывшемся, жалей тех, кому, видит Бог, много хуже, чем тебе.

И прости. Всех тех, кто обидел, предал, оскорбил — так много чего можно написать, кто кому сделал плохого. Это вечная борьба добра и зла. И кто делал то или другое — по сути, не разобрать. У каждого своя правда.

Только не плачь. И ничего не бойся. Иди и делай. И все — получится.

Ваши вопросы. Мои ответы

June 17th, 2008 at 11:46 AM

Отвечаю на часто повторяющиеся вопросы.

1. Почему вы переехали в подвал?[26]

Помещение на Варварке дорого и неудобно для нас.

2. Вы счастливы?

Абсолютно.

3. Какого цвета у вас глаза или линзы?

Зеленого. Этот вопрос задают по нескольку раз. Ни линз, ни очков я пока не ношу.

4. Ваш муж читает ваш ЖЖ?

Нет.

5. Вы любите сейчас?

Да.

6. Вы можете полюбить человека вновь?

У меня никогда не получалось разлюбить.

7. Что вы не любите и с чем никогда не смиритесь?

Ложь. С ложью. К сожалению, в этом вопросе я бескомпромиссна.

8. Как, на ваш взгляд, нужно относиться к мужчинам?

Уважать, доверять, баловать и любить.

9. Вы способны разорвать отношения?

Я не способна их даже выяснять. Если не складывается — то исчезаю из чьей-то жизни тихо и навсегда.

10. Чего вам не хватает?

Времени и терпения.

11. Ваше любимое время суток.

Раннее утро.

12. Вас обещали носить на руках?

Нет, но иногда носят. Редко.

13. Вы хотите еще иметь детей?

Да.

14. Сколько денег ежемесячно тратится на больных?

Около десяти тысяч долларов. Нескольким больным мы помогаем долго, посылая деньги в самые бедные семьи.

15. Сколько олигархов вы знаете? Они помогают?

Троих. Нет, не всегда.

16. Что самое главное в жизни?

Любовь.

Сосны

July 31st, 2008 at 11:26 PM

Медленно ползущие Третье кольцо, Волгоградский проспект, Люберцы и Быково. Три часа — и мы перед воротами санатория. Сосны. Красивый старый парк. Ворота, которые, на удивление, открыли, узнав, к кому мы едем. Разрешили припарковать машину.

Персонал санатория проводил нас в комнату.

Из сводки я знала имя, диагноз и возраст. Из сопроводительной записки и короткого разговора поняла нежелание больной общаться и возвращаться в Москву.

Комната с открытым настежь балконом, откуда на нас смотрели сосны. Сосны и старые деревья, политые летним дождем.

К. полусидит в кровати, ее отец суетится с пакетами, в которых лежат салфетки, терка, миски, ложечки, пеленки и Бог знает что еще — все это заняло наш багажник целиком.

— Нас не будут держать до утра. Это санаторий. Ее отказываются больше оставлять здесь. Я снял гостиницу.

— Я написала… — *К.* передала мне письмо, которое писала со вчерашнего дня. — Мне трудно говорить.

Говорить ей трудно, речь — с богатым словарем, колкая, правильная, с точными определениями — теперь смазана и не всегда понятна.

Из записки *К.*:

«История такая. Жизнь — работа — семья, чувствовала во рту ранку, думала, что стоматит».

Не стоматит. Рак. Пролечена. Прооперирована и облучена. Шесть дней назад поставлен зонд, чтобы *К.* могла принимать пищу.

— Ты не ляжешь в хоспис?

— Нет. Я не готова умирать.

— Поедешь домой?

— Нет. Я устала от города.

Из записки:

«Я устала от вида гноя и крови, от терпения боли и от страшной правды. Сухие стены больницы меня добьют. Душе моей надо лечиться».

— В Москве тебе назначат обезболивающие, ты начнешь есть и, возможно, немного наберешься сил. А сейчас ты истощена. И тебе нужно особое питание.

— Не-е-е-т. Только не в Москву.

Из записки:

«У меня очень мало радостей — в полную силу не двигаюсь, выбирать еду не могу, общения мало — меня плохо понимают и говорить мне трудно».

— Куда бы ты поехала?

Тоненькая рука крепко сжимает мою — и *К.*, сильно волнуясь, говорит:

— Туда, где лес, где из окна сосны, как здесь, и где будет больница, где со мной будет мой папа. И где я смогу гулять. Пока могу.

Из записки:

«А душа не может только страдать. Поэтому мне так нужна природа».

Мы перевезли ее в гостиницу, в которой отец снял для нее комнату на несколько дней. Из окна сосен уже не видно. Через несколько дней надо будет что-то решать.

— Мне кажется, что можно было их уговорить оставить меня. Не уговорили.

— В хосписе тоже есть небольшой парк.

— Это Москва. Там нет природы. И там нет сосен.

Перед отъездом она меня спросила:

— Как ты думаешь, о ком мне сейчас нужно думать? О себе, о своей душе или о других?

Добавить мне нечего, кроме возраста. Ее и дочки. *К.* — тридцать лет. Дочке — три года.

Вот теперь я все сказала про сегодня.

P.S. Нет, не всё. Я хочу сказать спасибо неизвестным из ресторана, кто бесплатно кормит *К.*, принося ежедневно свежие соки и немного той еды, которую она выбирает.

Дожди!

Aug. 5th, 2008 at 12:58 PM

Хляби небесные разверзлись сегодня. Добежала до Сретенского монастыря.

Одежда — да что одежда и обувь — с головы до ног сама

вымокла под теплыми струями.

В монастыре запах ладана, дождя и влажных цветов. В храме никого нет почти.

Горят свечи, по куполу стучит дождь, не переставая, то тише, то громче.

На обратном пути дорога превратилась в бегущий по Сретенскому бульвару бурлящий ручей. Перепрыгивала, будто девчонка, и видела, как то же делали солидные бизнесмены, вылезающие из своих автомобилей, и нищие с кружечкой в руках, где копейки перемешаны пополам с водой.

Тяжелый день — пятница

Aug. 15th, 2008 at 11:54 PM

Сегодня я провела день в поликлинике для бездомных.

Больных было немного, треть из них знакома нам по Павелецкому, остальные были доставлены службой «Милосердие» или пришли сами.

Психически больная женщина, приведенная добровольцем, доверительно сообщила нам, что она из Бермудского треугольника, по принадлежности причислена к инкам, и шепотом добавила, что «их там много».

Потерявший квартиру в Новосибирске инженер пятидесяти лет, работающий живой рекламой, просил устроить его на другую работу. Любую с проживанием. У него высшее образование. Диплом он носит с собой. Потертый, выданный в 1970 году строительным институтом.

Некий Александр Владимирович с ампутированными стопами, ищущий справедливости. Он выложил справки о своем пенсионном доходе, который составляет около трех тысяч в месяц. Его трудовой стаж утерян в Казахстане после развала Союза. Семьи нет, родных не признает. Требовал правды.

— Какой?

— Вы согласны с тем, что к инвалидам отношение как к скотам?

— Согласны.

— Но вы такие же, как они! Вы с ними! В одном городе и стране.

Он громко кричал, метался в крохотном кабинете от стены к стене, в полупустых кроссовках, перевязанных шнурком по месту ампутации стоп.

— Я требую справедливости!

Получив бумаги с адресами Красного креста, Министерства здравоохранения, Департамента здравоохранения Москвы, он не успокоился.

— Справедливость где?

Ее не было. Ее, как мне кажется, вообще не существует.

— Всего вам доброго, — попрощались мы с ним.

Он промолчал, собрал бумаги и вышел прочь.

Через минуту вернулся и холодным голосом сказал:

— А я не желаю вам добра. Никому из вас не желаю.

Он сказал правду. Неприятную для тех, кто ее слышал, но — правду о своем отношении к нам. Благополучным.

Мы же, благополучные более или менее, относительно здоровые, иногда выражаем свое отношение к друзьям, собеседникам, сослуживцам, коллегам, в том же смысле — я не желаю вам добра, — вуалируя суть под другими словами. «Не надо со мной ссорится». «Я надеюсь, что ты понял (поняла), что я сказал (сказала)». «Надо делать так, иначе будет не так» и прочее, суть которого — «не желаю вам добра». В своей жизни я сталкивалась с этим очень редко. Три или четыре раза.

У меня много терпения. Генетически — от моей мамы.

И своя позиция в одном. Я не выношу вербально выраженную ненависть. Пусть и другими словами, фразами. Все равно они мне отвратительны. Отвратительны по сути, потому что словами можно сеять вражду и зло вокруг. И за всю свою жизнь я не разубедилась в этом.

Это не относится к больным, которые доведены до отчаяния. Это абсолютно другая категория, которую нужно бесконечно жалеть и смирять себя, свое отношение к их словам.

Я о здоровых. Может быть, усталых, раздраженных, измученных проблемами — но все-таки живых и устроенных в этой жизни.

Что я делаю, когда такое случается со мной? Ухожу тихо и навсегда. И никогда не обижаюсь. Никогда.

Отличие

Oct. 1st, 2008 at 9:29 PM

Один бродяга сегодня нагрубил мне. Злобно, раздраженно, вылив всю свою накопившуюся за жизнь обиду. Поев, подошел и попросил прощения. В этом они отличаются от нас, благополучных. Мы часто обижаем и редко просим прощения.

Беда

Oct. 7th, 2008 at 9:24 PM

Вчера наш подвал ограбили. Выбито окно, все разбросано, сейф выворочен, из него забрали все деньги. Вынесли ВСЮ оргтехнику — принтер, телефоны, компьютер, в котором была база данных больных, телевизор. Расписки больных, однако, оставили.

Сегодня с утра Петрович[27] отмывал все. Стены, шкафы, полы, потолок, двери, остатки окон и вообще все, что моется.

В фонде снова чисто. Пахнет свежезаваренным чаем и яблочным пирогом, который принесла днем девушка, узнавшая о том, что с нами случилось.

Кто-то сделал переводы на счет фонда.

Приходили люди — знакомые и незнакомые, не назвавшие свои имена, но приносившие теплые вещи, лекарства и деньги. В такой дождь. В такую погоду, не пожалев времени и своих средств. Многие плакали. Но все наладится.

Огромное, от всех нас — и от наших больных — спасибо всем вам, кто откликнулся. Всем, кто подумал о нас вчера. Я не подберу слов, чтобы передать, как мы ощутили вашу поддержку. И как нам важно было ощутить, что мы не одни.

Технику мы восстановим. Не сразу, но восстановим. Окно вставим. Решетку припаяем.

Устали за эти сутки безумно. Ночь мы не спали — не удалось. А ночь до этого — погибала больная, и мы не спали тоже.

Завтра нам работать на вокзале, и я валюсь в кровать. Кажется, что так мы не уставали никогда.

Да и вообще об аде, пережитом вчера, напоминает только окно, наспех заклеенное картоном и фанеркой. И дверь. С вырванным замком.

Вам же всем — наша благодарность.

До завтра. И еще раз — спасибо. За то, что вы есть. И за то, что вы такие.

И последнее. Тем, кто нам сделал это, — не будем желать зла. Пусть у них все будет тоже хорошо.

Вчера я ругалась и злилась. Мне было очень обидно за больных. Ведь это ограбили их, не меня, не Петровича, не Егора[28]. Сейчас мне уже все равно, кто и зачем сделал это. Бог судья. И им, и нам.

Даниил

Oct. 17th, 2008 at 11:48 AM

Ему тридцать три года. У него красивое, мужественное лицо и пепельно-русые волосы. Лицо модели для какого-нибудь гламурного журнала.

Болен полтора года. У него редкое заболевание — аутоиммунный лейкоэнцефалит. За год он превратился в ребенка. Разучился говорить и обслуживать себя.

Откликается на свое имя. Улыбается, если улыбнуться ему. Жмет в ответ руку, отворачивает голову к стене и закрывает глаза, если не хочет общаться. Показывает пальцем буквы, написанные на картонке, выражая свои просьбы. Они небольшие — пить или то, что после питья случается со всеми.

Больше желаний нет. Если не выполнить одну из просьб — он

начинает жалобно произносить звук «ИИИИИИИИИ», который усиливается с каждой минутой ожидания и переходит в крик. Крик становится невыносимым и для него, и тогда Даниил зубами рвет на себе майку, простыню или свои руки.

Когда возбуждение проходит, он смотрит спокойным, светлым взглядом прямо в наши глаза. До следующего желания.

Мы провели с ним на вызове два часа. Мать, которая ухаживает за ним одна, проводит так двадцать четыре часа в сутки.

В магазин выходит ночью, пока он спит. Если Даниил просыпается, то криком будит соседей.

Социальный работник приходит один раз в неделю и приносит четыре килограмма еды. Не больше и не меньше.

Это два пакета молока и два пакета сока. Наверное, это такой закон. Четыре килограмма раз в неделю.

Функциональная кровать под Даниилом разваливается. Он сильный, несмотря на то что движения его ограничены.

До болезни он работал и учился. Занимался сноубордингом. Сейчас мать подкладывает ему для упора доску для сноуборда в ножной конец кровати, чтобы он не сполз вниз по скользкому матрасу.

Вот все, что я могу сказать об этой семье. Добавлю только, что хосписов для таких больных в России нет.

Ночь. Вторник

Oct. 29th, 2008 at 12:03 AM

Сегодня была у матери погибшей больной. В Химках — в Пенсионном фонде — на похороны дочери выделили одну тысячу рублей. В обмен на кучу справок и документов.

Матери — восемьдесят лет. Еле ходит из-за больных ног. Посетив все учреждения, она добралась до места, где эту тысячу ей должны были выдать.

Дверь открыл охранник. Спросил, чего надо. Она объяснила. Охранник закрыл дверь и удалился на некоторое время. Вернувшись, сообщил, что денег нет.

— Почему нет?

— А кончились. Раньше надо было приходить.

Держать удар

Oct. 29th, 2008 at 10:09 PM

Участвовала в драке бездомных, учиненной с подачи одной колоритной дамы. Все живы. И вроде примирены. Опыт — великая вещь и лучший учитель. Если бы не наш опыт с такой же дамой, только из «нормального» мира, грозившей уничтожить нас и проклявшей нас до не помню какого колена, — я бы растерялась. А сейчас — держим удар. Спасибо ей за бесценную

практику.

— Зачем ты полезла на нож? — строго спросил меня Петрович.

Петрович, я больше не буду. Обещаю.

И просто так, возможно, кому-то понадобится. В трудное время — с больными в семье, с друзьями, попавшими в беду, и вообще с теми, кому нужна помощь, — предлагайте помочь. Даже один человек может сделать много. И совсем маленькая помощь может спасти чью-то жизнь.

Формулировка «я приеду и помогу, *но* ты *сама (сам)* попроси об этом» — неприемлема. Она унижает просящего. Так теряется доверие — самая важная часть отношений. Любых. Дома и на работе.

Про спасибо

Nov. 24th, 2008 at 4:18 PM

Не надо говорить мне «спасибо». Я и те, с кем я работаю, сами выбрали этот путь. И другой работы у нас нет. Принцип нашей помощи один — бескорыстие. Спасибо нужно говорить тем, кто помогает мне на вокзале. Тем, кто помогает нашим больным добровольно, зачастую не называя своих имен, приезжая после работы в холодный подвал, привозя и делая то, без чего нам невозможно работать. Они — и только они — заслуживают тех слов, которых я не нахожу никогда. Тем, кто снял два фильма о нас и несколько сюжетов, а это безумно тяжелый труд. Когда люди, не имеющие представления о том, что увидят, готовы провести часы, снимая сюжеты. Я знаю, каких сил стоило сделать многие кадры. Или писать статьи, не беря интервью по телефону, а приходя с нами туда, куда мало кто пойдет. Им — спасибо. *Всем*.

Мне на днях чиновник один сказал, подписав какой-то документ:

— Ты *должна* быть благодарна мне.

— Как?

— Морально.

Это за его работу. Работу, понимаете? Общество дошло до того, что за работу — нормальную работу — требуют благодарности.

Так вот, отвечу здесь. Чиновник. Орденов не раздаю. За этим — в правительство. Вы сделали то, что обязаны сделать. Нравится или нет — но обязаны. Потому что от таких, как вы, зависят судьбы больных.

Раздавите меня — придут другие, сильнее и моложе. Но — придут.

Лена

Dec. 3rd, 2008 at 10:32 PM

Рояль занимает бóльшую часть комнаты. Сначала на нем лежали ноты, позже поверх них появилась икона. Потом еще одна. Потом еще. Иконы видно с кровати, на которой лежит наша больная.

Когда еще только входишь в квартиру, понимаешь, что для живущих здесь дочь — центр их домашнего мира.

«Леночка любит…» — далее мать перечисляла то, что любит Леночка. Как росла и как училась, как стала пианисткой.

«На этом рояле она занимается с восьми лет», — говорила мать, держа дочь за руку. Или за колено, худобу которого скрывала пижама, или за стопу, на которую был натянут носочек, тоже болтавшийся на ней, и мать его поправляла. Чтобы не было холодно. И чтобы не отпускать.

«Папа готовит мне еду, а мама все время со мной», — Лена и ее мама улыбались и рассказывали нам о том, что было съедено за время, прошедшее с нашего последнего визита.

«Сергей тоже готовит» — это о муже Лены. Он ходил за бесконечными рецептами и, понимая все, сумел до самого конца продержаться — любя, борясь не только за день, а за каждый прожитый ею час. Их час вместе.

Тетрадка, где маминым почерком перечислено выпитое и съеденное. «Половинка мандарина». «Сок». «Вода». Температура по часам. Пульс и давление.

«Я их так люблю. Всю мою семью. Маму, папу, Сережу».

Находясь около больного, я стараюсь никогда не задаваться вопросом: «За что?»

Случилось — значит, случилось, и нужно помочь, пока можно помочь. Иначе невозможно.

В этом доме, пропитанном любовью, этот вопрос все-таки вырос откуда-то, напрочь выбив наработанную привычку не думать о причинах.

Лена была похожа на олененка — точеная фигура, тонкие руки и огромные карие глаза. Хрупким были и ее взгляд, и голос, но мир, который она создала вокруг себя, был четким, устоявшимся, и имя тому миру — любовь. Я не могла представить, что будет с ними, тремя людьми, когда она уйдет. Она, как будто чувствуя это, переживала один день за другим. Вопреки логике и прогнозам.

В предпоследний вызов Петрович отзвонил и сказал мне: «Приезжай. Это конец». И ошибся.

Не представляю, какими силами, но она пережила ту ночь. И еще пять длинных ночей, пока не перестала дышать совсем.

Я не знаю, что сейчас на ее рояле. Сергей вчера приезжал в

наш подвал.

Он сделал большую фотографию, с которой смотрит она — их Лена.

Со слов Сергея, все как-то держатся. Втроем.

Ее силой и той любовью, которую она им оставила вместо себя.

«Лиза, я их так люблю. Маму, папу и Сережу».

Пытка

Jan. 4th, 2009 at 3:24 PM

Их голоса одинаковы. С дрожащими нотами, усталые, бесконечно извиняющиеся.

— Боли у мамы…

— Муж задыхается…

— Она кричит два дня…

— Мы не спим третьи сутки…

— Что нам делать?..

— Сделайте что-нибудь…

Их звонки одновременны. По праздникам. Новогодние каникулы — ад для тех, кто не успел получить обезболивающие препараты.

За прошедшие сутки нам позвонили пять человек. Разные районы, возраст и пол. Диагноз один. Рак. Болевой синдром. Который появился 1–2 января. Вот бывает такое.

Гуляют все поликлиники. Получить понадобившийся наркотический препарат — как покорить Эверест. Не каждому дано. Не каждый осилит пробить эти бесконечные препоны в виде регистраторов и дежурных на «неотложках» в поликлиниках. Не каждый доживет до 11 января, чтобы получить то, без чего боль не уходит.

Мы с Петровичем объясняем, что можно купить без выписки рецепта, в какой дозировке, с чем комбинировать, чем докалывать, чем снимать на пике боли.

За каждым звонком — трагедия. Трагедия вдвойне — оттого, что человек погибает, и оттого, что помочь ему в выходные до 11 января практически невозможно.

У некоторых есть связи и, что важно, есть силы бороться за то, чтобы больной не кричал от боли. Но и этого недостаточно.

У некоторых этих сил уже нет. Равно как и связей. Таких — большинство. И они воют, обняв своих матерей, мужей и жен, обняв их и раскачиваясь от безысходности, убаюкивая наших несчастных, как маленьких.

То, что происходит в праздники, — легализованная пытка больных. Молчать об этом нельзя. Говорить об этом не дают. Все приказы у нас идеально сформулированы в теории.

Право умереть без боли. Нет у нас такого права. Есть вымотанные врачи «скорой», которые рады помочь, да нечем. Есть живые страдающие люди. И отдыхающие чиновники.

Которые, однако, внимательно смотрят телевизор. И которым не нравится то, что там иногда показывают.

Права верующих

Jan. 7th, 2009 at 10:56 PM

— Мои права ущемляются.

— Какие?

— Религиозные.

— А вы по вероисповеданию кто?

— Таджик.

— Я поняла. А в чем нарушение ваших прав?

— В религии.

— А к какой религии вы себя относите?

— Я таджик.

Февральские

Jan. 18th, 2009 at 2:52 PM

— Есть ли жизнь на Марсе? Кто ты по гороскопу? — строгим голосом спросил меня Петрович.

Я на секунду задумалась, чем вызван этот вопрос, тем более Петровича я знаю более десяти лет. Мы оба февральские.

— В глаза смотри!

Посмотрела. Прямо в глаза.

— Рыба. А что?

— Вот. А теперь опусти и смотри вниз. Ужас, а не знак.

На всякий случай я не стала уточнять, чем вызван вопрос. И согласилась, что ужас.

Отец[29]

Jan. 20th, 2009 at 7:10 PM

Меня назвали Елизаветой в честь папиной матери. Она умерла совсем молодой во время войны, оставив после себя пятерых сыновей. Младшему, моему отцу, было пять лет. Старшему — пятнадцать.

Внешне я похожа на маму и переняла от отца только цвет глаз и некоторые черты его характера.

Я была его единственной дочерью, и баловал он меня в детстве сильно. У него сохранились все мои детские рисунки, все открытки, которые я ему дарила на праздники. Помню, что почти всегда носил меня на руках, если мы шли в гору или когда я капризничала.

К моим братьям он был более строг, но любил их не меньше.

У меня остались до сих пор воспоминания об огромной немецкой кукле Насте, подаренной на шестой день рождения, и

кукольном домике с деревянной мебелью, который в то время я даже не знаю, где родители нашли. О журнале, который можно было выписать в то время из ГДР, — *Bummi*. Он хорошо знал немецкий язык и учил меня читать по этому журналу с желтым медвежонком на обложке.

Но самый прекрасный подарок он сделал мне сам — моя первая «врачебная» печать. Он сделал ее из сырой картошки, вырезав ножиком «Доктор Лиза». И я ставила штампы на кукольные рецепты фиолетовыми чернилами. В тот день мама была на дежурстве, а я лечила своих кукол. Мне было пять лет.

Многое вспоминается из детства — мои банты, которые он не умел завязывать, то, как он был недоволен, когда я, уже не нуждаясь в бантиках, остригла косы, а ему казалось, что я все еще маленькая. Я и была для него маленькой и слабой всю жизнь. Он не очень любил моих молодых людей, и мое замужество тоже воспринимал сначала с большим страхом.

Отводя глаза (он был предельно деликатен), отец быстро говорил: «Ты детей рожай. Оставляй, если… ну, ты понимаешь…»

Благодаря ему и маме я долго оставалась маленькой девочкой, будучи уже взрослой.

Половина этой девочки пропала в апреле с уходом мамы. Половина — вчера ночью, вместе с ним. Я не плакала, найдя его вчера холодным. Я была удивлена. Отчего-то мне казалось, что он будет жить всегда. Я же его маленькая девочка. Он не может оставить меня.

Папа закончил Киевское высшее ракетно-зенитное училище, затем МВТУ им. Баумана. Защитил диссертацию. Во время перестройки организацию, в которой он работал, закрыли за ненадобностью. Перебрался на дачу, где выстроил небольшой дом. Вскоре я родила своего первого сына, и отец стал счастливым дедушкой, отпраздновав последний день апреля покупкой в Доме игрушек всех существующих погремушек, дудочек и барабана. Потом я родила второго. Папа долго жил со мной в Вермонте и говорил о том, что русский офицер в Штатах — нелепость всей его жизни. Но внуки не отпускали. Благодаря ему мои дети говорят на русском языке.

Назвать наши отношения простыми было бы неправильным, особенно после смерти мамы. Но мы очень любили друг друга, предпочитая не обговаривать те темы и ситуации, которые, к сожалению, были иногда невыносимо трудными.

Отец бережно хранил свою военную форму, в которую послезавтра его оденут в последний раз. И положат под яблоней возле мамы. Теперь они вместе уже навсегда.

Он пережил ее на девять месяцев и девятнадцать дней…

До свидания, папа. И прости меня.

Вокзал

Jan. 21st, 2009 at 9:04 PM

— Колька, тебе в больницу надо, челюсть надрезать.

— Не готов. Ты режь. Сама.

— Я не могу, там глубоко, нужно кость чистить.

— Тогда таблетки дайте.

— Ты антибиотики пропил?

— Нет.

— Почему?

— Что ж я, сволочь последняя, лекарства пропивать?

Минута недоумения разрешилась.

— Ты, Коля, ВЫПИЛ их? Все, как назначили, да?

— Ну. За базар отвечаю. А вы обижать сразу.

— Коля, прости, мы не в этом смысле сказали.

Коля простил и, Бог даст, пойдет в больницу.

О вере и страхе

Feb. 26th, 2009 at 9:51 PM

Квартира в дальнем районе Москвы. На окнах — решетки. На столе остывает какой-то напиток с трубочкой. Миска с печеньем. Пепельница. Телефонная трубка.

Наш больной — в инвалидной коляске — вплотную придвинут к столу.

«Посмотрите на фотографии. Он объездил всю Европу. До болезни» — это говорит мать. На стене — фотографии из той жизни, где были жена и ребенок, было здоровье. И деньги. Я не смотрю. Смотрят Егор и Саша Мельников[30].

Перед нами мужчина в черном спортивном костюме. Сильные руки, которыми он крутит колеса инвалидного кресла, дрожат.

Показывает, как он самостоятельно ложится. Сползая с кресла, бросает руки на низкую кровать и падает на пол.

«Не мешайте. Я сам». Мать подталкивает его вперед привычным движением. Три минуты. Я смотрела на часы. Три минуты от стола до кровати.

Руки, ноги, лоб — в синяках и ссадинах.

«Я падаю всегда».

От помощи отказывается.

Дает осмотреть себя. Улыбается. Он много улыбается.

«Я почти не вижу, но вы мне нравитесь».

Пять минут обратно — до стола.

«Я не инвалид. Инвалиды — это когда голова и душа не работают. У меня все в порядке».

Трудный, изматывающий разговор о том, как было, о том, как сейчас, и о том, что будет.

«Я не боюсь смерти».

Говорит о друзьях, о прошлом, на двух языках объясняет, кем и когда он работал до болезни.

— Тебя раздражает все?

— Многое.

— В больницу?

— Нет. Может, я доживу до того, когда разработают лекарства от моего заболевания. Только тогда.

— Боли есть?

— Нет.

— Чем тебе помочь?

— …

Перед нашим уходом он сказал:

— Лиза, я от страха верю в Бога. Не потому что очень верю. А потому что боюсь, что там — ничего не будет.

Потом посмотрел на нас всех и спросил:

— Вы понимаете меня?

Апрель

Apr. 2nd, 2009 at 6:10 PM

Весна. На вокзале это означает две вещи — большее количество приезжих и бездомных, избитых милицией. Их травму не спутаешь ни с чем. Это удар наотмашь по правой стороне лица дубинкой. Второе — почти удваивается количество суррогата, продаваемого под видом вина или водки. Со всеми вытекающими последствиями.

Толпа. Толпа голодных и больных, выписанных из больниц в никуда, выпихнутых из милиции и тюрем тоже в никуда.

Мало приютов, мало мест, где отсидевшие могут хоть как-то адаптироваться к жизни вне тюрьмы.

— Переночевать где?

Негде. Нет мест, мало мест и так далее. Разве что на помойке Павелецкого, где мы работаем. Там светло и относительно безопасно.

Иногда кажется, что мы не только работаем на помойке. Мы и живем на ней. Мы все.

Кризис

Apr. 4th, 2009 at 6:15 PM

А знаете, кризис или то, что там происходит в загадочной для меня экономике, стал отражаться на работе фонда. Больше больных. Больше людей просят о помощи. Мы стали выбирать среди тех, кто беден и нуждается. Из самых бедных выбираем тех, кто нуждается больше всего. А это трудный выбор.

Две семьи. Двое больных. И мой выбор. Кому помочь. Кому отказать. Не дай Бог никому такого.

Решила

July 17th, 2009 at 9:25 AM

…Я решила оставить работу прыгнуть с парашютом. Сама. Без инструктора.

Петрович с жалостью посмотрел на меня и сказал:

— Несчастная, ты не долетишь до земли. Сиротами оставишь.

Лена посоветовала привязать бетонные блоки что-нибудь для утяжеления.

— Без инструктора не пущу! — заявил близкий мне человек.

И только охранник Николай, отслуживший в спецназе, после недолгой паузы очень спокойно сказал:

— Долетишь, Елизавета Петровна. Не бойся.

Сегодня я летала

July 24th, 2009 at 12:38 AM

Результаты:

— Я узнала высоту 4000 метров.

— Нет, я не описалась.

— Да, страшно выпрыгивать.

— Да, обязательно прыгну еще.

Отпуск за океаном

Dec. 6th, 2009 at 11:10 AM

За окном снег. С вечера он покрыл крыши домов и машин и выстелил сверкающую дорожку до самого низа горки, на которой стоит мой дом. Деревья — в белом.

Просыпаюсь в семь утра. Дети спят. Нет привычных телефонных звонков. Тишина. Я отвыкла от нее совсем.

Через несколько часов встанут мои мальчики. Начнутся их разговоры, непременные ссоры, споры о том, как надо и как не надо делать. Споры закончатся потасовкой. Я думала, что они выросли. Но когда они вместе — снова превращаются в тех же маленьких мальчиков. Как будто и не было этих лет взросления, школ и колледжей, их влюбленностей, решений, кем быть и как быть.

— Что ты сделал, глупый ты Алеша!

— Сам такой!

— Я старше тебя. И вообще, меня любили на шесть лет больше, чем тебя.

— Маааааамаааааа!!!!! Что он говорит? Как дам по башку!

— По башке. И не дашь.

Разнимаю. Целую обоих. Мирятся за столом. Сидят рядом. Родные. Разные по характеру. По возрасту. Даже по восприятию событий — разные. Старший молчит. Младший говорит все время.

— Мама, от тебя у нас только волосы. Все стилисты

спрашивают, откуда у нас такие волосы. Не ложатся, а торчат во все стороны.

У старшего карие глаза, у младшего — голубые. И вихры, которые действительно не уложишь никаким средством.

— Мама, у него шоколадом покрыт весь компьютер. Ты видела?

— Мама, не слушай его, он просто растаял нечаянно. И да, я люблю шоколад.

— Мама, а без бабушки и дедушки странно стало, да?

— Мама, я возьму дедовы инструменты.

— А я Клёпку, мне бабушка подарила.

— Мама, мы голодные.

Они тащат вверх по горке сумки с продуктами из местной лавки. Я готовлю, стираю, мою, пришиваю оторванные пуговицы, вслушиваюсь в их голоса как в самую лучшую музыку на свете.

Мальчики мои. Маленькие.

Ночь перед Рождеством

Jan. 7th, 2010 at 2:56 PM

Без пробок на набережной мы добрались до нашей помойки за пятнадцать минут.

Сначала показалось, что бездомных немного. Через некоторое время они стали прибывать и выстраиваться в очередь за едой. Надежда закончить раньше растаяла, в отличие от наших с Петровичем перчаток, обледеневших в «скорой».

— Если мне не достанется…

Голос бездомного терялся среди бесконечных «дайте супа, хлеба, добавки, будут ли теплые вещи, не трогайте руками доктора, кто не ел, проходите справа, пропустите — он без рук» и так далее.

— Если мне не достанется какао…

Очередь двигалась быстро. Получив еду — кто молча, кто с поздравлениями, кто со слезами, — разбредались среди мусорных баков, обмениваясь вокзальными новостями. Такой вот социальный клуб бездомных.

— Юрист будет?

— Лекарства дадут?

— Если мне не достанется какао…

Серега[31] не выдержал и, повернувшись к бродяге, спросил: «Ну, что будет, если тебе не достанется этот стакан какао?»

Бродяга перестал бубнить свое «если» и решительным голосом изрек:

— Так вот. Если мне не достанется какао, я разрушу Госдуму. Сегодня. Ты понял?

Мы все поняли. Возникло замешательство — давать или не

давать. Тем временем потенциальный разрушитель Госдумы встал в очередь и… да, он получил свой стакан. Затем второй. Мы обеспокоенно спросили о судьбе слуг народа. Отхлебнув глоток, бродяга шмыгнул носом и подобревшим голосом ответил:

— Куда они денутся… Живите спокойно.

Чужие

Feb. 11th, 2010 at 6:54 PM

Он пришел в фонд утром. Трезвый. Бледный. Испуганный.

Его не били. Не «ставили на нож». Не поили паленой водкой.

Забирали в милицию, отпускали.

Какие-то люди с вокзала, отслеживающие неудачливых вахтовиков (это он так себя называет), отбирали то немногое, что удавалось заработать на билет домой.

На его глазах позавчера умер пожилой мужчина. Бездомный, который то ли пытался добраться домой, то ли найти работу.

«Нас пустили в зал ожидания, и он упал. Изо рта пошла пена. Наверное, он умер быстро. Мы звонили в “скорую”, но не успели. Милиция была где-то рядом. А люди шли мимо. Шли мимо, как будто ничего не произошло. Один солидный дядька оттолкнул ногой его голову. Он лежал на проходе. Но ему не было больно, потому что он мертвый был. Я напишу заявление, помогите мне уехать. И никогда в Москву больше возвращаться я не буду».

Минздрав

May 5th, 2010 at 1:24 PM

Давно хотела написать — забывала.

Лена, секретарь фонда, еще в ноябре прошлого года звонит мне и спрашивает:

— Елизавет Петровна, тут женщина лежит, ей очень плохо.

— А что с ней?

— Синеет, кашляет и еще больше синеет. И хрипит. Погодите, я подойду к ней.

— Лена, она в сознании?

— Да. И плачет. Ей говорят уходить.

— Вызовите «скорую». Где вы находитесь?

— В Минздраве. Квоту для больного получаю.

На волю

June 7th, 2010 at 11:51 AM

Бездомный, бывший детдомовец, проживший на улице около семи лет.

— Ты какие места больше всего в Москве любишь?

— Птичий рынок. Я там душу отвожу.

— А зверей каких смотришь?

— Всех.

— А купил бы кого?

— Воробьи там по десять рублей. И щеглы по тридцать. Договориться можно. Их бы купил.

— А что ты с ними делать будешь?

— Отпущу.

Про БАДы и пенсии

June 13th, 2010 at 5:50 PM

Почти каждый день в подвал приходят люди, ищущие помощи. Среди наших подопечных подавляющее большинство — малообеспеченные и нищие люди. С психическими отклонениями и совершенно адекватные, добрые и не очень, бездомные и имеющие квартиры. Пенсионеры до прошлого года — за исключением больных из регионов России — к нам практически не обращались.

С прошлого года их стало много на вокзале. Берут еду, хлеб, складывая аккуратно в свои тележки и сумки. Благодарят и уходят.

Я никогда не спрашиваю, что привело их к нам.

В пятницу вечером к нам зашел старик. В чистой, но совсем ветхой рубашке, выношенных, но глаженых брюках. С палочкой в руке.

Сказал, что прислали из церкви — из района Химок. Очень смущаясь, попросил помощи в приобретении лекарств. Я спросила, какие препараты ему надо купить. Он перечислил БАДы. Шесть наименований. Сказал, что на их покупку он тратит 1640 рублей в неделю, я подчеркиваю — в неделю. А на оставшиеся деньги платит за квартиру. На еду не хватает.

— Кто вам назначил эти препараты?

— Очень хороший врач. Он звонит по телефону, и я ему доверяю. Мы долго разговариваем. В поликлинике таких нет.

— Как давно вам назначили эти препараты?

— После инсульта. Пью полгода.

— Помогает?

— Нужно долго пить, но я знаю, что поможет. Купите мне, пожалуйста.

— А чем вам можно помочь еще?

— Дайте мне какой-нибудь еды. Домой. Пожалуйста.

Братья

June 23rd, 2010 at 10:36 PM

Новые листки с вызовами я просматриваю каждый день.

Диагноз, стадия, полученное лечение, проблемы — обычная рутина.

На этом листке я увидела имена. Не диагноз.

Два брата, которых зовут так же, как моих детей. Старшего — Костя, младшего — Алеша.

Мне было страшно даже входить в их квартиру.

Они похожи. Тридцатилетний Костя — сильный, загорелый, немногословный. Алеше двадцать шесть, высокий, худой, с такими же волосами, как у брата. Младший сидел на кухне и рассказывал, как заболел. Как работал до болезни, играл в хоккей. Как приехал из Ульяновской области и как много успел добиться. И о том, что болезнь его не сломила. И о том, что не сломит и дальше.

— Костян, скажи ты…

Костян говорил не так, как младший. Кратко. Глядя на брата. Кормя его. Давая таблетки. Готовя еду. Отжимая соки. Водя в туалет. Делая то, что под силу не каждой сиделке. Оберегал приехавшую мать, которой они, оба, решили не говорить о том, что Алексей обречен. Жалея ее и оттягивая до последнего дня правду.

От любого хосписа они отказались. Не потому, что не брали. А потому, что они хотели быть рядом. В своей, заработанной ими в Москве квартире.

— А где Костян? — Алеша повторял это уже в полубреду до сегодняшнего дня.

Костян сглатывал слезы и поправлял подушки. Снова поил, поднимал, переворачивал, уговаривал, открывал и закрывал окна, приносил и готовил.

— Костян, ты где?

— Доктор Лиза, Костян знает, он ответит, как я спал сегодня.

— Мама, где Костя?

Утром стало понятно, что все совсем плохо. Мать привела священника. Причастили. Крестик после причастия он держал в ладони, не расставаясь с ним и не отдавая даже Косте.

От них я должна была ехать на вокзал, попрощалась. Алексей вернул меня и спросил, когда я вернусь. В 10–11 вечера, пообещала я.

— Ты только дождись меня, Алеша.

— Обязательно.

— *Мы* дождемся, — сказал Костя.

Через полчаса я вернулась к ним. Звонок брата, сказавшего, что Лёха не говорит, а просто дышит.

Мы мчались, как на гонках, и успели. Он действительно дождался.

— Он дождался, как и обещал, видите?

Алексей умер на наших руках сегодня в 15:50.

Костя обнял его и спросил:

— Лёха, тебе не больно? Тебе не больно, Лёха?

И, уткнувшись в подушку, заплакал, как ребенок.

Неделя

July 2nd, 2010 at 9:36 AM

Убитая кем-то бездомная.

Родственник бывшего больного, ушедший из жизни. Внезапно, страшно и бессмысленно.

Бесконечный ремонт в нашем подвале, от которого вреда пока больше, чем пользы.

Планируемая помощь больным беженцам в Киргизии.

Жара на вокзальной помойке, от которой плавятся перчатки на руках.

Сломанный кондиционер в машине.

Пенсионеры, робко стоящие у двери и просящие нехитрый набор продуктов уже не на вокзале, а в подвале.

Вопрос, в тысячный раз задаваемый журналистами: «Зачем вам это надо». Ответ, который или принимается с последующим ерничаньем «Она их “любит”», или определяющей меня как пришельца.

И вчерашний вызов. Молодая женщина, которой подключили концентратор кислорода. Через двадцать минут она улыбнулась и сказала:

«Я ДЫШУ!»

И ради этой улыбки стоит работать. К чему вопросы?

Про любить

July 26th, 2010 at 12:39 AM

Вчера звонит подруга. Плачет в трубку.

— Он сказал… Он сказал… Мы два года вместе.

— Что сказал?

— С тобой прикольно. Ты понимаешь? Два года. Со мной прикольно. Просто прикольно…

Рядом со мной в это же время сидит в подвале умственно отсталый, согласно справкам, больной.

Я отложила телефон, поскольку сказать мне было нечего. Да и не нужно было. Просто констатация факта.

Спросила больного:

— Максим, а ты о чем сейчас думаешь?

Он ответил медленно, тщательно выговаривая каждое слово.

— Я. Думаю. Сееейчаааас. Про. Красную розу любви.

Вот так бывает.

Вернулись[32]

Aug. 5th, 2010 at 11:19 PM

Вся *ваша* помощь доставлена в город Белоомут, в общежитии которого расположили погорельцев. Завтра мы едем туда рано утром, для того чтобы довезти необходимое и привезти лекарства в сельскую больницу.

Погорельцев сто шестьдесят человек. Много пожилых. Детей — пятеро.

Есть семьи, которые потеряли абсолютно все. Лес горит до сих пор.

Жарко. Погорельцы просят не только за себя, но и за соседей — одиноких стариков или малоимущих с маленькими детьми.

Село Моховое жило натуральным хозяйством. Со слов администрации — началось строительство домов для них, однако в Белоомуте говорят, что всех переселят после сентября в пустующие казармы военных частей.

Рустам — наш водитель — застал очаровательную сцену. Одновременно с нами подъехала машина с надписью «Единая Россия».

Они тоже привезли помощь, видимо от партии. Какую — не знаю.

Добровольные пожарные из местных жителей подошли к ним и спросили, можно ли получить помощь в виде одежды.

— Мы в лес идем, там гарь, нам бы переодеться.

— Можно, — ответила девушка. — У нас есть кепки и повязки на руку.

С надписью, как вы понимаете, «Единая Россия». Добровольцы махнули рукой и ушли в лес тушить пожар.

Всем вам — спасибо.

Во Владимирской области сгорело много домов — эту новость нам сообщили уже в Белоомуте. Так что сбор помощи в подвале продолжается.

Про самую дорогую помощь

Aug. 16th, 2010 at 12:08 AM

Пятый раз за время пожаров в подвал приходит старушка. У нее нет денег на мотопомпы, шланги и еду для пожарных.

На пороге подвала она передает рукавицы, которые шьет по ночам для добровольцев. Из своих запасов брезента и лоскутков старых платьев. По десять рукавиц за ночь.

Совсем пожилой мужчина принес все свои рубашки, мыло и чай.

— Я не могу взять это. Вы отдали всю вашу одежду.

— Им нужнее. А мне много не надо уже. И пенсию получил. Хозмыло купил и чай неплохой. Для них.

— Как вас зовут?

— Меня?

— Вас.

— Дед.

Подожгли

Oct. 22nd, 2010 at 10:31 AM

На перевязку в среду в нашу «скорую» пришел бездомный, которого подожгли подростки. Облили чем-то ноги и подожгли. Спящего. Слава Богу, люди добрые вызвали «неотложку». Два месяца он пролежал в больнице.

Жестокость, с которой сталкиваются наши больные, — беспредельна. И не только бездомные.

Это не первый и не последний случай поджогов ЖИВЫХ людей, их избиений, пинков, толчков и прочего унижения и вреда, который люди наносят другим людям. Мне пора бы и привыкнуть. Но. И меня, и вышедшего из ссылки отпуска Петровича потряс не факт поджога, а то, как об этом сказал сам несчастный.

Спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Что с вами случилось?

— Меня подожгли. Облили и подожгли, пока я спал.

Свет надежды в Доме музыки[33]

Dec. 7th, 2010 at 11:31 PM

Только что вернулась с концерта. На нем выступали артисты вместе с детьми-инвалидами по слуху и с другими людьми, имеющими те или иные отличия от нас, здоровых.

Танцевали люди, сидящие в инвалидных колясках, и выглядело это изящно и легко.

Пела слепая девочка — вместе с известной певицей.

Жестовые танцы и песни исполняли слабослышащие и глухие дети.

Смотреть и слышать было непросто. Помимо того, что я плакала — а не плакать было невозможно, настолько трогательными были выступления детей, — я наконец-то поняла, что значит давно интересовавший меня термин. Синестезия. Иное восприятие. Говоря просто, звук — слышим, цвет — видим, вкусы и запахи — осязаем. А сегодня я слышала цвета и видела звуки, ставшие жестами. Наверное, так же, как эти дети, а может, иначе, мы ведь никогда не узнаем, как именно они чувствуют по-своему.

И как стираются границы между восприятиями — они и стерлись, когда и инвалиды, и неинвалиды вместе сделали праздник.

Спасибо всем, кто помог в проведении этого фестиваля.

Рождество будет

Dec. 28th, 2010 at 11:15 PM

Когда мой Алеша был совсем маленьким, он с Костей, старшим сыном, смотрел диснеевский мультфильм «Гринч — похититель Рождества».

Я была на первом этаже и готовила им ужин. В комнате уже стояла рождественская елка, украшенная огоньками и

игрушками.

Вдруг сверху донесся плач. Бросив кастрюли, поднялась к мальчикам.

— Маааааааамаааааа. Гриииинч. Украл. Рождество.

По пухлым щекам катились слезы, маленький носик шмыгал непрестанно, в перерывах между слезами Алеша повторял:

— Маааааама, Рождества не будеееееет.

Костя мужественно молчал и смотрел на меня виновато.

— Не я это сказал. Этот маленький нескажукто думает, что правда Гринч украдет Рождество, — сопел он при этом тоже подозрительно.

Я не знала, кто такой Гринч и почему надо так орать и плакать, и хотела сказать им, что… Впрочем, взглянув на детей, я ничего не сказала, взяла обоих на руки и стала тоже смотреть мультфильм.

— И наааашаааааелоооочкаааааааа…

— Да перестань рыдать, как глупый дурак! Дальше смотри.

А дальше я помню только песню и хочу, чтобы вы тоже знали, что Праздник — будет. Каким бы неопределенным ни казалось нам будущее. Потому что многое в наших руках.

Не захочешь — не будет праздника, а будет масса причин и объяснений. Толковых, правильных и рассудительных. Даже с наряженной елкой.

А захочешь — будет. Невзирая на обстоятельства. У некоторых — и без елки, и без подарков — но обязательно будет.

Потому что не все, но многое зависит от нас самих. Правда?

Про некрасиво

Feb. 9th, 2011 at 11:55 PM

— Меня не били. Не пугайтесь.

С порога на меня смотрит маленькая и худая девушка. Слева ее лицо сильно изменено.

— Правда, это не синяк. Мне операцию сделали.

— Проходи, присаживайся и пиши, чем можно помочь.

В короткой анкете с просьбой — имя, возраст, место рождения и причина обращения.

Сургутский детдом, музыкальное отделение педучилища не закончено. Комнату в общежитии потеряла, когда вернулась после операции из Москвы. Ее и еще троих девушек, со слов, просто выписали оттуда.

— Почему ты не доучилась год?

— Чтобы у меня было лицо, как у других.

— И что сделала?

— Операцию. А потребуется еще несколько. И тогда я смогу найти работу. А сейчас мою полы и раздаю листовки.

В Москве она попала по «скорой» в больницу, где ее сейчас лечат. На лице у нее было врожденное больших размеров родимое пятно.

— А еще я хочу на телевидение.

— Зачем?

— Просто рассказать о себе. Думаете, хоть один канал возьмет у меня интервью с таким лицом?

— Ты хочешь попросить денег на операцию?

— Нет. Я их заработаю сама. Только много надо, наверное. Я просто хочу дать интервью. НТВ или еще кому. Возьмут, как вы думаете?

— А что ты хочешь им сказать?

— Про себя. Про то, как нас — детдомовок — выгнали из квартиры. В Останкино я сама ездила, но не пустили.

— Что-нибудь еще?

— Да. Что я доучусь и меня возьмут на работу после операции. Потому что все, кто видит мое лицо, говорят, что не примут. Потому что некрасиво. А будет красиво, я знаю.

Ванечка

March 11th, 2011 at 9:33 AM

— Ему лучше. Он ест, гуляет, читает и, знаете, он стал улыбаться!

— Да. Эти препараты снимают боль.

— Нет, не препараты, я знаю, я мать, я же чувствую, что ему лучше. Он. Он поправляется.

— …

— Ну сами посмотрите. Ну вы же видите.

Я вижу уходящего больного, который наконец-то обезболен.

— Ест хорошо, правда, Ванечка?

Ванечке тридцать пять лет, и он пожимает плечами.

— Вот! — Мать больного смотрит на меня, ожидая услышать то, что она хочет слышать.

— Когда вам ехать домой?

— В начале мая поедем. Дома-то лучше.

— Давайте чуть раньше. Если возможно.

— Я понимаю. Накопим на билеты и поедем отсюда. Не наш это город — Москва. Упадешь — затопчут.

— Лучше — раньше. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Я его увезу отсюда. Увезу. Здоровеньким. Да, Ванечка?

А что вы любите?

March 26th, 2011 at 3:35 PM

Люблю очень быстро водить машину (две разбиты в прах, одну починили). Парашют — прыгала один раз и прыгну этой

весной еще. Через две недели поеду кататься на лошади. Повиснуть вниз головой, стрелять в цель, люблю, когда надо реагировать быстро, люблю делать что-то новое, неизвестное.

А вы? Что вы любите? Посоветуйте.

Про равновесие

Apr. 19th, 2011 at 8:02 AM

Бездомный, которого мы не видели два года, пришел в фонд.

Едва узнали его, осунувшегося, постаревшего и хромого теперь.

— Господи, Михаил, как вы изменились.

Он вскинул голову и внимательно посмотрел на нас с Петровичем.

— Вас тоже время не щадит.

Суровые будни Пятницкой улицы

Apr. 27th, 2011 at 11:10 PM

Двое. В штатском.

Беляков Николай — начальник охраны фонда (Господи, могла ли я думать о таком три года назад?) — позвонил рано утром и сказал: «Вас ждут двое».

Двое, не дождавшись, ушли. Не надолго.

Посмотрев больного с улицы, вернулась в фонд.

Двое вернулись снова. И снова в штатском. Должна сразу сказать, очень вежливые. Очень спокойные. Очень уверенные в себе.

— При всем уважении к вашей работе…

— Что случилось?

— Ваша машина.

— А что с ней?

— Стоит.

— Стоит. Не спорю.

— На Пятницкой, дом 19.

— Там нет знака, который препятствует этому.

— Тем не менее. Вы понимаете, что министр Правительства Москвы смотрит в окно и видит… вашу машину.

— Что я могу сделать?

— Понять нас. И убрать вашу машину.

— Куда?

— На два квартала вперед. Или на два дома — тоже вперед. По-хорошему.

— Почему?

— Из окна видно. Министру. И могут быть прослушивающие устройства.

— Какие?

— Разные. Сейчас есть совсем маленькие.

— А при чем тут я?

— Ну, вы нас должны понять.

Я НЕ ПОНЯЛА.

Стоянка ЛЮБЫХ машин на Пятницкой улице не запрещена.

Мне показали фотографии машины фонда. В анфас и в профиль.

Сказали, что если я не уберу ее добровольно, то могу не найти ее. Потому что.

Безжалостность

June 9th, 2011 at 10:42 PM

Зимой бездомных жгли. Летом — режут.

Бабушка Мирончик. Семьдесят шесть лет. Жертва банды «тех, кто украл ее пенсию». С «теми» она и борется по-своему. А со вторника она — жертва каких-то неизвестных, один из которых полоснул ее бритвой под подбородком.

Слава Богу, к залитой кровью женщине другие неизвестные — не жестокие — вызвали врача. Зашили. Заживет, надеюсь.

Мы говорим о политике, о проблемах в той или иной области, забывая о главном. О терпении. Которого в избытке у наших малоимущих и бедных. И которого так мало у тех, у кого есть все или почти все, что нужно для жизни.

Порезали просто так. Спящую в переходе. Она не ругалась, не проклинала своих обидчиков. Только спросила: «Доча, как они не боятся?»

Взяла бинтик, валидол и ушла, таща за собой тележку с вещами и газетами.

Бытие определяет сознание

June 27th, 2011 at 10:03 AM

Люблю шоколад, жемчуг, бабочек, осликов, чай и прочие женские радости.

Спам-рассылки упорно отказываются в это верить. Мне регулярно предлагают увеличить и удлинить то, чего у меня и быть не может, а также сомнительный досуг в разных местах города Москвы.

Также приходят коммерческие предложения. Они неприемлемы для меня по определению — повторяла не раз, что платных рекламных постов у меня не будет.

С прошлой недели идут предложения о сотрудничестве. Видимо, выбрали исходя из моей сферы интересов.

ЗАО «***» предлагает Вашему вниманию педикулицид *** (новая разработка), производство которого начинается в июле, ориентировочная цена *** рублей.

Контактный телефон /факс:***.

Сайт: www.***.ru, e-mail: sale@***.

Ждем отклика на предложение о сотрудничестве.

С уважением, ЗАО «***».

Смешно. До чего я докатилась.

Предложение

June 29th, 2011 at 11:22 PM

Бездомный Володька. Его можно встретить на Чистых прудах, в переулках Арбата и на Павелецком. Всегда в пиджаке и с пластиковой синей сумкой, в которой лежат старый хлеб, российский флаг и выдранные из газет статьи о мировом финансовом кризисе.

Он спасает мир, знает имя настоящего президента Америки и ругает власть. Этим он живет.

Сегодня он подошел к нашей машине, коротко доложил о курсах мировых валют, сообщил о фальсификациях на грядущих выборах и предложил на мне жениться.

Поблагодарила его и попросила время подумать.

— Правильно, — сказал он и отошел в сторону. Затем вернулся и передал завернутый в газету пустой флакон из-под духов и ободранную книгу рецептов итальянской кухни, которая была влажной. Наверное оттого, что найдена была в луже или на помойке.

— Лизонька, кстати, если у тебя были дети от предыдущих ошибок молодости, я всех их усыновляю. Не переживай.

Он счастлив. И решил поделить свое счастье со мной.

Среда. Вокзал

July 13th, 2011 at 8:36 PM

— Ты кто?

— Сережа Дмитриев.

— Сколько тебе лет?

— Шесть.

— Мама где?

— Нету мамы.

— А папа?

— Папа есть. Не знаю, где живет.

— А ты где живешь?

— Я гражданин России.

Про бренды

Sept. 3rd, 2011 at 12:53 PM

«Минеральная вода “Лиза” — лицо нашего завода, его визитная карточка. Известная по всей России минеральная вода “Лиза” завоевала сердца сотен тысяч россиян, ценящих в этой воде отменное качество, превосходные лечебные свойства и нежный вкус.

“Лиза” — это вода, которую стоит попробовать!»

Это я прочла, набрав в инете адрес своего сайта doctorliza.ru через дефис. http://doctor-liza.ru. И копирайт у них есть от 2011 года.

Проверьте свои ники, коллеги-блогеры. Вполне вероятно, что существуют разнообразные продукты и сайты, носящие названия и ваших живых журналов.

Через ник Жени Ройзмана можно рекламировать и продавать препараты, снимающие зависимость от алкоголя и наркотиков, через Игоря Черского — крутые самосвалы и джипы, а также пожарные шланги, бензопилы и топоры, через имя Рустема Другого — фотоаппараты и объективы.

Дальше — больше. Ведь нас много!

Нужно помочь брендмейкерам в использовании наших ников и в архитектуре, и в музеях, и в общественных движениях. Перед «Роснефтью» предлагаю поставить скульптуру, имитирующую нефтяную вышку, под названием «Струя Навального», мусороуборочные машины «КАМАЗа» переименовать в БМП им. Сергея Доля (Блогер Против Мусора), урологическую клинику рекламировать через имя Антона Носика и назвать dolboeb.ru и т. д.

Наши мечты

Oct. 28th, 2011 at 5:04 PM

Шамиль, пять лет.

— Ты где ночевал?

— В подъезде.

— На полу спал?

— Нет, на вещах.

— Что ты хочешь?

— Жить у тебя.

Зинаида Николаевна, семьдесят лет.

— Ой, мечта есть у меня.

— Какая?

— В Кремлевский дворец попасть. На концерт Резника. Поплачу там. Но не попаду, конечно. Да и одета плохо я.

Сурен, пятьдесят восемь лет.

— Мечтаю, чтобы сын снова начал ходить.

Мои мечты и желания на фоне их проблем — ничто. Но поделиться, кроме вас, мне не с кем.

Я очень хочу, чтобы мечты тех, о ком я пишу, сбылись.

Мечтаю о трех реанимационных чемоданах, чтобы послать их в три горных села Армении.

О здании, в котором я могу кормить больных, чтобы не мешать никому из окружающих, потому что у меня не хватает ни сил, ни места для всех, кто приходит.

О том, чтобы меня не жалели, не хвалили и не проклинали, потому что мне это мешает.

И о том, чтобы все друг друга любили. Не буду объяснять почему.

Чем МЫ недовольны

Dec. 11th, 2011 at 1:05 PM

«Видимо, мы просто не смогли донести до них, что мы тоже недовольны этим и стремимся побороть» [34].

Это сказал Исаев из ЕР.

Вы не сумели не только донести. Вы достали. Всех, кто устал от взяток, от беспредела полиции, от вбросов голосов. Вы достали своими угрозами и агрессией, розовыми талонами[35] и отсутствующими квотами на лечение, чудовищным ростом бюрократии. Стукачами и нашистами, которые кидаются на всех, кто не с вами. Беспределом в судах, нищетой в регионах, волокитой с любым письмом, обращенным в госслужбу, где вас почти сто процентов.

Возможно, кто-то из вас умеет вести переговоры, но никто из вас этого не хочет. Это вы, а не кто-нибудь еще заставили людей выйти на площади. Это ваши члены партии пишут о том, что раздавать воду задержанным — это за гранью зла.

Это после вашей победы в полицейских камерах сидели и сидят инженеры, режиссеры, музыканты, юристы и журналисты.

Вы умудрились достать аполитичных, нигде и никогда не голосующих людей.

Вы устраняете неугодных, сваливая вину на них же самих.

На днях меня пригласили на эфир с депутатом. Я спросила: «Из какой он партии?» Мне ответили: «Это не имеет значения». И все присутствующие засмеялись. Догадайтесь почему.

Вы стали смешить людей.

И это единственное, чего вы добились.

Впереди планеты всей

Dec. 21st, 2011 at 12:23 AM

Первый канал позвал меня на передачу[36]. В записи, как вы правильно понимаете.

Никогда не выступаю в ток-шоу. А эта передача обещала помочь больным. Согласилась. В результате получила одну новую больную, которую обокрали мошенники.

Александр Музыкантский, женщина, не известная мне, и я — были на стороне бездомных. На стороне граждан России — бывших военных, врачей, офицеров, строителей, швей, инженеров, актеров, уборщиц и всех тех, кто не вписался в систему, включая малоимущих, о которых предпочли не говорить наши собеседники.

На стороне города — чиновник из департамента соцразвития, участники Селигера, общественный совет молодежи ЦАО, какой-то молодой человек, спросивший меня, отчего я «не лечу на Марс». Члены одной партии. Той самой.

— Зачем кормить голодных?

— Нечерноземье ждет всех бродяг.

— Зачем вам это надо? С какой целью?

— Вы мать Терезу знаете? Она в ток-шоу не была и здания не просила.

— Пиаритесь на горе других.

— Не берете помещения.

— Все это частные случаи. Надо глобально решать проблемы.

— А я помогаю детским домам.

— Плодите паразитов.

— Ожоговые отделения переполнены бомжами.

Все это я слышала и слушаю ежедневно. От близких и далеких мне людей. Но не в одном зале и не одновременно. Наверное, так в аду пытают.

Нигде в мире не решена проблема бездомных и малоимущих. Нигде.

Только у нас этого не понимают. Любой фонд видят как противопоставление государству, напрочь забывая о том, что мы все — государство, а не только чиновники.

Сегодня я узнала много неожиданного. Как они нас не любят. Не только бездомных и малоимущих и умирающих.

Они не любят и нас. Тех, кто не с ними.

Однако, справедливости ради, должна передать вам обещание ведущего этой передачи о том, что если городские чиновники отыграются на мне, а что более важно, на моих бездомных, то он посвятит свою следующую передачу их произволу. Не верю.

Прощаюсь, на всякий случай. Я не член партии, не состою в общественных советах и не работаю на гранты.

Всем, кто помогает и помогал, — спасибо.

Про детство

March 6th, 2012 at 6:46 PM

Сегодня с улицы привели юношу. Бездомного. Двадцать лет. Сирота. Брат (родной) в тюрьме.

Читать, писать — умеет. Зовут Алексеем.

Дала заполнить анкету, чтобы дальше определяться с ним — холодно еще, и люди холодные бывают.

В анкете пишет, что из Осташкова, Тверской области.

Прежнее место жительства — «детдом строгого режима».

Спасибо

March 28th, 2012 at 9:11 PM

У меня самые лучшие читатели во всем русскоязычном сегменте ЖЖ.

Только благодаря вам нам удалось всю зиму ежедневно кормить наших подопечных — как бездомных, так и малоимущих.

А на днях я получила удивительное письмо. Онкологический больной, сам перенесший операцию, оплатит лечение малоимущему ребенку, чья семья сделать этого не может.

Не перестаю удивляться в этой жизни. Когда хочется сложить руки и спрятаться где-нибудь, вы находите те слова и ту поддержку, которая так необходима моим неизлечимо больным и отчаявшимся.

Я люблю вас.

Астрахань. Как это было[37]

May 1st, 2012 at 8:47 AM

День пятый.

Рано утром позвонил Женя Ройзман:

— Лиза, там все по-серьезному. Позвони Олегу, поддержи, как можешь.

— Я его видела раз в жизни. И совсем не знаю, кто это.

— Он из всех — самый порядочный. И упертый. Надо что-то делать. Вот его телефон.

Позвонила Шеину. Узнала, что голодают двадцать два человека. Среди голодающих — пожилые и больные люди. Пьют только воду. Предложила обменять себя и Ройзмана на них, пока добиваются справедливости. Шеин поблагодарил, отказался и пообещал, что тех, кто ослаб, будут выводить и заменять новыми.

Снова звонок от Ройзмана.

— Они на нас поменяются?

— Нет.

— Плохо. Давай дальше пробовать. Он не умрет?

— Не знаю.

Из разговоров и прессы поняла, что люди пошли на этот шаг от полного отчаяния. Против беспредела. Не только на выборах. В городе — разруха. Закрыты молочные кухни. Дороги разбиты в прах. Список можно продолжать бесконечно.

Группа чиновников не реагировала ни на одно заявление, жалобы и обращения возвращались к тем, кто их посылал. Другого способа быть услышанными не нашли.

Десятый день.

— Олег, скажи, какая цель голодовки?

— Правовая оценка выборов.

— Что можно сделать для вас?

— Спасибо, если можете, донесите ситуацию до Москвы. Мы

держимся.

11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 дни.

За это время в Астрахань прилетал Ройзман. Потом Сергей Миронов. Никаких изменений, кроме того, что в московских изданиях появилась колонка «Голодовка в Астрахани».

Девятнадцатый день.

Смс от коллеги: «Шеин голодает зря».

Спросила у Лиги избирателей, кто хочет полететь со мной, чтобы помочь вывести людей. Откликнулось трое из шестнадцати. Таня Лазарева, Леонид Парфенов и Петя Шкуматов.

Двадцатый день.

Вместе с Парфеновым лечу в Астрахань. Летим одним днем. Результатом стал выход пяти человек. Удалось это благодаря Парфенову. Он удивительный человек. Редкой доброты и терпения. Его приезд определил очень многое.

Двадцать третий день.

С Алексеем Навальным лечу в Астрахань.

Он позвонил и спросил одно: «Что можно сделать, чтобы они перестали голодать?»

О том, что было там, — уже писали все. Митинги, ОМОН, полиция и так далее.

Никто не написал о том, как Алексей спасал этих людей, поставивших себя на край жизни от безысходности. О том, как он не реагировал ни на одну провокацию движения «Наши», которое преследовало на каждом шагу — с утра до ночи.

Тридцать шестой день.

Лечу в Астрахань. Голодает около пятнадцати человек. С первого дня — трое. В городе — люди из Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Уфы и других городов. На улице за штабом Шеина встречаю Сергея Миронова. Снова говорим с Олегом.

Улетаю, получив обещание выйти из голодовки, так как благодаря Миронову получены видеоматериалы и будет дана их оценка Чуровым.

Тридцать седьмой день.

Шеин продолжил голодовку. Более того, к ней присоединилось еще тридцать человек. Это ответ на аресты поддерживающих Шеина.

В Астрахани остается Миронов, чтобы урегулировать ситуацию с ними.

Сороковой день.

С Олей Романовой у меня в подвале. Ольга плачет вместе со мной.

Звоним Шеину.

«Материалы — в суде. Как только сегодня освободят

последнего задержанного — я прекращаю голодовку. Спасибо вам всем».

P.S. Это были самые тяжелые переговоры в моей жизни. Очень хочу сказать, что считаю голодовку неприемлемой формой протеста. Ничто не стоит человеческой жизни. Нет идеи, ради которой добровольно можно подрывать свое здоровье. Я убеждена в этом.

Безгранично благодарна Евгению Ройзману, Леониду Парфенову, Алексею Навальному, Сергею Миронову, Максиму Виторгану, Андрею Мальгину, Татьяне Лазаревой.

Спасибо всем, кто поддерживал Олега. И всем, кто спас его.

Пропавший в политике

May 12th, 2012 at 2:03 PM

— Откуда вы пришли?

— Из ЛДПР прислали. Сказали, что отправите домой.

Из Барнаула. Денег нет, документы утеряны. Вспомнил телефон матери.

По разговору поняла, что мать удивлена его звонком.

— В Москве я, в Москве. На попутках доехал. Завтра обратно. Выборы провел, можно возвращаться.

Спрашиваю о том, здоров ли он и не стоит ли на учете в диспансерах. Ответил, что здоров и не состоит. Вот только партийные дела беспокоят.

Домой я отправляю только больных и раненых. И вышеназванный товарищ отправился на вокзал.

Через десять минут звонит милиционер из Барнаула и сообщает, что товарищ числился пропавшим без вести с августа прошлого года. Состоит на учете в психдиспансере. До пропажи отличался высокой политической активностью в родном городе.

Надеюсь, что доедет. И хорошо бы иметь базу данных на пропавших без вести. Они действительно находятся.

Дача моя

May 20th, 2012 at 12:00 AM

Мамины шесть соток — мой рай на земле. Очень редко бываю там. Но в этом году успела одним днем посадить цветы, другим — доделать незаконченную с прошлого года работу по дому. Сейчас открыт вопрос мангала или летней кухни — посоветуйте мне, что купить, дорогие товарищи. Про туалет спрашивать неудобно, но надо. Купила финский био, а строительство отдельно стоящей бани отложила до лучших времен.

Хозмаг стал самым желанным местом для меня — чеки оттуда содержат неведомые ранее слова: ствол, сгон, хомут и проч.

Цветут смородина, вишни и яблони. Розы пережили зиму и

пустили упругие, ровненькие веточки с нежными листиками. Там пахнет детством, и воздух такой, что не хочется возвращаться обратно.

Оказалась полным чайником в вопросах обустройства быта там. Как, например, подключить интернет на даче?

Хороших вам выходных.

Не благотворительность

Oct. 20th, 2012 at 9:34 PM

Сегодня встречалась с одним интересным человеком. Состоявшимся в жизни, благополучным и умным.

Говорили о благотворительности. Я спросила, что он будет делать, если я перед ним посажу двоих больных, одинаково нуждающихся в помощи. Он сказал, что выбирать не будет и поможет обоим сразу.

А я выбираю каждый день. И даже не из двоих. И то, что я делаю, — это не благотворительность. А милостыня. Из того, что имею.

Поправка о самых слабых

Dec. 18th, 2012 at 9:15 PM

«Легче всего обидеть слабого». Так говорил мне один священник.

Пнуть собаку или человека, оскорбить того, кто не может ответить, осудить, проклясть, пожелать зла и обвинить в смертных грехах. Это происходит на каждом шагу, стало обыденностью, с которой смирились многие. Иногда те, кого пинают, могут ответить. Иногда такими же действиями, а иногда прощением.

Завтра Госдума будет рассматривать поправку, запрещающую американским семьям усыновлять русских детей-сирот.

Уже много написано о том, что в США большинство усыновленных — дети-инвалиды, удел которых в России пока — дом инвалидов, если доживут до него, не погибнув в детских домах и домах ребенка. Я не знаю людей, которые внесли это предложение. Но я знаю детей, которые могли бы выжить, будучи усыновленными иностранцами.

И ведь не американских сенаторов, принявших закон Магнитского, наказали, не взрослых людей, а русских сирот. Которые ответить не смогут, да и вряд ли узнают о том, что кто-то 19 декабря — по злой иронии в день святого Николая Чудотворца — лишил их шанса обрести полноценную семью.

Мне во многом чужда американская политика. Но отношение к инвалидам там — не такое, как в России.

Завтра снова обидят сразу тысячу слабых. Потому что это сделать легче всего.

Старый Новый год

Jan. 13th, 2013 at 9:06 PM

Чудесный праздник. Тихий, исполняющий желания, полный чудес и ожиданий. В суете празднования Нового этого не замечается.

Я люблю этот день с детства, и всегда мне он казался самым загадочным и наполненным покоем и радостью.

Горит огнями елка, на столе сладости и чай, под подушками дети и взрослые прячут свои заветные желания. Всегда хочется верить в чудо. Наверное, от этой веры чудеса и бывают. Кому-то этот день принес любимого человека, кому-то — покой, и всем — надежду.

В мединституте мы собирались компанией дома у одного будущего доктора и ждали боя курантов по радио на его крохотной кухне. Потом орали «УРА» под гимн СССР, потом болтали, а потом бежали пулей к 34-му троллейбусу, чтобы успеть на последний или предпоследний — и домой.

Нынешний — тихий, с теми, кого люблю. И не надо больше спешить на троллейбус или автобус. И «ура» орать не буду. Не с кем. Все выросли и стали взрослыми и серьезными.

Всем вам — счастья!

Невидимки

March 4th, 2013 at 9:31 AM

Алла Викторовна раскладывает на столе конфеты.

— Нет, не говорите мне, что юриста нет. Скажите, что он скоро придет. Иначе я собираюсь уйти. Из жизни. Я устала бороться.

Девочки в фонде дружно начинают уговаривать ее остаться. Подумав, Алла Викторовна соглашается.

— Ненадолго! Ненадолго останусь! Отовсюду выгнали, считают меня сумасшедшей, живу в подвале, квартиру отняли, меня защищает Трепашкин — хотите, дам телефон, созвонитесь с ним, мое спасение в театре, только в нем, я хожу два раза в неделю, хотите со мной?

Тамара, терпеливо ожидающая своей очереди, просит:

— Давайте уедем в Бугульму.

— Почему туда?

— Там нет геноцида.

— А здесь есть?

— Конечно.

Старик раскладывает свои документы. Среди них — два свидетельства о смерти.

— Похоронил жену и сына в прошлом году.

Плачет, вытирает ладонью глаза.

— Второй сын болен, инвалид. Пенсии не хватает на еду, стыдно просить, но я решился.

— Деньги?

— Нет, не возьму. Еды и ботинки дайте, если возможно. Мне и сыну. 42-й размер.

Неизвестная мне женщина лет семидесяти с папкой бумаг.

— Мне к комиссару по правам людей. Прослушивают мысли. Я написала письмо, обязательно передайте.

Долго строчит на маленьких листочках, вкладывает в конверт и надписывает — «Опасно для жизни».

— Почему опасно?

— Так быстрее ответят.

Наталья Сергеевна, шестьдесят пять лет, бывший инженер.

— Мои работы по выращиванию картофеля в особых условиях уникальны. Подробности — только специалисту. А пока, если можно, дайте с собой еды.

Ярко накрашенная, в синем пальто и красной шляпе женщина. Она приходит второй год. Не только за едой.

— Я — актриса. Мне важно выглядеть заметно, у вас нет красивой одежды?

Она долго примеривает юбки и сарафаны, улыбается и уходит до следующей недели.

Новенькая, зовут Мариной Александровной, больше семидесяти лет, долго спрашивает меня, кто сейчас в стране президент. Отвечаю.

— Да вы просто не в курсе, Елизавета, вас дезинформировали. Не он, не он.

В это время Алла Викторовна спорит с Петровичем:

— Вы даете таблетки от головы, а у меня живот болит. Ничего брать не буду.

Тамара снова просит уехать в Бугульму.

Старик уходит, чтобы успеть на электричку.

Алла Викторовна ровно в 18 часов поедет стоять около театра.

Все расходятся, оставив у нас копии своих жалоб и обращений во все мыслимые инстанции города Москвы. Они надеются, что их услышат.

Про тюрьму

Apr. 22nd, 2013 at 12:31 PM

Когда три дня назад я выходила из СИЗО, начальник спросил, буду ли я писать об этом. Сказала, что буду. Спросил: где? Ответила, где.

Владимир Акименков[38], который сидит с июня прошлого года, — слабовидящий с детства. Не жалуется. Показаний не дает.

Передает благодарность всем, кто его поддерживает, и просьбу поддержать других сидящих по «болотному делу». У него впечатление, что помогают только ему, а ему, с его слов, кроме газет, ничего и не надо. Он читает на верхней шконке, сильно приближая газету к лицу. Обещал носить очки, когда их передадут ему.

Сидит с предпринимателями. В камере круглосуточное видеонаблюдение. Охранник сказал, что на записи видел, как он читал в неурочное время. После отбоя.

Владимир выглядит усталым, несколько апатичным. Сильно отличается от трех других, сидящих в той же камере. Наверное, тем, что у них на лицах есть какая-то надежда.

В СИЗО-5 чисто. За длинными коридорами — камеры и снова камеры. На четыре человека, на десять.

Охрана вежливая, внимательная к посетителям. Начальник охотно разговаривает, улыбается. Пригласил посетить их еще.

На красных воротах СИЗО надпись — «Данный объект оборудован противотаранным устройством».

Что просят малоимущие

July 11th, 2013 at 5:43 PM

«Доктор Лиза, не помогай бездомным, помогай старикам». Иногда в резкой форме. От цитирования воздержусь.

Так вот. Что просят наши пенсионеры и инвалиды. Те, у которых нет детей или дети не помогают.

Мясные продукты. Поскольку по цене они им недоступны, как, впрочем, и все остальное, что я перечислю ниже.

Чай и кофе.

Бытовую технику, новую или подержанную. Если для большинства из нас сломанный холодильник или светильник не конец света, то для них это так и есть.

Они стесняются говорить об этом, но нижнее и постельное белье.

Прокладки женские. Опять спрашивают часто — зачем им прокладки? Отвечаю — писаются. И мужчины и женщины. Женщины чаще.

Оплату счетов за квартиры. Они откладывают со своей пенсии, очень стараются, но есть те, у кого долги превышают пятьдесят тысяч и более. Почему? Тратят на дорогостоящие лекарства, которые не входят в бесплатный перечень, но выписываются докторами. В половине случаев они действительно показаны, в половине — БАДы. Лекарства по рецепту мы стараемся купить всегда. БАД — отказываю.

Сладости. Конфеты, печенье, «такие, как в молодости».

Посуду, лампочки, стационарные телефоны, ночные рубашки.

Кажется, это все, о чем они просят особенно часто.

И последнее, сколько их у меня? Сто семьдесят четыре человека.

Про факел в декабре

Sept. 5th, 2013 at 6:15 PM

Я не занимаюсь спортом, кроме эпизодических прыжков с парашютом.

А позавчера узнала, что совершенно официально пронесу факел Олимпийского огня. Отчего-то в Екатеринбурге. В декабре.

Это неожиданная для меня новость, и я даже не знаю, радоваться или отказываться, скажу вам честно. А вдруг я его уроню?

Девочки в моем фонде, заполняя анкету, говорили мне: «Доктор Лиза, да нормально, вас все равно туда не возьмут». Но «что-то пошло не так» (с), и меня выбрали.

Моими партнерами в Екатеринбурге будут шестикратный чемпион мира российский пловец Александр Попов, профессиональный спортсмен Вячеслав Тулупов и девушка Светлана Тысячник, занимающаяся восточными боевыми искусствами и благотворительностью.

Я буду стараться не подвести![39]

Еще о матерях

Apr. 28th, 2014 at 4:09 PM

Вчера была в специализированной психиатрической больнице для осужденных, в народе известной больше как «Сычевка».

Видела много больных. С первого взгляда совсем нормальных мужчин, которые совершили тяжкие преступления, часто не один раз.

Деревня Сычевка расположена далеко от Москвы и от Смоленска — ближе всего она к Вязьме. Больных же привозят со всей России.

Свидания там разрешены каждый день и проходят под надзором трех человек.

Не ко всем приходят — из Красноярска не просто доехать к родственнику. Или из Благовещенска. Или из Владивостока.

Мне рассказали о нескольких матерях — их немало, — которые оставили свой дом и сняли комнаты в Сычевке. И идут к своим детям два раза в день. Утром и после обеда. Они живут там до тех пор, пока их сыновей не переведут на лечение по месту жительства. Иногда по нескольку лет.

Война и мир

June 10th, 2014 at 1:43 PM

Дорогие друзья, сотрудники, добровольцы и журналисты!

Я благодарна вам всем, кто волновался за меня вчера[40].

Благодарна всем, кто помогал и помогает.

Любому человеку должно быть понятно, что в ситуации войны (а сейчас на юго-востоке Украины идет война) у меня мало возможностей связываться со всеми, кроме близких мне людей и своих сотрудников, которые на время моих поездок получают инструкции — что делать, в какое время звонить, когда и к кому обращаться в случае ЧС.

Я — не журналист. Для меня самое главное — оказание квалифицированной помощи всем, кто в ней нуждается. Это не так просто, как кажется, по многим причинам. Из-за отсутствия четко отработанной системы получения информации о том, что нужно именно сейчас. Из-за страха людей в зоне боевых действий, которые иногда не вполне понимают, что делать и куда бежать. Из-за нехватки необходимых препаратов в одном месте и их переизбытка в другом. И еще потому что война. В которой я ничего не понимаю, но соблюдаю нейтралитет ради больных и раненых людей.

У меня нет стремления к пиару ценой жизни тех, кто находится в опасности.

Любое слово, любое действие может быть воспринято двояко, потому что и информационная война идет тоже.

Я не бросаю помощь, я буду помогать точно так же, как раньше, но до момента, пока не наступит мир, я не буду давать интервью ни одному изданию.

Краткие комментарии — возможно. Просьбы о необходимом — без проблем. Но никаких интервью. Никаких объяснений, как попасть в больницы журналистам. Прошу понять меня правильно.

Нет — войне

June 17th, 2014 at 3:41 PM

Мое личное мнение мало что может изменить в этом мире.

И тем не менее я попробую призвать все стороны к прекращению огня.

Пожалуйста, остановите военные действия. Лучше насовсем, но если это невозможно, то на неделю — десять дней — хотя бы для того, чтобы оказать квалифицированную медицинскую помощь всем раненым, доставить их в профильные больницы, чтобы эвакуировать гражданских лиц, которые стали заложниками непрекращающихся боев. Для организации нормальных гуманитарных коридоров и доставки медикаментов, детского питания. Для того, чтобы похоронить погибших.

И для того, чтобы сохранить всем тем, кто сейчас на юго-востоке, право на жизнь.

От имени всех матерей, пишущих и молящих о помощи, от имени всех раненых, которые нуждаются в помощи, от имени

больных, у которых нет лекарств, от имени врачей, у которых нет сил, от имени всех, кто понимает, что дороже жизни нет ничего на свете.

Прислушайтесь. Помогите. Остановите войну.

Беседы с Елизаветой Глинкой

Елизавета Глинка в «Школе злословия»[41]

СМИРНОВА: У нас в гостях Елизавета Петровна Глинка, президент благотворительного фонда хосписов *VALE*.

ТОЛСТАЯ: Что такое хоспис? Как бы вы рассказали людям, которые думают: «А это зачем?»

ГЛИНКА: Это больница для умирающих. В России — это больница для умирающих от рака.

ТОЛСТАЯ: Именно от рака?

ГЛИНКА: Да, к сожалению, в России нет хосписов — как в Европе или в Америке — для людей с другими диагнозами. Те хосписы, которые есть в России, занимаются паллиативной помощью больным, погибающим от раковых заболеваний.

СМИРНОВА: Что значит паллиативная помощь?

ГЛИНКА: Паллиативная — это симптоматическая помощь, когда мы уже не можем оказать никакого воздействия на распространенность процесса, а можем только контролировать симптомы, вызываемые опухолью в организме. То есть симптомы, с которыми сталкиваются действительно обреченные больные.

СМИРНОВА: Елизавета Петровна, объясните, больные, которые к вам попадают, это больные, у которых нет никого, кто мог бы за ними дома ухаживать?

ГЛИНКА: Нет. Ко мне попадают три категории больных. Первая — самая тяжелая часть больных — те, кто нуждается в обезболивании. Поскольку основная часть моих больных находится на Украине, это большая проблема. Потому что там, например, нет препаратов для введения обезболивания через рот, то есть таблетированных форм. Поэтому мы вынуждены их обезболивать инъекциями наркотических препаратов. Эта группа больных госпитализируется практически без очереди. Вторая категория — это социально не защищенные, в первую очередь одинокие, бездомные, досрочно освобожденные из тюрьмы, найденные на улице. К сожалению, должна отметить, что за последние три года эта категория увеличилась. Во всяком случае на Украине таких больных стало больше. И третья категория — это больные, чьим родственникам самим необходимо лечь в больницу или дать отдохнуть. То есть больной лежит дома, за ним ухаживают, он достаточно обезболен, но родственникам надо уехать или в командировку, или просто отдохнуть, и тогда мы таких больных берем на две, на три недели и предоставляем им условия в хосписе.

ТОЛСТАЯ: Ваш хоспис в Киеве, да? И насколько я поняла, там четырнадцать коек.

ГЛИНКА: Да, там четырнадцать мест и сто двадцать человек на выездной службе — у нас еще патронаж.

ТОЛСТАЯ: Четырнадцать — это такая капля в море…

ГЛИНКА: Я знаю, это мизер. Но мы надеемся, что в июле откроемся новым зданием, в котором будет двадцать пять мест и две детские палаты, вместо одной, которая сейчас имеется. Практически у нас тринадцать мест, потому что детскую палату мы держим резервом. Она вообще уникальная, не потому что дети умирают, а потому что она была создана четыре года назад, когда о проблеме детской смертности от онкологии никто, в общем, не говорил. И мы на свой страх и риск открыли эту палату с главным онкологом Киева, куда решили брать детей, которые погибают. У нас были даже дети из России и из Белоруссии.

ТОЛСТАЯ: Бывает ли так, что тяжелое состояние онкологического больного связано с запущенностью, с невыявленностью на ранней стадии ракового заболевания? То есть какая вина обычной медицины в том, что больной приходит к вам?

ГЛИНКА: Это не мой вопрос. У меня их так много, что разбираться, как, когда и почему это случилось, уже нет времени. Но есть один диагноз, о котором я всегда говорю. И журналистам говорю обратить внимание. Это рак шейки матки — если он выявлен рано, он лечится в 99 % случаев. А таких женщин у нас много. На Украине особенно много. За год прошли тридцать четыре женщины, которые погибли с этим диагнозом; это, как правило, молодые женщины, которые не пошли к гинекологу или пошли тогда, когда было уже очень поздно и ничего сделать было нельзя. Хотя с этим диагнозом на ранней стадии можно сделать все и это совсем не дорого, у женщины берут мазок и определяют в нем атипические клетки.

СМИРНОВА: Елизавета Петровна, а вот вы президент фонда хосписов, это же значит, что вы занимаетесь хосписами не только в Украине, но и в других странах…

ГЛИНКА: Я бы сказала так: я занимаюсь больными в других странах. В Москве я сотрудничаю с Первым хосписом. В силу закона, который был введен в России о регистрации иностранных некоммерческих предприятий, я не смогла открыть здесь филиал своего фонда.

ТОЛСТАЯ: Вот этого вот недавнего закона?

ГЛИНКА: Да. Мне не удалось пробить… на это мне сил не хватило…

ТОЛСТАЯ: Возможно, нас кто-то оттуда смотрит, и я хотела бы, чтобы он посмотрел на последствия тех поспешных законотворческих усилий, которые в данном случае мы видим.

Большое вам спасибо, господа законодатели! Теперь у нас в России, когда вы будете умирать, вы будете никому не нужны. Лягте в своем подъезде, каким бы аккуратным он ни был… У нас больше такого хосписа не будет. Поздравляю!

ГЛИНКА: Поскольку я не смогла объяснить, что я некоммерческая организация, которая занимается исключительно больными, и мне совершенно все равно, какого они политического направления, содержания и всего остального… Мы приготовили кучу документов, которые переводились в течение трех недель, я апостилировала бесконечно устав, закон… но на второй инстанции все было отброшено… Короче говоря, мы создали новый фонд при Первом московском хосписе, который называется «Вера». Но я там не президент фонда, а просто член правления, что меня очень устраивает.

СМИРНОВА: Скажите, вот вы вообще первоначально были врач — детский реаниматолог, почему вы пошли заниматься хосписами? Что было этим толчком? Что случилось? «Мне голос был, он звал утешно…» Как это было?

ГЛИНКА: Ну, не голос… Когда я подтверждала свой диплом доктора в США, я посетила клинику, и мой муж абсолютно случайно завел меня… Я хотела работать анестезиологом-реаниматологом, я очень люблю эту работу. Эмоционально. И я люблю все делать быстро. И вдруг я увидела надпись «Отделение паллиативной помощи». Я спросила у мужа, что это такое. Это было двадцать лет назад, я и представления не имела, что это. Он говорит: «Ну, это место, где умирают». Я говорю: «Можно, я посмотрю?» Потому что я против смерти, я не люблю смерть очень. Я зашла и посмотрела, а потом прочла литературу какую-то. Потом увидела крошечный частный хоспис в Бедлингтоне на берегу озера, в котором лежат двадцать четыре больных. Исполняется любое их желание… То, что я увидела — то есть благостных, чистых, накормленных, неуниженных больных, которые могут подумать о вечном, — это не то что перевернуло мою жизнь, это просто заставило меня задуматься, а почему мы не можем такое сделать у себя в стране? Потом я начала ходить туда как доброволец. Они меня приняли, и я стала учиться. И научилась, по сути, не от докторов, докторов там очень мало, потому что все заключается в основном в уходе. Я ходила туда лет пять. А потом появилась в Америке специализация по паллиативной медицине, которую я прошла и не жалею. А четырнадцать лет назад я узнала, что открывается Первый московский хоспис, а за год до этого был открыт Первый питерский хоспис. Я знаю основоположников этого движения, я приехала в Москву, встретилась с главврачом Первого

московского хосписа Верой Миллионщиковой и сказала: «Давайте будем работать вместе и будем дружить», и мы четырнадцать лет дружим.

ТОЛСТАЯ: А в Питере кто?

ГЛИНКА: Андрей Гнездилов и такой журналист Виктор Зорза… Вообще, я не удивлена, что вы меня позвали, потому что если в России когда-нибудь будут нормальные хосписы, бесплатные, хорошие, то это будет не столько, наверное, от врачей, сколько от журналистов. Потому что сколько было обо мне публикаций… Я заметила две вещи — конкретной помощи денежной мне не приходит никогда, мне просто не везет, у меня нет спонсора, который придет и скажет: «Лиза, я тебе дам деньги, и ты построишь хоспис, который ты хочешь». У меня такого не случается, у меня всегда увеличивается в три раза поток больных как в России, так и на Украине. И всегда появляются журналисты, и первый вопрос от них: «Чем я могу помочь?» Это единственная категория, о которой я могу сказать, что они действительно сочувствуют.

СМИРНОВА: Единственный шанс реабилитировать эту профессию! Елизавета Петровна, я не то что хочу понять сама, мне это отчасти внутренне понятно, я хочу, чтобы поняли зрители и, может быть, пришла бы какая-то помощь. Вы сказали, что не любите смерть, а что тогда для вас побудительный мотив все время быть рядом со смертью?

ГЛИНКА: Наверное, любовь. Потому что я очень люблю наших больных. И потом, вы знаете, в отличие от коллег, которые не разделяют моей точки зрения, потому что я много получаю писем «Зачем ты ушла туда? Оно тебе надо? Этот похоронный дом…» Поймите, разница между мною, например, и какой-нибудь Марь Иванной, которая лежит в хосписе, — в одном: она знает, когда она умрет, а я не знаю, когда я умру. А в остальном мы абсолютно одинаковые. Она испытывает те же чувства, что и я. Больные так же любят, они женятся, они ненавидят, они страдают, они переживают, они звонят по телефону, они едят, они хотят слушать музыку, они смотрят телевизор и даже новости. Скажу вам больше, они даже голосуют. Я сейчас занимаюсь, к сожалению, только онкологическими больными. А ведь есть еще целый пласт больных, о которых общество просто не знает и для которых хосписы никто не намерен строить. У них другие заболевания, которые тоже приведут к терминальному исходу. Это касается коматозных больных. Сейчас у меня так сложилась жизнь, что я по личным причинам связана с институтом Бурденко[42]. И я посмотрела на больных, которые не перспективны в плане дальнейшего лечения — их некуда деть,

нет места, куда таких больных привезут, понимаете? К сожалению, когда я поднимала этот вопрос на высоких уровнях здесь, мне отвечали: «Вы правильные вещи говорите, и действительно для таких больных нужно создать условия, но у нас нет законодательной базы». Ну нет — создайте! Но как правило, если вы общаетесь с кем-то наверху, то после этого ответа, что нет законодательной базы, нужно складывать руки и уходить. Но я буду пробивать это. Менять законы.

СМИРНОВА: А в чем, как вы считаете, главная проблема хосписов у нас? Почему их нет? Почему нет законодательства?

ГЛИНКА: Это очень сложный вопрос, Дуня, который очень просто решается. Хосписов в Москве сейчас достаточно. Сегодня их восемь, а к концу года, говорят, будет двенадцать. Здесь территориальный принцип. Когда они создавались, они создавались по муниципальному какому-то закону — каждый округ имеет закрепленный за ним хоспис. И в других регионах России то же самое. То есть там в Ярославле есть хоспис, еще где-то. Но есть города, в которых нет хосписов вообще, по непонятной мне причине. Например, в Калининграде нет ни одного места, где человек может умереть, его выписывают умирать домой. Я писала законодателям, писала губернатору, я кричала в своем «Живом журнале»: в Калининграде нет места, где человек может уйти из жизни достойно! Никого не тронуло. Но тем не менее люди уже понимают, не только я, многие понимают… Мне очень помогает Сергей Миронов в отношении больных. И когда я подняла с ним вопрос о создании хосписов для больных не раковыми заболеваниями, он мне сказал, что да, эта проблема есть, я это все понимаю, но, согласно закону, у нас в Москве хосписы существуют по территориальному принципу, и если ты в Гагаринском районе живешь, то ты можешь умирать, а если ты приехал из региона, тебя прооперировали в институте нейрохирургии, после этого ты остался глубоким инвалидом и жизнь твоя зависит от аппаратов поддержания, то ты будешь гнить в какой-нибудь больнице, куда тебя выбросят. Такие законы, я считаю, надо менять.

ТОЛСТАЯ: Да уж, безусловно…

ГЛИНКА: Я сейчас нахожусь в Москве шестой месяц и должна вам сказать, что к нам больше обращаются из регионов. Люди, которые говорят, что я хочу умереть у вас или в Первом московском хосписе. И части больных я вынуждена отказать, потому что им не повезло — у них нет рака! Вы представляете? Они умирают от другого заболевания, а места такого нет… И нельзя называть это хосписом, потому что… Вот мы вводим высокие технологии, мы делаем очень сложные операции, мы

тратим огромные деньги на это на все, правда? Проводятся операции, уникальные даже по мировым меркам, и руки у хирургов золотые. Но всегда есть процент тех, кто не переживет эту операцию, у кого она пройдет не так удачно, как у другого. В одном случае таких больных будет больше, в остальных — меньше. Почему-то на высокотехнологичные операции и аппаратуру у нас находятся и деньги, и время, а те, кто остался за кадром, они никому не нужны. Понимаете?

ТОЛСТАЯ: Понимаю. Это поразительно, конечно. Это сочетание равнодушия, желания закрыть глаза и уши…

ГЛИНКА: Да нет, даже не равнодушия. Я считаю это геноцидом по отношению к людям. Потому что когда я разговаривала, не буду сейчас называть фамилию этого человека, он мне сказал: «Это естественный отбор». Это мне в Москве сказали! Это естественный отбор.

ТОЛСТАЯ: Вот его бы так отобрать.

ГЛИНКА: Не надо никого отбирать. Надо просто подумать о том, что это не естественный отбор, это искусственный отбор. Понимаете, сейчас в обществе выживает сильнейший. Богатый и сильный. Вот они пройдут на операции, их будут держать столько, сколько нужно. А вот слабые… этих больных я вижу каждый день, и письма от этих больных я получаю каждый день, и телефонные звонки. Им реально некуда пойти, если у них рака нету.

СМИРНОВА: Елизавета Петровна, вот вы сказали, что журналисты — единственные, кто спрашивает, чем помочь, и единственные, кто сочувствует. А что, вообще не сочувствуют?

ГЛИНКА: Сочувствуют те, кто так или иначе соприкоснулся. Вот если вы сейчас аудиторию спросите, есть ли у них в окружении люди, которые больны раком или погибли от рака, наверное, две трети поднимут руку. Но сочувствовать будут те, кого это коснулось непосредственно.

СМИРНОВА: Кто был рядом.

ГЛИНКА: Кто был рядом и видел, как это проходило.

СМИРНОВА: А остальные?

ГЛИНКА: Остальные, ну, считают, что это…

СМИРНОВА: Умирают и умирают.

ГЛИНКА: Есть такое. Я вам скажу больше, мне пишут: «Зачем ты..? Давай их всех убьем».

ТОЛСТАЯ: Да вы что?!

ГЛИНКА: Мне пишут, что и тебя завалим, потому что ты достала нас, у тебя не бывает никакого позитива. Вот ты хоть раз что-нибудь такое напиши, а мы порадуемся. А то как ни зайдешь — у тебя похоронка.

СМИРНОВА: Это у вас в «Живом журнале»?

ГЛИНКА: Да, это в моем ЖЖ такие комментарии, я их оставляю. Или вот я сейчас подняла вопрос о хосписах для неонкологии. Не так давно я описала смерть одного больного, который был мне довольно близок — просто привыкла к нему. И вопросы: «А вы его убили?» Я пишу: «Нет». «А почему вы его не убили, если он мучился?» Понимаете? Вообще тема эвтаназии, к сожалению, в России поднимается. Потому что действительно, если не строить мест, где больной и его близкие будут в человеческих условиях, то тогда, наверное, правы мои оппоненты, которые говорят, что дерьмом ты, Лиза, занимаешься, а деньги надо вкладывать в высокие технологии… И тогда я, видимо, приму, что есть естественный отбор, и в него попадают и дети, и взрослые, и богатые, и бедные.

ТОЛСТАЯ: О чем разговор? Какие высокие технологии? Когда в центральных клиниках здесь, в Москве, лежат больные без всякого внимания и там нет туалетной бумаги. Потому что: «А что вы хотите? У нас ничего нет» — такой разговор…

ГЛИНКА: С гордостью говорят. Я знаю.

ТОЛСТАЯ: А при входе продают бахилы. Одна штука, одна нога — пять рублей. Вот тебе и рулон туалетной бумаги. И больные побираются друг у друга. И там сразу видно, кто добрей, кто злей, кто равнодушен, кто желчен. Потому что добрые всем делятся, вот этими жалкими вещами, из дома принесенными. «Стаканчик дайте пластмассовый, воды попить». — «Ну какой стаканчик? Стаканчиков у нас нет». — «Что же делать?» — «А не знаю, что делать». И чак-чак-чак по коридору в этот сумрак длинный…

ГЛИНКА: Это позор наш, наших больниц городских.

СМИРНОВА: А вы Зурабова взяли бы в хоспис?

ГЛИНКА: Конечно, взяла бы. Я всех возьму. И Зурабова, и не Зурабова, пусть он живет долго. У меня довольно странные бывают больные. Все думают, что я окружена ангелами. А бывают очень сложные по характеру больные. У меня умирал журналист, и я думала, что я сойду с ума. Настолько он был сложный. Молодой… погибал долго. На Украине. И трудно было найти подход. Убийца у меня умирал, освобожденный из тюрьмы, тоже это непростые люди.

СМИРНОВА: Скажем прямо, среди умирающих, так же как среди живых, встречаются сволочи.

ГЛИНКА: Как живем, так и умираем. Но вы знаете, перед смертью люди меняются. Не все, конечно, есть которые остаются такими же. А есть те, кто, когда узнают правду, вся шелуха с них слетает, и вы видите то, что есть на самом деле. Они становятся

очень добрыми. Даже нетипично добрыми. Те, кто их знал, удивляются…

СМИРНОВА: А что вообще такое идеология хосписа? Как она возникла?

ГЛИНКА: Ну, это движение возникло в Англии еще в XIX веке, когда были построены первые больницы для умирающих. Были даже доктора, которые вели дневники, фамилии я вам сейчас не назову. В XIX веке был доктор, который прицельно собирал умирающих больных в Лондоне и делал записи. Он писал не столько о больных, а о своих ощущениях от работы с умирающими. И он написал интересную вещь, о которой я часто думаю. Он сказал, что нам повезло — мы попутчики с этими людьми на тот короткий момент, который они проводят в нашей больнице. Это помогает работать, потому что жалеть каждого, наверное, невозможно. С ума сойти можно, если ты входишь глубоко в судьбу какого-то человека и плачешь над каждым больным. Я как-то стараюсь всегда воспринимать больного как человека, с которым мы встретились на определенном жизненном этапе.

СМИРНОВА: То есть вы просто там работаете рядом с ними…

ГЛИНКА: Но они ко мне приходят.

СМИРНОВА: …не душевно заламывая над ними руки, а делая свое дело…

ГЛИНКА: Да, это моя работа. Я делаю это дело. И делаю, как мне кажется, профессионально. Хотя это не исключает того, что, конечно, мы привязываемся к больным. Мы даже иногда плачем. И вообще работа в России и на Украине сильно отличается от американской. Например, когда я создавала свой фонд в Штатах, в уставе нужно было просто перечислить то, что ты делаешь. То есть уход за онкологическими больными… Я уже знала критерии, по которым мне предстоит работать в России и на Украине. Но предусмотреть всего невозможно, на Украине вот я столкнулась с тем, что мне приходится хоронить больных, потому что их хоронить некому. Те, кто освободился, нищие, бездомные или категория, у которых просто нет денег на похороны. Когда я разговариваю с американским доктором, он говорит: «Ты что, с ума сошла, ты что, правда их хоронишь?» А я не только их хороню, я купила землю, у меня свое кладбище. На Украине я купила землю за бутылку, договорилась с мужчиной, что у меня будет с ним бартер — я хороню, а он мне следующую могилу дает, потому что я понимаю, что это не последний больной. У меня женщина была без определенного места жительства, которая умерла… она была первая, кого я похоронила. И он так проникся, прямо как журналист, и сказал: «Это же не твои родственники?» Я

говорю: «Нет, это мои больные. И я хочу, чтобы крест был и имя написано». Потому что бомжей хоронят в мешках в общей могиле. Так что эта работа — не похоронный дом, как пишут, это жизнь такая, какая она есть. У меня летом умирала женщина, у нее было двое детей и ни одного брака. И эти двое детей оказались тоже неприкаянными. Если старшего мальчика нам удалось устроить в лагерь, то младшего Алешу, ему было восемь месяцев, нам пришлось положить в палату. Она, умирающая, сказала: «Я хочу его видеть, потому что это мой ребенок, потому что ему всего восемь месяцев». Хотя она была слишком слабой, чтобы даже держать его на руках… Я долго на это смотрела, а потом сказала: «Мы берем колыбель из детской и ставим ей в палату». И малыш остался с ней. Не до момента, когда она умерла. Но полтора месяца… Он не ночевал у нас, но бабушка приносила его и оставляла с ней. Я не знаю, запомнит ли он ее, но она в этот момент не была брошенной. Ее мужики по жизни бросали, зато дети не отказались. То есть доктора создали условия, в которых она могла оставаться человеком. В этом суть хосписа, понимаете? Умирание — это естественный процесс, так же как и роды. Просто очень важно, чтобы государство или тот, кто этим занимается, понимали, что это нормально.

СМИРНОВА: А почему вообще мало жертвователей на хосписы?

ГЛИНКА: Дуня, у меня нет времени этим заниматься. У меня нет фандрейзера. И мне неинтересно этим заниматься. Мне интересно работать с больными. Многие спрашивают, зачем я вообще открыла свой «Живой журнал». Я считаю, что те, кто поймет, что есть такие больные, которым, как считается, помочь уже нельзя, а помочь им на самом деле можно, облегчив их страдания, так вот, у этих людей есть шанс сделать что-то хорошее на земле. Но я считаю, что насильно выбить добро из человека невозможно. Или он этого хочет, или он этого не хочет. А постоянных донаторов нет.

СМИРНОВА: Постоянных нет у русских хосписов?

ГЛИНКА: У Первого московского хосписа есть.

СМИРНОВА: Их несколько?

ГЛИНКА: Один.

СМИРНОВА: А что у вас там, я читала, с попами происходит такое странное?

ГЛИНКА: Со священниками?

СМИРНОВА: Да.

ГЛИНКА: Мне пришлось избавиться от священников, с которыми я проработала вместе четыре года, с момента основания хосписа. Как они пишут, я выгнала попов. Да, я

действительно это сделала.

СМИРНОВА: Расскажите, пожалуйста, что случилось?

ГЛИНКА: Ко мне поступил ребенок, сирота, которого нашли в мусоропроводе. Этому малышу не повезло с детства. Мало того, что его мама бросила, он еще и заболел раком. Его долго лечили. И потом один спонсор решил оплатить его лечение в Белоруссии, где детям производят пересадку костного мозга. Но малыш по критериям не прошел — было много отклонений и поздно уже было что-то делать для этого ребенка. Со мной связались и спросили: «Возьмешь?» А у меня была детская палата на тот момент свободна, и я сказала, что, конечно, я его заберу. Я встретила этого малыша в аэропорту. И вы знаете, как бывает, когда взглядом, или фразой, или жестом отношения прекращаются? И священник… У меня уже были с ним достаточно напряженные отношения к тому времени… Я принесла этого малыша, он был в очень тяжелом состоянии…

СМИРНОВА: Сколько ему было?

ГЛИНКА: Мальчику был год и шесть месяцев. Звали его Юра. Я стала раздевать ребенка, и в этот момент священник вошел в палату, это совершенно обычная практика в Киеве. И он сказал: «Вы будете причащать этого ребенка?» А я была занята совсем другим и ответила: «Да, конечно». Он сказал: «А откуда вы знаете, что он крещеный?» Вот тут я перестала раздевать ребенка и посмотрела в глаза ему. Я сказала: «У него крест на шее». Он говорит: «Свидетельство о крещении у него есть?» И вот на этом наши отношения со священником закончились. Я поняла, что никогда не смогу с ним работать.

СМИРНОВА: А он был прислан к вам, этот священник?

ГЛИНКА: Конечно, их всех назначают, я же не сама их привожу. Мы светское учреждение, у нас же не только православные лежат. Лежат и евреи, и крайне редко, но попадаются мусульмане, бывают и атеисты, все кто угодно. Но этот священник счел нужным задать такой вопрос. И я не смогла себя перестроить, сказала, что причащать этого больного будет другой священник. На этом наши отношения закончились.

СМИРНОВА: А как вы от него избавились? Вы пошли…

ГЛИНКА: Это не я пошла, это он пошел против меня. Он почувствовал… стал писать на меня жалобы, что я не имею права принимать русских детей в украинский хоспис.

ТОЛСТАЯ: Так, ясно, ясно все с ним. Что за типчик, я знаю.

ГЛИНКА: Вот именно он. Поэтому мне пришлось ответить. Это длилось полгода. Вот. Сейчас у меня другой священник. Хороший[43]. То есть пока он мне нравится. Но это не значит, что я их выбираю. Я понимаю, что неординарная ситуация. Но это

была та фраза, после которой я поняла, что я никогда не смогу даже здороваться с этим священником, потому что дети… Ну, вы понимаете, что такое умирающий ребенок-сирота. С крестом на шее.

СМИРНОВА: Да, это, видно, чудный пастырь был.

ТОЛСТАЯ: Ну, тут все сразу. Он и чиновник, и фарисей, и не священник даже.

ГЛИНКА: Это, знаете… Не судите и не судимы будете. Я оставила эту тему. Потому что есть больные, которые действительно хотят исповедоваться. Есть больные, которые хотят исповедоваться доктору. Например, убийца… Очень я прониклась к нему. Такой был Санёк. Огромный, раза в три меня выше. Страшный — ужас! Жуткий совершенно. Вот типаж, который будешь искать специально — не найдешь, на кастинг какой-нибудь. Его все боялись. Я спрашиваю: «Санёк, а ты что сделал-то?» — «Да завалил я…» — и сказал, кого и как. Я говорю: «Санёк, а ты не хочешь исповедаться?» А он сказал — вот про попа, которого я выгнала: «Поп у тебя хлипкий, он задрищет, если я ему скажу, что я сделал». А он убил отчима, который бил маму. И не просто убил, а буквально закатал — ужас — в асфальт. Он говорит: «Представляешь, я это попу скажу, Петровна? Это ж нельзя. Он и так еле ходит, а тут я еще…» То есть он его пожалел! Вот говорят «устами младенца», а тут устами… Это было еще до конфликта, но я тогда подумала: «Надо же, мой поп не внушает доверия. Несколько лет служит, а Санёк не пошел к нему».

СМИРНОВА: Вы явно больше любите мытарей и убийц, чем каких-нибудь бизнесменов…

ГЛИНКА: Потому что они честнее. Бизнесмены врут, а они честные, говорят то, что видят. Они не притворяются. Есть бизнесмены, которые приписывают себе то, чего не делали, дают какие-то обещания, говорят, что они заслуживают лучшей доли, непонятно почему. Или говорят, что я вообще все купить могу — был у меня такой больной, правда, это ему не помогло. Действительно, те, кто оказался бомжами, а вы знаете, что среди бомжей много людей с высшим образованием…

ТОЛСТАЯ: А как они туда попадают? Там же два пути. Одни от советской, а теперь российской системы — поверил «МММ», продал квартиру, оказался на улице, паспорт тебе не выдали и не дадут. Или ты русский из бывших республик, бежал, паспорта нет и не дадут — это один путь. А другой когда нравится просто. Во всем мире такое есть.

ГЛИНКА: Да, так оно и есть, вы совершенно правы — так нравится. А есть — которые стали в силу несчастья. У мне был, я писала о нем — Захарыч, он стал бомжом в результате развода и

болезни. Выяснилось, что человек имеет докторскую степень, но абсолютно никому не нужен, потому что научно-исследовательский институт, где он работал, распался, жена бросила. Его мы нашли на съемной квартире, он обогревался газом. Ему было холодно, и мы его забрали. Он рассказал, что свободно говорит по-итальянски, а так в общем — бомж бомжом. Никогда не скажешь. И вот он, кстати, прекрасно освоил интернет и был единственным больным, который писал в моем ЖЖ. Буквально за два дня до смерти. Был такой флешмоб «Пишем Захарычу».

Не очень он пошел, потому что написали ему человек семнадцать, но он каждому ответил. Пришел в мою ординаторскую, я дала ему пароль, и он как Доктор Лиза — у него не было своего ЖЖ — отвечал. У нас есть даже фотографии, где он сидит за моим компьютером и от моего имени благодарит всех, кто ему написал. И он сказал: «Как поздно я узнал, что я нужен стольким людям. И моя работа, и мои труды». Кто-то разделяет ту фантастику, которую он нам принес, эти книги… на сто семьдесят второй странице закончил читать и погиб. Так что бомжи тоже бывают разные.

СМИРНОВА: Доктор Лиза, а что страшнее смерти?

ГЛИНКА: Не знаю. Наверное, ничего.

СМИРНОВА: Ничего?

ТОЛСТАЯ: А что страшного в смерти?

ГЛИНКА: Неизвестность. Меня пугает…

ТОЛСТАЯ: Там все полегче.

ГЛИНКА: Да?

ТОЛСТАЯ: Мне кажется, что есть вещи страшнее. И главная — это ощущение, которое некоторые называют богооставленностью, а другие говорят: «Не надо так говорить, потому что Бог тебя никогда не оставит, это ты его оставляешь». Ну значит, какая-то нестыковка с Ним, которая ощущается как абсолютное обессмысливание всего. То, что у людей в тяжелой депрессии бывает, они мучаются именно этим. Все лишается смысла. Не то что там перспектива или чувства, а все. Вот пить, есть, читать, телевизор смотреть, посмотреть на красивую вещь, цветок, выглянуть в окно, узнать, какая погода, — все лишается смысла. И когда оно вот так тебя обступит, и ты в этом находишься — ничего страшнее нет. Лучше смерть. Люди тогда выбирают ее, кидаются, ищут ее. Я думаю, что у всякого человека хотя бы раз в жизни и хотя бы на какой-то краткий момент это ощущение подвигается к нему. Необязательно с ним случается тяжелая депрессия, но вот как бы дыхание, как бывает дыхание пустыни — жар или, наоборот, морозом пахнуло, и дыхание этого состояния

посещает человека, чтобы он не шел в неправильную сторону, а шел искать Бога, а это другой разговор. Но это состояние страшнее. Потому что в смерти есть смысл. И вы, наверное, лучше меня знаете, а я про это много читала и, кроме того, сама помирала, — когда к ней приближаешься, ее вообще нету. Это так понятно, когда ты оттуда возвращаешься назад.

ГЛИНКА: Это тоже больные говорят. Да.

ТОЛСТАЯ: Не хочется туда, но это не самое страшное. Не хочется этот мир, который я вроде как знаю, оставлять и в неизвестность идти. Но страшнее, когда этот мир обессмысливается, как будто из всего душу вынули.

ГЛИНКА: То есть безразличие страшнее смерти, да?

ТОЛСТАЯ: Да.

СМИРНОВА: А вы боитесь смерти?

ГЛИНКА: Я не знаю смерть. Наверное, боюсь, как всего неизвестного.

СМИРНОВА: То есть вы все время рядом с ней, но при этом…

ГЛИНКА: Я же не знаю, что они испытывают. Они все умирают по-разному. Есть больные, которым очень страшно, которые успевают сказать: «Я боюсь, подержи меня за руку». Или: «Покачай меня». Просьбы странные бывают. А есть те, кто так мирно уходит, как говорят — дыхание отлетело. Дети так умирают. То есть просто засыпают. Поэтому для меня это что-то очень непонятное. Собственно, я не задаюсь этим вопросом, поскольку моя цель — сделать, чтобы это было гладко и безболезненно для больного, для людей, которые его окружают. Потому что одного больного обычно окружают человек двенадцать, правда? Включая соседей, родственников, знакомых. И если он ушел некомфортно, то и они будут жить со страхом. Не с естественным страхом смерти, который всему живому присущ. А с тем, что «И со мной то же случится. У меня будет рак».

СМИРНОВА: То есть вы, вообще-то, занимаетесь жизнью?

ГЛИНКА: Конечно. Я работаю с живыми больными. Мои пациенты — живые люди, которые умрут немного раньше, чем мы с вами.

ТОЛСТАЯ: И то никто не знает.

ГЛИНКА: Да и то никто этого не знает.

СМИРНОВА, ТОЛСТАЯ: Спасибо вам большое!

Взрослые о детстве: Елизавета Глинка

[44]

У вас есть какое-то воспоминание из детства, которое можно было бы назвать самым радостным?

Наверное, у меня было очень хорошее детство, потому что этот период я сейчас вспоминаю как сплошной праздник. К какому-то конкретному событию это не привязано. Ну, если совсем что-то детское вспоминать, я помню, как мне подарили кукольный домик. Квартиру для кукол, деревянную. Это первое, что я помню, — как была счастлива. Мне было лет пять. Помню даже запах этой упаковки. Купили, наверное, в «Детском мире». Из раннего детства запомнились именно подарки на дни рождения: один раз были немецкие куклы, другой — кукольный домик.

А какое самое грустное воспоминание?

Когда мне было четырнадцать лет, то у моего дяди, брата моей мамы, умерла жена. И буквально через несколько лет он тоже умер. Когда умерла жена, моя мама забрала их двоих детей к нам. Я помню, как изменилась наша жизнь. Мы жили в двухкомнатной квартире, хрущевской. Мы всегда были вдвоем с братом — и вдруг нас стало четверо. Мама просто купила две новые кровати, и так мы стали жить вчетвером. Младшему двоюродному брату Роме было пять лет, второму мальчику — 13. Рома был совсем маленький. Он вообще не понимал, что случилось. Как так, была мама — и вдруг ее нет. Она трагически погибла. Сейчас я понимаю, как тяжело было нашей маме, а тогда считала, что тяжело нам. Мне не хотелось, чтобы они жили в моей комнате. У нас была своя семья. Этот момент я, конечно, запомнила — это было тяжело. Тогда я в первый раз кого-то хоронила.

У вас была в детстве материальная мечта?

Я всю жизнь мечтала о деревянной лошадке с настоящей гривой. С качалкой. И чтобы она была как настоящая маленькая лошадка. Я их видела, кажется, только на фотографиях или в кино — не знаю. Она качается, у нее стеклянные глаза и настоящая грива — вот это была моя материальная мечта. Я до сих пор мечтаю о такой лошадке, но не хочу, чтобы эта мечта исполнилась. Иначе у меня уже не будет этой мечты. Мне казалось, что это немецкая лошадка. Пегая, с гривой и стеклянными глазами.

Дети задают вопросы Елизавете Глинке

[45]

Почему вас называют Доктор Лиза?

Потому что у меня есть интернет-страничка, которая называется «Доктор Лиза». Так меня назвал один мой приятель, когда я жила в Сербии и работала там, у нас не было телефона, и приятель сделал мне страничку, чтобы мы могли общаться. И с тех пор меня так зовут все.

А что вы делали в Сербии?

В Сербии я делала две вещи. Я растила своих детей, у меня три мальчика, и помогала косовским беженцам, сербам, после войны.

Вы были там с детьми, а разве детям там было не опасно находиться?

Ну, детей и не пускали… Есть такой закон, по которому дети не могли пройти в само Косово. Они жили в Белграде, оставались с няней, а я ехала из Белграда в Косово, четыре-пять часов на машине. Поэтому дети в Косово не были, конечно.

Вы упрямая?

Да, очень. Это помогает. Я не сдаюсь никогда.

Кому вы больше любите помогать, детям или старикам?

Я люблю помогать всем. Для меня нет разницы, старик это, бездомный, ребенок, маленький, большой. Я не делю. Ни на национальности, ни по цвету кожи… Мне все равно.

Вы как себя оцениваете? Вы больше врач или общественный деятель?

Ты знаешь, ни то ни другое. Потому что то, что я делаю, это, по сути, санитарская работа, это тяжелый физический труд. Я себя оцениваю наравне со своими добровольцами, как члена одной команды, которая пытается сделать какое-то небольшое, но очень важное дело.

А кто к вам может обратиться за помощью?

Ко мне обращаются люди, которые в городе Москве по тем или иным причинам не могут получить медицинскую помощь. Это, например, гастарбайтеры, которые приехали сюда, заболели, страховки медицинской у них нет, у части нет или утеряны документы, и они не знают, куда обратиться. Или это люди, которые приехали лечиться за деньги, деньги закончились, и им негде жить. Они тоже обращаются в фонд. Или бездомные, которых выселили из их квартир, потому что не все бездомные пьют, как это, к сожалению, часто показывают по телевизору. Это бабушки, которые пустили к себе плохих постояльцев, и те

выгнали их на улицу. И вот они приходят в фонд, или я к ним приезжаю на вокзал со своей командой — нас работает пять человек, — и мы стараемся как-то решить их проблемы.

А зачем им помогать?

Ты знаешь, есть такое слово — «выбор». Вот это мой выбор. Я выбрала такую работу.

А как вы сделали этот выбор?

Произошло так как-то… Никогда в жизни не думала, что буду работать на вокзале, буквально на помойке. Но однажды поступил вызов, сказали, что на скамейке у Павелецкого вокзала лежит мужчина, он ждет «скорую», а его никак не забирают. Я приехала, и с тех пор приезжаю туда каждую среду, потому что больного мужчину к тому времени увезли, а другие бездомные остались. Они жили в коробках, было очень холодно. Я совершенно не представляла, что можно жить в коробках около мусорных ящиков. Я по ним пошла и уже четвертый год хожу.

Но это же их выбор.

А это мой выбор — помочь им. И это не их выбор. Не у всех это их выбор. Не все становятся бездомными и несчастными. Мы все рождаемся хорошими, а что случится в жизни, это большой вопрос. Потому что бывает выселение из квартиры, бывает болезнь, бывает, умирает один из родителей, бывают какие-то чудовищные обстоятельства. Поэтому осуждать не спешите.

Я не совсем понимаю… помогать бездомным, для этого же есть государство.

Ни одно государство в мире не обходится без помощи благотворительных фондов. Я работаю вне государства, то есть у меня маленький частный фонд, помогающий той части общества, которая пока не охвачена этим государством, к сожалению. Как только оно начнет заниматься…

А когда это произойдет?

Не знаю. Как только это произойдет, я закрою и ЖЖ и уйду на что-нибудь другое.

Когда вы в последний раз плакали? И вообще — вы плаксивый человек?

Нет. Я не могу публично плакать, мне трудно это делать. Иногда я сознательно сдерживаюсь, когда мне хочется заплакать, или выхожу куда-нибудь. Я считаю, что плач — это такая эмоция, которую нельзя демонстрировать публично.

У вас наверняка были такие случаи, когда на руках умирали бездомные или малознакомые вам люди. Они когда-нибудь говорили вам о своем последнем желании?

Да, у меня не на руках, но умирал бездомный, которого я видела за сутки до смерти. Его желанием было умереть на

родине, а родом он был из Узбекистана. И к сожалению, это его желание так и не исполнилось.

Какая самая необычная благотворительная помощь вам больше всего запомнилась?

Очень необычный был у меня последний пациент, который пришел ко мне в подвал и сказал, что он военный врач, что он из города Выборга и у него украли документы. Чистый, трезвый мужчина с заплаканными глазами. И он говорит: «Понимаете, я остался без всего и хочу попасть домой в Выборг. Я был в Подольском госпитале, сказал, что я врач, ваш коллега, я на пенсии, помогите мне с кем-то связаться, чтобы меня отправили домой. Но меня выгнали. Я пошел на станцию переливания крови и спросил, можно ли сдать кровь за деньги, чтобы купить билет на автобус». И тоже его прогнали, и никто ему не поверил. В итоге он попал в поликлинику для бездомных, и хорошо, что он туда попал, потому что поликлиника переправила его в наш фонд, мы купили ему билет, и вечером того же дня он был дома. В первый раз я помогла коллеге, врачу.

Почему вы выбрали именно эту профессию? Вы не хотели бы быть там актрисой?

Нет, никогда не хотела. Потому что мне просто очень нравится то, что я делаю. Еще мне нравится делать то, что никто не делает. Меня всегда тянуло в экстремальные ситуации. Я люблю все необычное.

А кем вы хотели быть в детстве?

Всегда хотела быть врачом. Сколько себя помню.

У вас был такой случай, когда бездомный отказывался от вашей помощи?

Конечно, как у каждого врача…

…а вам было обидно?

Нет. Потому что я уважаю выбор каждого. Каждый вправе выбирать себе врача и место лечения. Я всегда уважаю решение больного, я всегда на стороне больного, даже если его решение в силу чего-то мне не кажется правильным.

А вы что, вообще ничего не боитесь? Вы же были в разных стрессовых ситуациях… вы же должны чего-то бояться все-таки…

Ну почему? Я боюсь крыс. Я боюсь тараканов. Я, как любая женщина, чего-то боюсь все время. Я боюсь за своих детей, когда они не приходят домой. Нет, я ничем от других не отличаюсь.

Вы говорите, что боитесь крыс. Но вы же общаетесь с бездомными на вокзалах, вокруг них много крыс…

Вот представляешь, так и работаю. Боюсь, а работаю.

А тяжело лечить бездомных?

Они такие же люди, как и мы. Тяжело лечить в том плане, что у меня маленькая старая «скорая помощь», в которой очень жарко летом и очень холодно зимой. От этого страдают и пациенты, и мы, которые им помогаем. Поскольку мы работаем в резиновых перчатках, они то приклеиваются от жары, то застывают от холода. Вот в этом сложность. В остальном, если уговорить бездомного, а уговорить можно практически любого человека, они очень послушные и выполняют назначения иногда даже лучше самых обычных домашних больных.

Вы интересуетесь личной жизнью своих детей? Советуете им там, с какими девушками надо общаться?

Вот как раз сегодня советовалась. Они со мной не советуются, к сожалению. А я с ними часто советуюсь.

И с какими же надо встречаться?

Старший у меня вот расстался с одной девушкой. Младший пожаловался, что прошлым летом с ним было то же самое… Но они мои советы как-то после принимают и потом говорят: «Мам, ты была права».

То есть вы это предусмотрели заранее?

Я очень так настороженно отношусь к судьбе своих детей в отношении их встреч и всего остального, но не контролирую их. Поэтому они мне все рассказывают, к сожалению, постфактум. А папе они говорят до и в процессе.

Как вы относитесь к классической музыке?

Я очень люблю ее слушать.

Глинку?

Нет, не Глинку. Любимый композитор — Мусоргский.

Вы умеете на чем-нибудь играть?

Я умею играть на пианино.

Вы хорошо водите машину?

Ужасно! Ужасно! Я не соблюдаю скоростной режим. Я скажу тебе честно, что в Америке я разбила три машины. Одну новую.

А какая у вас сейчас машина?

У меня «мерседес» десятилетней давности, его бить уже не жалко.

Вы жили в Америке, а почему вы вернулись обратно?

Так сложились обстоятельства. Сначала у меня заболела мама и мне надо было за ней ухаживать, потом у меня заболел папа, а потом мой муж получил здесь работу и мы решили остаться.

Хотели бы вы вернуться в Америку?

Да я и возвращаюсь туда, я не всегда в Москве. Иногда уезжаю туда и провожу там какое-то время.

Есть ли у вас сон, который снится вам чаще всего?

Ты знаешь, я последний месяц очень мало сплю — много работы, и мне ничего не снится.

Представьте себе, что у вас есть огромная сумма денег и вы можете построить дом для себя и своей семьи или хоспис своей мечты. Что вы выберете?

Дом у меня есть. Даже два. И моя мечта — это даже не хоспис, а больница для бедных, которая включает в себя хоспис. Так что даже не обсуждается!

Я узнала, что вы занимаетесь хосписами в Киеве, а почему не в Москве?

Потому что в Москве существует восемь хосписов, и есть кому ими заниматься, а в Киеве не было ни одного. Поэтому я открыла там самый первый.

Почему одни люди рождаются бедными, а другие — богатыми? И почему в мире все так несправедливо?

Мы все рождаемся одинаковыми, понимаешь? Все рождаются хорошими. Другой вопрос, что из чего вырастает. Почему мир несправедлив? Это вопрос, на который тысячелетиями ищут ответ. Я думаю, что поиски ответа — абсолютно бесплодны. Но чтобы ответить на него самому себе, надо сначала помочь тому, кому сейчас хуже, чем тебе, и тогда мир, наверное, станет справедливее.

У многих бедных есть руки и ноги, зачем им помогать? Ведь это может им помешать устроить жизнь самим?

А ты считаешь, что он устроит жизнь быстрее, если я его не покормлю? Ты откуда?

Я из города Котласа.

Вот ты приехала из своего города, у тебя украли все документы, и ты знаешь, что есть место, где тебя покормят, возможно, восстановят документы и, уж точно, если ты ребенок, отправят домой — это гарантированно. И вот ты стоишь в этой очереди, я смотрю на тебя и говорю: «У тебя есть руки-ноги, пошла отсюда! Я тебя не буду кормить». Это будет правильно?

Нет.

Я ответила на твой вопрос?

Да.

Моя мама говорит, что многие люди поступают в благотворительность, чтобы замаливать свои грехи. У вас есть грехи, которые вы замаливаете?

В отношении моей работы — нет. Но грехи, безусловно, у меня есть. Я же не святая. Как у любого человека, конечно, есть.

Скажите, пожалуйста, а врач имеет право на ошибку?

Это очень сложный вопрос, на который я постараюсь тебе ответить. С позиции человеческой — нет, не имеет. Но ошибки

случаются иногда.

А какая ваша самая большая ошибка?

То, что у меня только трое детей. Я всегда хотела пятерых.

Какой бы вы дали совет начинающим волонтерам? Что нужно делать? Куда идти?

А сколько тебе лет?

Четырнадцать.

Восемнадцать будет — поговорим, ладно?

Вы берете на работу студентов, которые еще не имеют профессии?

Они приходят в фонд и записываются, проходят короткое обучение, и дальше мы уже решаем, какую работу они могут выполнять. Это может быть самая разная робота. Или привезти больному лекарства, или встретить кого-то на вокзале и отвезти, или принести продукты и так далее.

Вы дома тоже думаете о своей работе или отключаетесь от нее?

Я так поздно прихожу, что я только хочу спать. Но стараюсь все же дома не думать о работе. И на выходных, если они у меня бывают, стараюсь не думать.

Как вы любите отдыхать?

Сложный вопрос. Я в отпуске не была три года, которые я живу в Москве. Я очень люблю проводить время со своими детьми. Просто быть с ними в одной комнате, играть, читать, смотреть с ними телевизор.

Был у вас день, который был для вас лучшим отдыхом?

Идеальный выходной, когда все три моих сына рядом со мной.

Сейчас на телевидении в основном развлекательные программы, а если бы вы были на телевидении, что бы вы показывали?

Я практически не смотрю телевизор, у меня просто времени на это нет. Иногда, очень редко, я смотрю новости или какие-нибудь старые фильмы, которые я люблю. Если бы я была на телевидении, я бы показывала и развлекательные программы, и кино, и мультфильмы. Я не люблю только, честно скажу, ток-шоу. И вот сама на него попала.

Ну а если все же работали бы там, какую главную тему вы бы хотели затронуть и показать всему миру?

Я хочу, чтобы бедных было меньше. Наверное, я на это бы сделала акцент, если бы имела свою программу. Хочу, чтобы чиновники не были такими равнодушными.

У вас есть домашние животные?

Нет.

А вы их любите?

У меня в хосписе в Киеве живет большой попугай какаду Жанна. Она говорящая.

Вы делаете добрые дела, а вы становитесь счастливее после этого?

Я счастлива и до, и после, и сейчас. Я вообще очень счастливый человек.

Вы когда-нибудь стеснялись себя?

За что-нибудь сказанное или сделанное? Было ли мне стыдно? Да. Часто после конфликтов. У меня тяжелый характер. Я эмоциональная. Я могу в очень резкой форме высказать свое негативное отношение в какой-то момент. Не то что-то сказать. И мне бывает стыдно, и я даже иногда прошу прощения.

А за ваших сыновей вам когда-нибудь было стыдно?

Пока, слава Богу, нет.

Вы постоянно работаете, а кто воспитывает ваших детей?

Они у меня довольно большие, но я все-таки пытаюсь воспитывать их сама.

А когда маленькие были?

У меня средний был грудным почти пять лет, поэтому я была привязана, и я не ездила столько сюда. В России я всего три года, и дети, слава Тебе Господи, все, кроме последнего, совершеннолетние. А так таскала их с собой.

Вы верующий человек?

Да.

А как насчет того, что Господь не дает человеку крест тяжелее, чем он может вынести?

Совершенно точно.

Как вы думаете, что нужно сделать, чтобы в стране было меньше бездомных?

Надо все-таки сделать больше социальных приютов, надо восстановить или обновить систему реабилитации людей, которые были в тюрьме, освободившихся. Потому что им буквально некуда деваться. Сейчас поставлена система так, что они из тюрьмы либо обратно попадают, либо на помойку на вокзал. Тут надо или восстанавливать, или делать что-то новое. И для тех, кто в трудной жизненной ситуации, должны быть дома не такие огромные, как казармы, а маленькие приюты на двадцать пять — тридцать человек, в которых они могут реабилитироваться и вернуться к нормальной жизни.

Часто ли вас называют героем?

Ты знаешь, во-первых, не считаю. А во-вторых, очень этого не люблю, потому что я не герой, я самая обычная женщина. Ничего героического я не делаю.

Вот наступил такой день, когда государство занимается бездомными людьми, и вы просыпаетесь и чувствуете, что вам не надо им помогать, никуда ездить. Чем вы будете заниматься?

Тогда я пойду в гости к своим бездомным, которых обслужит государство, в новый приют и скажу: «Привет, я Доктор Лиза, узнали меня?» И буду пить с ними чай.

«Мы спасаем тех, кого называют “сброд”»

[46]

Вашей организации «Справедливая помощь» три года. Не знаю, принято ли у вас подводить итоги и чем их измерять… не спасенными же жизнями, ведь ваши клиенты — обреченные.

Ну почему? Не все так грустно. В 2010-м мы 130 человек отправили на историческую родину. 49 больных туберкулезом, подобранных на улице, были помещены в диспансеры. На дому обслужили больше 60 больных. Семеро погибли. Четверых нищих мы похоронили за счет фонда. Собрали десятки килограммов гуманитарной помощи для замерзающих этой лютой зимой, а поддержку, которую летом направляли пострадавшим от лесных пожаров, измеряем тоннами.

Что характерно, все это не разворовывается и не сжигается на свалках.

Смысл существования каждого благотворительного фонда в том, чтобы он работал. Не только собирал помощь и отвечал на телефонные звонки, а реально работал. У меня все раздают помощь, в том числе диспетчер фонда.

Я знаю, вы грезите о создании в Москве больницы для бедных. Приблизились к мечте?

До такой степени, что озвучила это в кабинете нового уполномоченного по правам человека по Москве. Еще в Совете Федерации была, в префектуре Центрального округа…

А в ответ — тишина?

Вроде говорят, что больница нужна.

Голиковой не пробовали писать? Ее тема.

Я обращалась к прежнему министру — Зурабову. Получила отказ. С Голиковой у меня нет времени переписываться. Последние два года занимаюсь только бедными — на вокзалах, в домах, подъездах.

Наверняка не всем, кто к вам обращается, реально помочь.

Наплыв нуждающихся большой, и есть четкие критерии для тех, кому мы помогаем. Это люди, от которых отказались все остальные. Их называют «сброд», «низ общества» и так далее. Мы берем бездомных, безногих, бывших гастарбайтеров, людей без медицинской страховки, без документов, освободившихся из тюрем, умирающих, которые не хотят или не имеют возможности быть в хосписе, — это все наш контингент.

Расскажите о самых длинных и коротких знакомствах с

больными. Может быть такое, что сегодня вы приезжаете к человеку, а завтра его уже нет?

Один раз хлеще было. Приехали практически к трупу, и через три минуты человек умер. А самых долгих — много. У меня есть больной Панов, которого я знаю столько, сколько существует фонд. Он перенес инсульт во время наркоза, когда ему делали тяжелую онкологическую операцию. Есть больная из Люберец. Не буду озвучивать ее диагноз, она не ходит. Одинокая, но очень любимая нами женщина. Есть 34-летний Данила, который третий год окормляется в нашем фонде. У него редкое заболевание — аутоиммунный лейкоэнцефалит, за год он превратился в ребенка, разучился говорить и обслуживать себя. Сознание — на уровне новорожденного. Это все были безнадежные больные.

То есть чудеса возможны?

Я бы не сказала, что они живут из-за меня. Это неправда.

Не представляю, как вы эти стрессы выдерживаете. Или не «пробивает» уже?

Конечно, «пробивает». Была девочка из Молдавии, которая работала менеджером крупного ресторана в Москве. Она заболела раком и умирала на полу общежития. Это было ужасно страшно. Не рассказать всего, что есть. Это кажется, что достигнуто благополучие. Оно есть где-то. Но есть и незащищенный слой общества. Эти люди не знают, куда пойти. И я уверена, что нет ни одного человека, который, посмотрев на это, останется равнодушен.

В репортаже о вас видела, как больные с нечеловеческой силой вцепляются в вас, стараясь подольше не отпустить. Что вы испытываете в эти моменты?

Сидим с ними. Что еще сделаешь? Спрашиваем: «Что вы кушаете? Кто есть из близких? Какие у вас соседи?» Им по большому счету ничего не надо, кроме элементарной регулярной помощи и внимания.

Не ждете, что государство будет участвовать в ваших делах?

Я не хочу работать с государством, у меня частный фонд. Одно дело не ссориться с государством, другое — с ним сотрудничать. Единственная площадка, с которой я могу заявить о том, что есть люди в подъездах, — это мой блог. У меня нет своего канала, радио, проплаченных журналистов, пиар-менеджера. Только блог. К счастью, люди слышат.

У меня есть женщина-доброволец, которой 85 лет. Она приезжает, полчаса плачет, а потом дает со своей пенсии денежку. Я ей говорю: «Максимкина, я не могу с вас брать». — «А я не могу не давать, — отвечает она. — Потому что пережила

войну, смерть мужа и знаю, что бездомным и голодным быть очень тяжело». Ее поколение стало все чаще приходить сюда. Что привлекает молодых, не знаю. Вроде не голодали, только в кино видели. Тем не менее они тоже приходят.

Что вы получаете от больных? Они ведь даже конфет не подарят.

Прежде всего то, что они выживают. Я счастлива от этого, это самое важное. Я получаю больше, чем коробку конфет, — новых больных, которым нас рекомендовали. Про меня всякое говорят: что перепродаю вещи, в комиссионку сдаю, но доверие людей все-таки перевешивает.

А зачем вам Гребенщиков? Для авторитета или пиара?

Борис Борисович летом сам меня нашел. Я прямо сказала ему: «Зачем тебе это нужно? Я помогаю такому сброду…» А он ответил: «Мне это и нравится. Я тебе не только по пожарам буду помогать, а всегда». Сейчас он содействует в том, чтобы установить палатки для обогрева замерзающих на улице. Пока сделать это нам не дают, и мы боремся. Помощь не только бомжам нужна, но и пьяным. А то закрыли вытрезвители, и теперь люди умирают на улице. Нельзя этого позволять.

Вы все свое время посвящаете «Справедливой помощи»?

У меня трое детей, и я очень стараюсь быть дома в выходные.

Зарабатываете на фонде?

Скорее, трачу свое.

На что же живете?

Меня содержит муж.

И как он относится ко всему этому?

(Смеется.) У него погоняло: страстотерпец.

«Любого человека можно уговорить»

[47]

Где вы жили в Штатах до того, как вернулись?

В Вермонте.

Сколько раз я был в Соединенных Штатах, в больших городах я тоже видел большое количество бездомных. Это как-то инспирируется экономикой? Или чем?

Вы знаете, мне кажется, что этот социум бездомных просто привык выживать в больших городах.

Вот их в Нью-Йорке и Сан-Франциско очень много, а в европейских столицах меньше, это почему?

Да я не знаю, почему… Во Франции их очень много.

А это как-то зависит от правой, левой экономики?

Я думаю, они были, есть и будут. Знаете, была такая программа, где мои бездомные вели прогноз погоды. Называлась она «Самый важный прогноз погоды», потому что это люди, которые больше всего от погоды зависят. Какой-то хороший человек придумал, что со всего мира бездомные объявляют прогноз. И не было страны, ни одной страны, в которой бы не нашли бездомных. Даже, по-моему, в Исландии они нашли одного, но он не пришел, потому что был занят, как он сказал. А так во всех странах был целый кастинг. И у нас, наверное, самый большой. Я запомнила одного моего пациента, который сказал: «Берегите себя! С вами был Владимир Бондарев».

То, где их больше или меньше, это как-то зависит от климата или состояния страны, в которой этот большой город находится?

Я повторяю, нет ни одной страны, где их нет вообще.

В Рейкьявике их меньше, вы сказали.

Да, это правда. Почему их так много в Москве? Потому что в Москве очень много людей, которые приехали сюда заработать деньги, сделать карьеру, потому что здесь легко спрятаться от семейных неурядиц, от кредитов, которые они набрали в другом городе и лишились абсолютно всего…

Это частая в последнее время история?

Да, два года назад я обратила на нее внимание, когда появились первые люди, а сейчас их много.

Вот есть такой социальный феномен как бездомные. А общество что, на ваш взгляд, должно делать? Оно должно им помогать? Предлагать варианты перестать быть бездомными?

Помогать и стараться их вытащить, насколько это возможно. Поймите, 90 % — это больные люди. Потому что три месяца на

улице делают из человека полуинвалида.

Вы говорили, что за три месяца человек десоциализируется на улице.

Да, очень быстро.

Это показатель какой-то болезни — то, что их так много?

Нет, это показатель того, что мы — нормальное общество. Есть домашние, а есть бездомные. Мне кажется, что когда общество это примет, жизнь бездомных улучшится.

Нужно стараться перевести их из статуса бездомных в домашних?

Безусловно.

А как?

Мы снимаем хостел. Если мы видим, что намерения четкие, есть желание вернуться к нормальной жизни, если я знаю, что он не сопьется и действительно будет устраиваться на работу…

Что это за хостелы такие? Специальные?

Нет.

Обычные, для туристов? Вы снимаете там койки?

Да, и много.

И сколько они там живут?

До момента, когда смогут сами снять жилье. Или они уезжают обратно. Сколько надо, столько и живут.

А как вы их ставите на этот трамплин?

Это очень длительный, Володя, процесс.

Голливудскую историю расскажите.

Голливудских историй мало. Как правило, это односюжетная история про человека, приехавшего из Молдавии, Украины, Белоруссии, у которого украли здесь все документы и которому стыдно вернуться домой. Как восстановить документы, не знает. И вот такие полудети, которым 18–23 года, к сожалению, опускаются на это дно — по-другому его не назовешь.

Вы расскажите историю про всплытие.

Всплытие — когда его привозят уже с ожогом, или с обморожением, или с травмой: «Сделайте что-нибудь, я боюсь». Ему оказывается помощь, и мы спрашиваем: «А как бы нам найти твою маму?» Он вспоминает телефон, мы созваниваемся, говорим: «Вот мы нашли, вы ищете?» — «Да, ищу». Если нет телефона, часто шлем телеграммы, от которых рыдают почтовые работники. «Мы нашли вашего сына на таком-то вокзале» — приемщицы плачут: «Боже, это же ужас, как же вы работаете?» А потом либо приезжает мама, либо мы этого товарища с билетом упаковываем, одеваем, приводим в божеский вид, и он едет уже навстречу своей новой судьбе и возвращается в свой дом. Вот это самый счастливый конец, который можно себе придумать.

А что в голове у людей, которые не хотят вообще возвращаться к нормальной жизни?

Безразличие. К себе, к окружающим. Их не так много, тех, кто уже ничего не хочет менять в силу того, что они скоро погибнут.

Вот смотрите, есть огромное количество наших сограждан, которые бездомных ненавидят. Главный их аргумент — это то, что им ничего уже не поможет. Что вы на это отвечаете?

Я ничего не отвечаю, потому что переубеждать таких людей бесполезно. Я прошу только об одном — не обижайте их. Есть понятие медицинский хоспис, а есть понятие социальный хоспис. Вот часть бездомных — это обреченные люди, которым осталось жить очень мало.

А какая средняя продолжительность жизни человека на улице?

Год.

Год?! Даже так?

Год — это если подъезды, если компания. А один — нет, не проживет долго. Потому что он может быть сбит машиной, потому что его изобьют, подожгут, он споткнется, ему не окажут помощь. Или еще что-нибудь.

Вот вы упомянули о подожженных и убитых бомжах, а в западном обществе это тоже есть?

Там нет ненависти, есть просто равнодушие, они проходят мимо.

А вы пробовали понять, откуда это взялось у нас?

Мне иногда кажется, что это страх оказаться в таком же положении, и, поджигая его, он сжигает то, что видит: нет человека — нет проблемы, и он таким не станет. А это неправда. Я вот говорю, проработав здесь семь лет, что бездомным становятся в один миг буквально. Никто в мире от этого не застрахован. Я думаю, что как раз на Западе это понимают, а вот мы пока нет. И ведь нигде в мире их не выселяют за сто первый километр. Сейчас новые законы принимаются об их изоляции, и изоляции пожизненной. Но я вам скажу, что вы вывезете их за сто первый километр, и ведь были такие случаи, а они все равно, замерзая по пути, но возвратятся в город, потому что, как они говорят, «Москва кормит». Потому что есть добрые, есть те, кто купит кусок хлеба, кто даст немножко денег. Есть места, не городские — частные, где им окажут помощь.

Я понимаю, что за семь лет вы повидали многое и обросли изрядной броней, но все же как вы сами себя реабилитируете?

Никак.

Вы же все равно переживаете.

За них? Конечно.

А какой у вас есть способ привести себя в душевное равновесие?

Я так устаю к концу дня, что для меня единственный способ — это добраться до кровати и выспаться. Иногда я уезжаю на дачу. Вот и все.

Но это же накапливается.

Когда я высыпаюсь, не накапливается. А потом, когда поступает тяжелый бездомный с тяжелейшей судьбой, и они же не на улице, они у меня в подвале сидят, и надо решать их проблемы, так что если я буду сидеть и себя жалеть… А чего жалеть? У меня все есть…

Да нет, не себя жалеть, а как-то просто сменить картинку.

Я ее меняю. На малоимущих.

Ну и ну. Вот это душевная терапия, от бездомных к малоимущим!

Но это действительно работает. Как минимум у них есть дом, и я не переживаю, где они будут ночевать. А я вот сейчас от вас уеду, и у меня будут сидеть три человека, а я буду думать: «Господи, куда мне деть этих троих?» Потому что из хостела выперли — плохо себя вел. На вокзал больше не пускают — ругался нецензурной бранью. А третий говорит: «Никуда не поеду, потому что не хочу». И ни в больницу не положишь, никуда. Решение этих проблем не оставляет мне места для выгорания. И в фонде у меня никто не выгорел, потому что нам просто некогда — одно сменяется другим.

А что вот вы делаете, когда вам говорят: «Никуда не поеду»?

Я говорю: «Тогда пойдем искать подъезд, в который тебя пустят». Иногда привожу в свой, на лестничную клетку мою. А иногда пускаю домой, когда детей и мужа нет. А что делать? По одному беру, когда совсем край.

А бывает, что они на цивилизованную жизнь посмотрят и что-то в них переламывается?

Бывает, и очень часто. Опять же, это же безбожно из чистой детской комнаты выбросить его обратно. Поэтому начинаем искать. «А давай ты в хостеле поживешь, а давай поживешь там…» Либо есть сейчас такие фермы, которые принимают их и где они буквально работают за еду, для них снимаются дома. Иногда они удерживаются. Это очень неплохой проект. Но ферм мало, и это частные проекты. А вот большого реабилитационного центра нет, где бы я собрала их — вот их приходит двести человек — и сказала: «Так, этот будет работать на ферме, а этот уже инвалид,

его — в приют». То есть как-то их поделить и дальше уже распределять. Я все говорю: «Отдайте мне какой-нибудь старый медвытрезвитель или профилакторий». Бездомных там можно привести в порядок, чтобы их осмотрел фтизиатр, психиатр, терапевт, врачи других специальностей. И дальше уже их распределять по местам…

Это и есть ваша профессиональная мечта?

Да, больница для бедных — это моя человеческая мечта. Куда они могут прийти в любой ситуации, переночевать, вне зависимости от их понтов, настроения и всего остального. Потому что нет человека, который будет говорить, что не пойдет никуда и будет на улице. Любого человека можно уговорить. Мы не говорим, конечно, о тяжелом психическом заболевании или какой-то принципиальной установке — «Я живу на улице, потому что это моя религия». У нас есть и такие.

Мне не остается ничего другого, кроме как пожелать, чтобы ваша профессиональная — человеческая мечта сбылась.

Спасибо.

«Импотенция — это когда женщина ездит на войну спасать детей, а мужчины поливают ее за это дерьмом»

[48]

Елизавета Глинка, Доктор Лиза, глава благотворительной организации «Справедливая помощь», рассказала в интервью «Снобу» о том, почему ее деятельность подвергается столь резкой критике со стороны либералов, о своих политических амбициях и отношениях с администрацией президента.

Лиза, несколько дней назад был опубликован рейтинг «100 самых перспективных политиков после осенних региональных выборов» по версии ИСЭПИ. В этом рейтинге ты заняла первое место. Ты планируешь заниматься политикой, избираться в депутаты и т. д.?

Нет, заниматься политикой я не планирую категорически. Я планирую создать первую больницу для бедных в Москве, которую мы придумали с тобой и Антоном Красовским. Это будет первая такая больница в России. Надеюсь, вслед за ней мы откроем подобные и в других российских городах.

Расскажи, что это за больница?

Фактически то, что раньше называлось богадельней. Дом милосердия, в котором будет 30 коек и соответствующее количество пациентов. Идея в том, чтобы принимать всех без исключения, без страховки: беженцев, бездомных, психически больных и т. д. Чтобы помощь мог получить человек, попавший в тяжелейшую ситуацию, без вызова социального патруля, милиции и т. д. Богадельня — в прямом смысле слова.

Недавно в журнале «Большой город» вышла заметка «Москва подарит Доктору Лизе больницу». В ней говорилось о том, что ты под свой проект получишь от московских властей здание больницы номер 11. Так ли это?

Нет, совершенно не так. Я попросила опровергнуть опубликованную информацию.

Но насколько я знаю, такое предложение тебе действительно было сделано.

Предложение было. Но я от него отказалась.

Почему?

Со мной связался чиновник из мэрии и сказал, что имеются три корпуса больницы номер 11, которые он готов передать фондам «Справедливая помощь», «Вера» и «Подари жизнь». Оказалось, что больница уже пуста: койки ликвидировали в ходе

реформы. К сожалению, мой контингент — бездомные, психически больные люди, беженцы с детьми, которые не имеют никакого статуса, — не впишется в эту трехкорпусную систему с участием нескольких фондов, например, потому что в других корпусах будут лежать в том числе дети. Кроме того, мне было предложено брать больных не только бесплатно, но и за деньги. Для меня это совершенно неприемлемо. Когда «Большой город» опубликовал статью о том, что городские власти якобы отдают мне 11-ю больницу, из которой выкидывают больных, стариков, я позвонила в редакцию и попросила опубликовать опровержение.

Опровержение появилось?

Да. Я бы не стала звонить. Но публикация была действительно скверной. Авторы намекали, что из больницы, которую я «потребовала», выкинули врачей и пациентов. Для усиления эффекта текст сопроводили моей фотографией в маске. Снимок был сделан Антоном Красовским на вокзале, в момент, когда я увидела женщину, бездомную, с глубокой раной на горле от ножа. Фотография передает мой ужас, шок. На месте журналистов я не стала бы ставить этот кадр. Даже если им хотелось ярко проиллюстрировать догадку о том, что Елизавета Глинка — монстр и выгоняет из больницы стариков.

Я не случайно упомянула публикацию в «БГ». Попытка представить дело так, что власти пытаются «расплатиться» с тобой огромной больницей, из которой выгоняют пенсионеров, выглядит логичным продолжением кампании в СМИ и соцсетях вокруг твоей персоны. Острую реакцию вызвала, во-первых, твоя деятельность по эвакуации из зоны боевых действий на территории ЛНР и ДНР тяжелобольных детей, граждан Украины. Во-вторых, твое участие в подготовке митинга 4 ноября, организованного властями. Тебя обвинили в коллаборационизме и фактически похищении украинских детей с целью вывоза их на территорию России, страны-агрессора.

Я знаю про эти обвинения. Это бред, который мне неприятно, некогда и не хочется комментировать. Интервью тебе — первое и последнее на эту тему. Я отвечу на все вопросы, но не из желания оправдаться, а потому, что кампания, развернутая несколькими людьми и поддержанная многими другими, может привести к тому, что вывоз детей из Донецка законным путем станет невозможен. А это означает простую вещь: эти дети останутся там умирать.

Чтобы дать читателям возможность разобраться во всей этой истории, нам придется вернутся к ее началу. Как получилось, что ты и твой фонд стали заниматься донецкими

детьми?

Информацию я получила через Совет по правам человека. Еще в марте, в самом начале конфликта, до военных действий, я отправилась в Донецк с представителями Комитета солдатских матерей. Тогда в Донецке было захвачено здание областной администрации.

Какова была цель вашей поездки?

Комитет солдатских матерей хотел выяснить, есть ли среди тех, кто захватил здание, российские призывники. Моя цель была попасть в больницы, узнать, достаточно ли они оснащены, чтобы оказывать первую помощь раненым. Спросить местных врачей, нужна ли помощь и какая.

Какое впечатление произвел на тебя город?

Это было начало апреля, стоял страшный холод, лил проливной дождь. Мы прилетели на самолете и пробыли четыре дня. Донецк — красивый город. Обстановка в нем тогда была странная, но еще довольно спокойная: по улицам ходили люди с плакатами «ДНР», какие-то военные, люди с оружием и т. д. Мы жили в богом забытой гостинице, до которой буквально добрались пешком. Встретили журналистов, которых тогда единицы там были. Элла Полякова из КСМ занималась своей работой, я — своей. Мне предстояло оценить гуманитарную ситуацию. Я узнала, какие в городе есть больницы, и пошла разговаривать с врачами. Оказалось, что с лекарствами, перевязочным материалом и т. д. у них полный швах. Например, в областной больнице мне сказали, что у них нет противогангренозных сывороток, причем их нет уже двадцать лет.

Кто именно это тебе сказал?

Врачи. Фраза звучала буквально так: «Двадцать лет у нас не было сывороток, вакцин и т. д. У нас все это отсутствовало. Двадцать лет мы жили в несказанной нищете». Еще они сказали, что именно нищета, крайняя бедность большинства жителей является причиной того, что происходит, вооруженного протеста, захвата зданий.

Ты говорила с врачами о политике?

Нет, политики мы касались минимально. Скажу больше, не только среди врачей, но и в городе я не заметила каких-то «антизападэнских», как сейчас модно говорить, призывов. Я ни от кого не слышала призывов «мочить, убивать». Люди говорили: «Мы за свободу, равенство, братство». Все это напоминало старые фильмы про революцию. Я спрашивала донбасских медиков, как давно у них нет вакцин. Записывала, что надо им привезти. Санитарки мне кричали: «У нас шприцев нет, понимаете? Больные покупают себе все, даже одноразовые пеленки и

контейнеры для анализов! Вот до чего довели!» Было очевидно, что там накопился огромный социальный протест. Мне твердили о том, что лекарств нет вообще, единственный выход для больных — ехать на консультацию в Киев, но это очень сложно и дорого. Я записала все их нужды, и мы вернулись в Москву. А буквально через несколько недель был захвачен донецкий аэропорт.

В следующий раз в Донецк ты поехала поездом?

Еще один раз успели слетать самолетом. Потом ездили поездом. Сначала поезд ходил до Донецка. Сейчас уже не ходит, железную дорогу разбомбили, приходится ехать до последней оставшейся целой на пути следования станции, потом на машине. А тогда да, мы прилетели еще на самолете и привезли гуманитарную помощь, то есть, собственно, те лекарства и материалы, о которых меня просили врачи.

Эти лекарства и т. д. были закуплены на средства «Справедливой помощи»?

Да. Оказывать помощь больницам Донецка — это была наша частная инициатива. В связи с начинавшимися боевыми действиями вакцины, поставок которых не было многие годы, понадобились в Донецке в удвоенном, а потом в удесятеренном количестве. А где врачам их было взять? Законы в связи с наступлением военного времени никто не меняет, Россия в начале конфликта никакой помощи не оказывала, наши гумконвои еще телились, никто туда не ехал.

Насколько я помню, тогда тебя поддержала Элла Памфилова?

Да, она купила нам билеты в Донецк и обратно. Я объяснила Памфиловой: «Элла Александровна, там катастрофа. Если будут раненые, у врачей нет противостолбнячной сыворотки, противогангренозной сыворотки, кровоостанавливающих. У них нет жгутов, даже самых примитивных средств оказания первой помощи». Собрала 200 кг груза. На киевской таможне его не захотели пропускать целиком, тогда мы поделили то, что везли, пополам: половина Киеву, половина Донецку. Это было в мае.

Как возникла тема детей?

Тема детей возникла на заседании Совета по правам человека, когда обсуждалось знаменитое письмо одного из членов СПЧ Путину о том, считать присоединение Крыма аннексией или не считать. Предстояло бурное обсуждение этих формулировок, а пока оно не началось, я попросила слово. На заседании присутствовал Вячеслав Володин. Я сказала, обращаясь в том числе к нему: господа, до того как вы начнете обсуждать то, чего я совсем не понимаю, я бы хотела вас проинформировать о том, что в Донецке как не было лекарств, так и нет. Но самое главное,

там появились раненые дети. Есть дети, пострадавшие от взрывов, есть дети, которые подрываются на минах, и т. д. Я напомнила, что город Славянск находится под жесточайшим обстрелом. И предложила им: «Давайте сделаем поезд милосердия, чтобы вывозить раненых, прежде всего детей. У вас же есть РЖД».

Ты попросила у них поезд?

Да. Я была наивная, думала, они дадут. И я буду на этом специальном поезде забирать раненых детей. К тому моменту из Донецка стали уезжать люди, кто мог. И я сказала им на том заседании: «Понимаете, богатые уедут всегда. Бедные не уедут, им некуда ехать». Про статус беженца никто ничего не знает, украинские границы трудно пересекать. Часть жителей в ополчении, часть пропала без вести, часть — вдовы. Есть дети, у которых умерли отцы-матери, их бабки взяли под опеку. Кстати, я была потрясена тем, какое количество в Донецке бабушек, которые взяли под опеку тяжелейших умственно отсталых детей, от которых все отказываются.

Что значит «бабушки взяли»?

Это их внуки. Дети их детей, отказники. Например, ребенок от рождения так сильно болен, что родители отказались от него, отдали в дом ребенка. А бабушка взяла, растит и ухаживает за ним. Почему-то таких случаев было очень много в Донецке… На заседании СПЧ я рассказала о всех этих больных, раненых, беспомощных детях. Меня волновал только этот вопрос.

Удалось ли тебе его решить?

Я сказала все, что считала нужным. Дальнейшие дискуссии меня не волновали. Я просто сидела, соблюдая протокол. А когда все кончилось, уехала. Спустя два часа мне поступил звонок. Сказали, что звонят от Вячеслава Володина, что мой рассказ на заседании его очень тронул. И меня просят завтра прибыть по указанному адресу. К назначенному времени я приехала в АП. Меня встретили Володин, Морозов, Хабиров и Леонтьева. Они дали мне телефоны Минздрава и сказали, что если я хочу и в состоянии вывозить из Донецка раненых и тяжелобольных детей, то я могу начать это делать. Они сказали, что московские и российские больницы примут этих детей. А АП поможет с дорогой.

Возникали ли в такой конфигурации какие-либо сложности с законодательством Украины?

Нет.

Но эти дети являются гражданами Украины.

Да, это так. Поэтому сирот я передаю украинцам — харьковской стороне. Всех сирот без исключения. В Москву я вывожу детей только в сопровождении одного или обоих (это

редкость) родителей. Все документы, паспорта, доверенности у них всегда в полном порядке. Я не вывезла в Россию ни одного украинского ребенка без сопровождения его матери или отца.

Сколько детей-сирот ты передала украинской стороне и каким образом это было сделано?

Тридцать три ребенка-сироты были вывезены через Славянск под огнем — буквально — и переданы мной украинским военным и представителям администрации Харькова. Об этом много писали и говорили.

Как проходила твоя первая поездка в Донецк за детьми?

Самым обычным образом. Сначала я продумала алгоритм, логистику. Созвонилась с врачами Донецкой области, они дали список раненых и тяжелобольных детей. Список был согласован с российским Минздравом. Минздрав дал разрешение на госпитализацию всех этих детей. По-моему, их тогда было девять. Я купила буквально вагон СВ, в который погрузила вместе с собой всех этих детей и их родителей. Среди детей были раненые, инвалиды I группы, то есть инвалиды уже по ранениям. Остальные — тяжелобольные дети, которые нуждались в срочной госпитализации. Все дети были с мамами, только один раненый ребенок ехал с дедушкой, потому что больше никого из родственников у него уже не было. Я их вывезла в Россию, положила в больницы и подумала, что на этом — все. Я не представляла, что будут убивать так много детей… Что среди них будет так много раненых.

Что ты сделала, когда стало понятно, что убивают много детей?

Мне стали писать из Донецка. Врачи просили: приезжай за детьми, вывози еще. Это оказалось востребованным. Я села в поезд и поехала. А уже когда приехала, столкнулась с необходимостью вывозить сирот.

Что это за сироты? Откуда ты вообще узнала о них?

Сначала мне написали из Краматорского дома ребенка. Потом люди из Киева обратились: помоги. У меня много контактов среди врачей в Киеве. Несколько лет назад я создала там первый хоспис. В общем, я пошла на трехсторонние переговоры и сказала: я сама стану посредником, который вывезет с территории ДНР и передаст украинским официальным лицам детей. Мне сказали: ты сошла с ума, в Славянске идут чудовищные бои. Но другой дороги, кроме как через Славянск, не было. По-другому детей вывезти было невозможно. Я сказала военным и тем и другим: я сумею договориться, все сделаю, вы только не стреляйте. В результате мы передали тридцать три ребенка-инвалида первой группы из детского дома Краматорска в

четыре дома ребенка в Харькове.

Как именно ты перевозила детей? Насколько я поняла, единственная дорога была через передовую?

Да, именно так. Детей я перевозила партиями, в течение двух суток. Этому предшествовал довольно сложный переговорный процесс. Сначала на меня вышел чиновник, занимающий большую должность в АТО. Он сказал, что готов сделать все для того, чтобы дети из Краматорского дома ребенка не пострадали. О них тогда очень много писали. В Краматорске есть аэропорт, вокруг которого тогда шли ожесточенные бои. Там была страшная ситуация. Дом ребенка рядом с этим аэропортом. И дети с тяжелейшими диагнозами просто глохли от взрывов.

Чиновник из АТО сам вышел на тебя?

Он позвонил, когда я находилась в Донецке. Я сказала: дайте мне передать детей. Он согласился. Следующим этапом были переговоры с ДНР. Я сказала: дайте мне возможность через воюющий Славянск вывезти тридцать три неизлечимо больных ребенка в Харьков. Потому что у вас война, а там этим детям будет чуть-чуть получше. Вопрос решался очень тяжело, согласовывалось все: от маршрута до времени проезда. Кроме всего прочего, в тот момент как раз упал малайзийский «Боинг».

На чем ты вывозила детей?

На машине «скорой помощи». По пять — восемь детей за «ходку». Я не взяла ни врача, ни помощника, был только шофер. Я понимала, чем мы рискуем, что может произойти. Дай Бог здоровья шоферу, который сказал: я пошел на это только потому, что у меня самого дети. С этим шофером — его звали Толик — мы разговаривали только на пути обратно. Когда ехали с детьми, молчали.

Перемирие действовало до темноты. Мы брали каждый раз все больше детей. Сначала я взяла пятерых. Потом поняла, что условия перемирия не соблюдаются. Нас не бомбили, но стреляли по сторонам. Когда я из окна нашей «скорой» увидела первые трупы, стала звонить и тем и другим. Я объясняла, что мы так не договаривались, мне обещали не стрелять. Я была такая наивная дурочка!.. Помню, как позвонила одной из сторон из машины и говорю: «Послушайте, вы же сказали, что не будете стрелять, а я вот сейчас еду и вижу, два трупа в штатском лежат. В гражданской одежде лежат люди теплые, я же вижу, их только что убили!» Мне отвечают: «Успокойся! Скажи, где находишься?» Мне им очень трудно было объяснять, где я нахожусь. Какой блокпост прохожу? Там же лес! А если вылезти и начать спрашивать у встречных военных, какой это, извините, блокпост, можно получить пулю. В общем, шофер Толик сказал: «Такие вопросы

задавать не надо. Какой блокпост мы проходим — никому не интересно». И мы дальше молча поехали.

Все тридцать три ребенка были переданы мной харьковскому губернатору. Я просила, чтобы не было военных, но тем не менее военные были, и танки тоже.

Почему ты хотела, чтобы военных не было?

Потому что дети людей в форме боялись. Они под пулями ехали молча, но начинали истошно кричать на блокпостах, во время проверок. У меня же не было опыта проезда чертовых блокпостов!..

Как получилось, что вы сбились с пути?

Мы возвращались обратно, с последней «ходки», в первый день. Уже без детей. Было темно. Мы заблудились, заехали в лес. Вдруг я увидела сигнальные ракеты. Я говорю Толику: «Нас ждут. Газуй!» Толик газанул, и тут раздались выстрелы. Я кричу: «Ложись!» И мы легли друг на друга на переднем сиденье. Лежим, кругом темно, холод страшный. Вроде тихо, я даже к двери потянулась… Но тут они шмальнули так, что я ногой вышибла эту дверь! В машине зажегся свет. Я кричу: «Толик, вылезай!» Он спрашивает: «Зачем?!» Я говорю: «Потому что это гранатометы!» — я уже тогда по звуку научилась различать. «Толик, — говорю, — я хочу, чтобы нас с тобой хотя бы по моей туфле опознали, потому что если мы останемся в этом реанимобиле, от нас даже следов не найдут, по ДНК будут идентифицировать». И Толик наконец открыл дверь… Наверное, этим мы спасли себе жизни. Стрельба прекратилась, нас увидели, вышли военные, допросили, потом показали, куда ехать. Я не скажу, что над нами издевались, когда допрашивали. Они просто таких непуганых идиотов никогда не видели! Сказали: вы едете без опознавательных знаков. Вы понимаете, что мы могли стрелять не в землю перед машиной, а по стеклу?!» Толик только крестился, а я говорила: мне очень холодно. И еще: «Запомните меня, я завтра вернусь».

Ты вернулась?

Да. Толик уперся: «Завтра не поеду». Я говорю: «Толик, у нас еще шесть детей осталось. Я пятерых возьму, в корзину посажу, на пол поставлю. А самого тяжелого повезу на руках». — «Подожди, мы еще даже не вернулись, — твердил обстрелянный Толик. — Мы не вернулись, давай завтра поговорим, ладно?» И тут мы слышим дикий крик военных: «Стойте!» Толик тормозит и спрашивает: «Ты паспорт показывала?» Я говорю: «Да». Он спрашивает недоуменно: «А я?» — «И ты вроде показывал…» И тут перед нами стали скручивать растяжку. Военные забыли ее с дороги убрать перед нашей машиной. Я спрашиваю: «Толик, что

это они делают?» А Толик говорит: «Я чуть не всрався».

Ты раньше видела растяжки с минами?

Нет, растяжку я увидела первый раз в жизни. Это проволока, а на ней налеплены вот такие блюдца. Растяжку убрали, и мы благополучно приехали в дом ребенка Краматорска. Там хотели оставить нас ночевать, но не было никакой воды. А мне было необходимо помыться. Я сказала: «Послушайте, я просто описана детьми, извините за подробности, вся. На меня стошнило несколько детей. Отвезите меня, пожалуйста, в Донецк, мне нужно помыться!» Когда я вернулась в Донецк, было пять утра. Я вымылась, надела чистую медицинскую пижаму. Мне оставалось перевезти пять детей. Уже к девяти утра я поехала с этими детьми и в два часа дня вернулась в Донецк, передав тридцать три ребенка харьковской стороне со всеми документами и историями болезнями. Мы до сих пор помогаем домам ребенка в Харькове, где эти дети содержатся. И будем помогать, пока они растут. Потому что я очень к ним привязалась… Я их не забуду никогда.

Как реагировали военные на блокпостах, которые вас досматривали, когда видели детей в машине?

Некоторые досматривали грубо, другие относились к нам хорошо. Помню, одна девочка очень хотела в туалет. Она кричала, сидя в корзине: «Хочу писать!» Мне ее рекомендовали при передаче как тяжело умственно отсталую. Я знала, что ее зовут Надя. Говорю: «Надя, давай мы тебе дадим памперс. Писай!» Она говорит: «Не буду, потому что Сергей Иванович сказал, что писать под себя нельзя». Тогда, чтоб ее отвлечь, я говорю: «А давайте песни петь?» Почему-то я в первую ходку не сообразила, что пение детей отвлекает, а они потом прекрасно пели «Чебурашку», «Голубой вагон»… Нас остановили ополченцы на очередном блокпосту. Я говорю одному из них: «Извините, я не могу выйти из машины, вокруг дороги у вас все заминировано. Можно, девочка пописает?» Боец ошарашенно спросил: «Куда?!» Я говорю: «В коврик, я сама вылью, помою. Понимаете, она не писает в памперс». Надо было видеть его взгляд! А Надя моя надрывается: «Хочу писать, мама!» У них такой дом ребенка, где всех женщин зовут мамами. А она самая дисциплинированная — в памперс ни-ни. Я сказала военному: «Отвернитесь». И Надя пописала в резиновый коврик… Ополченцу тому было лет пятьдесят. Он сказал: «Вы одевайте девочку, а коврик дайте мне, я вылью». А когда коврик возвращал, говорит: «Не уезжайте». Мы с Толиком напряглись. А он принес апельсинов, шоколадок — короче, всего, чего нельзя этим детям. Но он отдал все, что у них с товарищами было. Сказал: раздай, может, они покушают…

Моменты передачи тобой детей губернатору Харькова

кто-то фиксировал, снимал?

Да, была военная съемка. Она сохранилась. Когда я смотрела на эти кадры, то не верила, что я — это я. До сих пор не верится, что все это удалось.

Как события развивались дальше?

Дальше все было не так драматично — без взрывов и стрельбы. Из Донецка мне стали поступать списки раненых и больных детей, которые по договоренности отправлялись с родителями в Москву, на лечение, потом обратно домой. Работал алгоритм: я еду за детьми, привожу, их лечат в наших больницах. Тех, кого уже вылечили, я отвожу обратно, когда еду за следующей партией.

Какие документы требуются, чтобы ребенок выехал на лечение из Донецка в Москву?

Родители должны подготовить доверенность на вывоз, выписку из истории болезни, паспорт или свидетельство о рождении ребенка. Эти документы я пересылаю в Минздрав. Минздрав немедленно дает место. Я распечатываю документ Минздрава, беру письмо от Памфиловой, удостоверяющее, что у меня миссия по вывозу раненых и больных детей. С этими документами еду в Донецк. Забираю ребенка с одним родителем. Все.

Кто платит за их билеты?

Мой фонд.

В чем конкретно заключается помощь сотрудников администрации президента?

Во-первых, они страхуют меня на пути по России. Но их возможности простираются только до границы с Украиной. Дальше я совершенно бесправное существо, которое могут допросить, арестовать, расстрелять — все что угодно. Но в России, на каждой станции, когда я везу больных деток обратно, я могу вызвать «скорую помощь» и сказать: мне нужен срочно реанимобиль — и он будет. Есть консул, который встречает каждый поезд с детьми при выезде из Донецка. Во-вторых, и это самое главное, по распоряжению АП Минздрав предоставляет бесплатное лечение и высокотехнологическую помощь, в которой эти дети нуждаются самым отчаянным образом. Приведу пример. В Донецке разбомбили водонапорную станцию. И дети остались без гемодиализа. Когда я забирала предыдущую партию раненых детей, ко мне подошел отец ребенка, который проходил гемодиализ. Он спросил: «Скажите, ваших возможностей хватит, чтобы вывести моего сына? У нас скоро совсем не будет воды, а моему ребенку для гемодиализа требуется 200 литров воды в день, два раза в неделю». Я сказала: «Хорошо, не волнуйтесь», но

не подумала о том, что все это случится на самом деле.

Ты вывезла этого ребенка?

Да, его и других, нуждавшихся в этом виде лечения, успела! Потому что четко работает алгоритм. Если бы все здравоохранение так работало, у нас была бы лучшая в мире медицина. Я делаю всего три шага: отправляю запрос, получаю разрешение, складываю чемодан в расчете на десять дней и еду…

Но твои поездки в Донецк обычно бывают короче — дня три-четыре.

Я никогда не знаю, вернусь ли я вообще и когда вернусь.

Сколько всего детей ты вывезла из Донецка на лечение в Москву с начала конфликта по сегодняшний день?

36 детей. Из них 20 получили лечение и уехали домой.

То есть обратно на войну?

Да, на войну. Но для них это семья, дом. Есть момент, о котором я никогда не говорила и который меня абсолютно поразил. Война разделяла семьи. В семье не всегда один ребенок. У меня были семьи, где еще трое или пятеро детей, которые оставались у бабушки, пока мать ехала с ребенком в Москву в моем вагоне на лечение. Меня потрясло то, как они прощались. Когда дети, которых я увожу с одним из родителей, садились в автобус, они не плакали. У меня дети плакали, и даже орали, только в моменты, когда видели оружие. Прощаясь с родными, дети прикладывали ладошки к стеклам. А их отцы, бабушки, которые провожали, прижимали свои большие ладони к маленьким детским — только через стекло, с другой стороны. Они стояли, окружив грязный автобус, с прижатыми к стеклам руками, словно держали, не отпускали его. Эти люди знали, что, возможно, последний раз видят своих детей. И плакали — а я должна была не плакать одна. Автобус потом так и ехал — весь в следах ладоней на запыленных стеклах, словно в каких-то метках. Скажу честно, я многое видела в жизни и на этой войне, в том числе раненых детей, но страшнее этих «ладошек» не было ничего.

На сегодняшний день твоя миссия выполнена или ты будешь продолжать вывозить больных детей из Донецка?

Я буду вывозить их, пока война не кончится. Или пока меня не убьют. Потому что они не выживут там. У них нет других шансов.

Лиза, сейчас мне нужно спросить тебя о том, о чем не хочется спрашивать. Речь пойдет о крайне резкой критике, я не хочу употреблять слово «травля», которой ты подверглась в связи со своей деятельностью.

Мне тоже не хочется об этом говорить. Но я буду.

Я здесь выступаю в качестве интервьюера, и мое дело — задавать вопросы. Но ты моя подруга, и я позволю себе только одно оценочное суждение, прежде чем мы вернемся в границы объективности. Вакханалия вокруг тебя поразила меня даже не выдающимся хамством или абсурдностью обвинений, а удивительной эстетической цельностью.

Ты не могла бы выражаться попроще?

Проще, если бы кто-нибудь решил написать труд или снять кино в лубочном жанре «Жизнь преподобной Елизаветы среди мудаков», то коронный эпизод назывался бы «Поношение святой корпулентными мужчинами гуманистических убеждений». Я так и вижу приятные лица г-д Коха, Быкова и иных негодующих «пашей эмильевичей» среди языков адского пламени на иллюстрациях а-ля Босх…

Тебя они тоже теперь не простят.

Я, безусловно, очень расстроюсь… Но перейдем от высокого искусства к фактам. Либеральная общественность вменяет тебе в вину прежде всего то, что ты поддержала митинг 4 ноября, организованный «Единой Россией». Это так?

Это был антивоенный митинг с участием всех политических партий.

Почему ты стала одним из его организаторов? Это была твоя инициатива? Тебя вынудили? Если так, то как процесс принуждения происходил?

Меня никто ни к чему не вынуждал. Я не принимала участия ни в митинге, ни в его организации и подготовке.

Тогда почему ты за него агитировала?

Я не агитировала. Между поездками в Донецк мне позвонили из администрации президента и сказали: «Будет антивоенный митинг. Вы не против подписать письмо?» Я говорю: «Если против войны, я первая подпишу».

Ты ходила на этот митинг?

Конечно нет, я в Донецке была. Когда позвонили и попросили подписать письмо, я спросила, кто будет участвовать в митинге. Мне сказали: все партии. «Гражданская платформа» в том числе. Я не состою в этой партии, но я член ФГК. Я спросила, кто еще подписал письмо. Они ответили: в том числе Лео Бокерия, Сергей Готье. Я сказала: «Вернусь и подпишу». Что и сделала.

В интервью «Правмиру» ты сказала, что не видела в Донецке и окрестностях российских военных.

Я действительно их не видела, потому что не различаю военных, которые находятся в Донецке. Украинских военных от донецких я отличу разве что по флагу или нашивкам, если таковые есть. Если я вижу украинский флаг, я знаю, что это

украинская нацгвардия. Если я вижу флаг ДНР, я знаю, что это ДНР. Если увижу батальон «Айдар», то не идентифицирую его, потому что не знаю, какой у него знак. Кстати, все военные говорят по-русски. Ну, почти все.

Но если ты не различаешь принадлежность войск, зачем ты заявила, что не видела российских?

Потому что это правда. Меня спросили, видела ли я российских военных. Я честно сказала: «Нет, не видела». Я что, наблюдатель ОБСЕ или военный корреспондент?! Почему я должна опознавать войска, когда везу раненых детей на уазике до Константиновки через блокпосты?! Гостиница, областная больница, дети, их истории болезни, машина, путь длиной три с половиной часа туда и обратно. Это все, что я там вижу.

Восприняла ли ты звонок из администрации президента по поводу митинга и необходимость отвечать на вопрос про российских военных в Донецке как попытку властей получить с тебя некую плату за то, что тебе предоставили возможность вывозить больных и раненых детей с воюющих территорий?

Нет, никакой «платы» с меня не требовали. Если бы я не хотела подписывать письмо, я бы не подписывала. На вопрос про войска я ответила правду.

Как ты думаешь, почему Вячеслав Володин решил помогать тебе в вопросе с детьми?

Мне трудно судить о нем: Володин не очень многословный человек. Собственно, мы виделись всего несколько раз — на том заседании и на других, связанных с Советом по правам человека. Он просто дал мне в помощь людей, которые работают с ним. Я не знаю, нравится это этим людям или не нравится, но не было ни одного раза, когда кто-то из них сбросил бы мой звонок или что-то сделал не так. Я думаю, Володин стал помогать мне просто потому, что у него самого есть дети.

По-твоему, это достаточная причина? Но у твоих самых активных критиков, например г-на Коха или г-на Пархоменко, тоже есть дети. И это обстоятельство отнюдь не заставляет этих мужчин все бросить и проситься волонтерами в ваш с Толиком уазик. Совсем наоборот.

На том заседании СПЧ, где был Володин, я рассказала несколько конкретных историй про раненных в Донецке детей. Например, о мальчике, у которого была в буквальном смысле декапитирована мать, когда был взорван их панельный дом. Плитой женщине оторвало голову. Мальчик до сих пор не знает, что его мамы нет в живых, заходит на ее страничку в Фейсбуке и говорит: «А вот это моя мама, очень красивая». Мама несла своему мальчику молоко, в этот момент упал снаряд, ей оторвало

голову, ее хоронили в закрытом гробу. А мальчика завалило обломками дома, он пять часов пролежал под плитой. Этого ребенка я не могла вывезти две недели, он был на искусственной почке.

Мальчик был инвалидом?

Нет, не был. Но он им стал, потому что на него упала огромная бетонная плита, под которой он провел пять часов! Плита упала на животик, на бедра, ноги… Думали, что мальчик погибнет. Его обнаружили, когда была объявлена минута тишины. Дед обнаружил. Есть видео на *YouTube*, как его из-под плиты доставали. Спасение этого ребенка в Книгу рекордов Гиннесса должно войти — настолько сложно это было. Дед его в больницу отвез. Врачи в Донецке мне сказали: «Ребенок погибнет, если у нас останется, ему нужна высокотехнологичная помощь, которую мы не в состоянии оказать». На заседании СПЧ я обратилась к Володину, я сказала: «Вячеслав Викторович, дайте мне возможность вывезти этого ребенка». Еще я рассказала про девочку пятнадцати лет, занимающуюся танцами, редкую красавицу. Она гуляла с мальчиком, которого убило при бомбежке в Горловке. Тогда было убито 63 человека. Среди них двое новорожденных и их матери: бомбить стали настолько внезапно, что они не успели спуститься в подвал. Моей красавице-девочке огромный осколок вошел в бедро, оторвал мышцу, но она в шоке добежала до бомбоубежища, где ей была оказана первая помощь. Вот у меня были эти двое тяжелых раненых детей. С ожогами, с осколками. И мне не давали их вывезти.

Кто не давал?

Дети были практически нетранспортабельны. Чтобы сохранить им жизнь, мне нужна была четкая договоренность с больницами в Москве, которые их возьмут, и возможность избежать сложностей на границе. То есть все сделать максимально оперативно. Володин дал указание Минздраву, РЖД и т. д. все это обеспечить конкретно этим детям и другим раненым и больным. Я вывезла детей, и они живы. Вот и все.

Твой рассказ замечательно иллюстрирует главное обвинение либеральной общественности в твой адрес: чтобы вывезти с войны больных и раненых детей, ты просишь помощи у тех, кто развязал эту войну и поддерживает ее. А потом эти люди тебя используют, вынуждая сотрудничать с ними, поддерживать их митинги и т. д. Что ты можешь ответить на эти обвинения?

Я считаю, что если Володин и другие люди из власти, кто помогает мне, сделали что-то скверное в своей жизни, то, спасая

от смерти Богдана, Ксению, Машу, Колю, Васю, Данилу и остальных детей, которые бы гарантированно погибли там, под бомбежкой, они купили себе место в раю.

Очень спорная позиция.

Какая есть.

Видишь ли, произнося такую вещь, ты, с твоей репутацией, даешь этим людям индульгенцию, то есть возможность и дальше грешить, в данном случае — совершать действия, направленные на продолжение этой войны, приводящие к гибели сотен, возможно, тысяч детей, единицы из которых ты спасаешь с их помощью. То есть ты становишься орудием, с помощью которого они покупают себе место в раю, как ты сказала. Причем покупают ЗАДЕШЕВО! Цена вопроса — просто позволить Глинке поехать на войнушку, под бомбы, спасать каких-то детей. И это спишет злодеям все грехи — ты сама убеждаешь их в этом…

Это, безусловно, серьезная нравственная коллизия. Но извини, на ее анализ у меня нет ни сил, ни времени, ни желания. У меня есть конкретная цель. Моя задача — вывезти раненых и больных детей, для того чтобы они получили квалифицированную бесплатную помощь, теплую одежду, еду и запас медикаментов. И мне все равно, как это будет сделано.

Это означает, что одного ребенка ты будешь спасать любой ценой?

Абсолютно! Любой ценой, я подчеркиваю и везде говорила об этом и буду говорить. Буду спасать любой ценой, с кем угодно буду договариваться, куда угодно вывезу, хоть в Китай! Лишь бы жил. Потому что не я давала эту жизнь этому ребенку. И если кто-то ее отнимает, не мое дело разбираться, зачем и почему. Потому что я врач. Мое дело — вытянуть его из ада и положить в нормальную больницу.

Тебя можно упрекнуть в том, что творя добро, ты умножаешь зло.

Я спасаю детей. Почему это называется умножением зла?! Я решаю свою задачу. И эта задача — вовсе не борьба с кровавым режимом. На двери моего подвала не написано: «Фонд Доктора Лизы по борьбе с Путиным». Если Кох, Пархоменко, Быков и т. д. хотят бороться с Путиным, пусть борются. Но только с Путиным, у которого власть, армия, ОМОН, а не со мной и умирающими детьми! Они хотят добиться смены власти? Отлично, пусть работают! Пусть рискуют жизнью, идут за свои убеждения в тюрьму, выходят героями, выводят на улицы миллионы сторонников, воодушевленных их смелостью и героизмом. Пока воодушевляться, по-моему, нечем. Разве что смелым

разоблачением в Фейсбуке Глинки, которая украла детей и ворует деньги, которые доверчивые граждане жертвуют ей. Стыдно, господа! Я получала этой осенью диплом по уличной медицине в Америке и Ирландии. До этого — изучала паллиативную помощь в США. Там меня научили, что благотворительность должна быть прежде всего эффективной. Поэтому, если я ставлю задачу спасать детей, я использую все средства и возможности, создаю алгоритм и решаю ее. И если для спасения детей нужно рисковать жизнью, я на это готова, что доказала много раз. Те, кто обвиняет меня в связях с «преступной властью», не готовы рисковать жизнью и своим благополучием. В этом причина их неудач и бессилия. Я только не понимаю, зачем в таком случае тратить на Путина, и меня заодно, свою жизнь? Пойдите займитесь чем-то другим. Цветочки выращивайте, вышивайте крестом… К тому же, видимо, мои критики вообще не понимают, как работают благотворительные организации в мире. Мы работаем с данностью, с тем, что уже есть. Например, крупнейшие западные фонды десятилетиями отправляют продовольствие и медикаменты в Северную Корею в огромном количестве. Поддерживают ли эти фонды преступный режим Ким Чен Ына? Разумеется, да! Но они делают это, чтобы десятки тысяч людей не умирали с голоду. Помощь конкретным людям в бедственном положении, независимо от их убеждений, политической принадлежности, независимо от того, преступники это или нет, независимо ни от чего, просто потому что это ЛЮДИ, — вот задача благотворительной организации. Война в Донецке, в Донбассе уже ЕСТЬ. Быков, Кох и кто там еще не смогли ее предотвратить. Они не в состоянии ее остановить — войну не остановить бессмысленным сотрясением воздуха. В отличие от Володина, они не могут даже пальцем шевельнуть, чтобы помочь спасти раненых и больных детей. Они вообще ничего не могут, даже помолчать, когда не спрашивают.

В связи с волной критики в твой адрес многие заинтересовались твоей биографией. Нашли в ней интересные подробности. Ты замужем за американцем и, вроде бы, даже родственница Поскрёбышева, секретаря Сталина…

Мой муж — американский гражданин, имеющий вид на жительство в России. Он — практикующий российский адвокат. У меня трое детей. Это все, что я хочу чтобы обо мне знали. После случившегося скандала моя семья попросила не разглашать никакую личную информацию. Могу только сказать, что я не внучатая племянница Поскрёбышева и вообще не родственница ему. Моя мама была врачом, папа — военный.

Как твой муж, преуспевающий юрист, относится к твоей деятельности? В фонде ты постоянно имеешь дело с самыми маргинальными категориями населения, а в твоих поездках за детьми тебя вообще могут каждую минуту убить. Твоему мужу, наверное, непросто со всем этим смириться, как мужчине.

Да, ему сложно, я понимаю. Но и он понимает, что я просто не могу не поехать за этими детьми! Что будет гораздо хуже, если я останусь. Я вообще не могу представить, как можно тут сидеть, когда там такое. Я имею в виду детей. Мой муж понимает, что меня остановить невозможно, я так или иначе поеду. Наверное, объяснение состоит в том, что он любит меня.

Когда и при каких обстоятельствах ты организовала «Справедливую помощь»?

Это было восемь лет назад. Я приехала в Москву из США, потому что у меня умирала мать. Моя мать умирала тяжело и мучительно. Полтора года. Я оказалась здесь абсолютно одна. Вообще не знала, как справляться с этой ситуацией. С меня брали огромные деньги за лечение: мама лежала на аппарате искусственного дыхания в госпитале Бурденко. Мне намекали, что аппарат можно отключить, мама не жилец, это так и было, но я сторонник все-таки жизни, а не эвтаназии. Мама не могла дышать, но еще пожимала мою руку, могла узнавать меня. Я оставила в Америке детей и была со своей мамой каждый день в течение полутора лет. До первого апреля, когда у нее остановилось сердце. Я не сняла ее с аппарата, она умерла сама. Я организовала фонд, пока мама еще лежала в больнице. Я, наверное, сделала это, чтобы не сойти с ума. Потому что у нас в реанимацию запускают два раза в сутки: в восемь утра и в шесть вечера. Я ходила к маме, а в промежутках работала с бездомными. Со мной работали волонтеры. Так я познакомилась с Антоном Красовским, потом с тобой.

Ты познакомилась не только с нами. Те, кто обвиняет тебя в самопиаре и стремлении сделать политическую карьеру на теме благотворительности, говорят о том, что ты принимала помощь от высокопоставленных чиновников, олигархов и т. д. Ты работала с Мироновым, сейчас работаешь с Прохоровым, тебе помогает лично Володин. Ты сознательно пользуешься покровительством этих людей в обмен на пиар?

Во-первых, я не делаю никакой политической карьеры. Я вне политики, я не член какой-либо партии. В «Гражданской платформе» я вхожу в ФГК как эксперт. Во-вторых, мой фонд готов принять помощь от всех, кто может и хочет ее оказать. Если

мои критики захотят мне ее оказать, я буду рада. Но пока вместо этих морально безупречных людей мне помогают небезупречные Миронов, Прохоров, Володин. И я им искренне благодарна.

В чем состоит твоя деятельность в ФГК «Гражданской платформы»?

Когда обсуждаются некоторые программы партии, меня спрашивают, что я считаю правильным или неправильным. Я честно вникаю. Например, когда я прочла медицинскую программу Прохорова, сказала ему: «Вы людоед». Он говорит: «А кто еще?» Я говорю: «И чудовище, потому что платную медицину в том виде, как вы нарисовали, может нарисовать только людоед или чудовище. Я сотрудничать с вами не буду».

Прохоров обиделся?

Он взял эту программу, отдал мне и сказал: «Переделайте, как считаете нужным».

Ты переделала?

Да. Внесла поправку, что старики и дети лечатся бесплатно.

В отчете организации «Справедливая помощь» за 2013 год написано, что шесть из девяти миллионов пожертвований она потратила на собственное содержание. Почему такая пропорция?

Люди, которые подняли наш отчет, забывают, что в 2013 году у меня пропало 2 миллиона 300 тысяч в Мастер-Банке. И что, слава Богу, на других счетах осталось более 3 миллионов, которые были потрачены уже в начале 2014 года. Закон не заставляет меня тратить все сразу, особенно на целевые программы.

2 миллиона 300 тысяч тебе вернули?

Нет, не вернули. У меня их украли. К сожалению, я не знала, как отразить этот факт в отчете. Эти деньги мы потом восполняли из личных средств моего мужа. Увы, мы это не отразили в бумагах. Мы не отражаем то, что вложили сами, из своего кармана.

В отчете также указан очень существенный расход на охрану.

Охрана у меня круглосуточная, не военизированная, «Витязь». И она стоит ровно столько, сколько стоит. Можно поднять все счета, аудиты — в них все идеально. Ты была у меня в фонде и понимаешь, что круглосуточная охрана там необходима и из-за приходящих ко мне бездомных, психически больных, неадекватных товарищей и т. д. Кроме того, у меня становится все больше «доброжелателей». Их я опасаюсь больше, чем бездомных и психически больных. Раньше я никого не банила в соцсетях, теперь стала банить.

Почему?

Потому что в результате поднявшейся волны мне пишут: «сука, сдохни» и «пусть дети твои сдохнут», «хоть бы снаряд на тебя упал с твоими детьми». Мне отвратительно это читать.

Ты сейчас сказала о том, что меня крайне удивило в реакции либерально, гуманистически настроенных людей на историю с вывозом тобой детей из Донецка. Никто из них — а среди них есть журналисты — не захотел разобраться в том, что в реальности происходит. Узнать, например, что дети выезжают в Россию и возвращаются обратно вместе с родителями. Напротив, выпадам против тебя были присущи убежденность в твоей вине, доходящая до абсурдности, кликушества, хамства. Мне показалось, что ты задела некую болевую точку, вызвав у твоих критиков даже более острую реакцию, чем сама власть и Путин. Как ты думаешь, почему?

Наверное, я для них — Путин. Наверное, таким они видят Путина, я им его напоминаю… Я не хотела этого говорить, но скажу. Болевая точка, о которой ты упомянула, называется импотенция, мужская несостоятельность. Почему женщина ездит на войну за детьми, а мужчины поливают ее за это дерьмом, сидя дома, в Москве или Германии, в тепле на диване?! Я даже ответить на их обвинения по существу не могу. Как я могу отвечать людям, которые не в теме, не понимают, чем я занимаюсь? Я скажу так: «Господа критики, хотите пожурить меня? Так приезжайте в Донецк, давайте там с вами пообщаемся. Или поезжайте вместо меня, спасите детей, сделайте это лучше, чем я! Ну, давайте! Я не права, а вы знаете, как надо? Так что вас останавливает? Возраст? Вранье! Украинцы пропускают через границу мужиков с русскими паспортами в возрасте от 50 и старше. Или пересекайте границу через Европу. В любом месте можете пересечь, взять с собой трех детей и этим спасти им жизни. Пересекайте, вывозите, делайте хоть что-нибудь, мать вашу! Почему вы ничего не делаете?!» Ведь, если вдуматься, это уму непостижимо — как можно попрекать спасенными жизнями?! Мужчинам — женщину попрекать! Вам что, лучше было бы, если бы дети, которых я вывезла, умерли? Если бы умер Никита Тепляков, нуждавшийся в пересадке почки, которого я вывезла поездом благодаря Володину, я не стесняюсь этого сказать. Вам что, легче бы жилось? Вы бы получили возможность написать пост: «Кровавый режим Путина задавил Никитку Теплякова». Или умер бы Куденко или моя Лена, которой пересадили кожу, и она как танцевала, так и будет танцевать. Она даже не хромает! Или умер бы Богдан с полностью раздробленным тазом, матери которого бетонная плита отсекла голову? Кому от его смерти

лучше бы стало?!

У меня остался только один вопрос. Зачем ты все это делаешь? Ты можешь жить в Америке, радоваться общению с семьей, наслаждаться благополучием и спокойной жизнью, которые давно заслужила. Я понимаю, что есть внутренняя потребность помогать, что можно и нужно спасать детей и т. д. Но помогать и спасать, когда тебя за это еще и ругают последними словами, — это какой-то мазохизм. Если не ради будущих дивидендов, серьезной политической карьеры — зачем терпеть все это?

Наверное, потоки оскорблений и лжи, с которыми я сталкиваюсь, спасая детей, — это цена, которую необходимо заплатить за их жизни. Даром такие вещи не даются… Каждая спасенная, выхваченная из ада войны жизнь — это перелом хода вещей, предотвращение уже почти свершившегося зла. Существует мера, цена, которую я должна заплатить: мне нужно не только поехать и вынуть детей «оттуда», из-под снарядов и пуль, но и «здесь» пройти через пробивание камнями, публичное унижение. И знаешь, если за все эти «мразь» и «сука» в мой адрес Бог даст мне возможность спасти еще хотя бы одну жизнь, я согласна. Я приду к тебе в гости, поплачу и перетерплю.

Глеб Глинка
После слов

«Любить значит жалеть, и если наслаждение тела соединяет, души соединяет боль».

Мигель де Унамуно.

«О трагическом восприятии жизни»

Меня попросили добавить несколько слов о Елизавете. Я разделил с ней свою жизнь, она мать моих детей, единственная жена, с которой я обвенчался, не разлучался и жил бок о бок три десятка лет. Писать о Елизавете и тем самым признавать, что она не вернется, мне удается с трудом.

О себе, о своей работе, она сама прекрасно писала, рассказывала — как в этой книге, которую вы держите в руках. И при жизни, и после ее гибели о ней много говорили, и вряд ли я смогу добавить что-то новое. Но все же я согласился засвидетельствовать, от себя, некоторые примечательные стороны ее трудов и дней.

О нашей совместной жизни я не буду распространяться. Мы всегда держали ее работу и публичную ее жизнь отдельно от наших супружеских и семейных отношений. Это не было сознательным, обдуманным решением, а, как мне кажется, естественным желанием с ее стороны оставить себе что-то исключительно свое. В итоге у нас сложился твердый, незыблемый, хотя и негласный, пакт — нашу личную жизни мы не будем выставлять напоказ. Она — наша. Только теперь, когда Елизавета ушла в вечность, я обнаружил, как мало существует фотографий, где мы вместе, вдвоем. Спасибо тем близким знакомым, которые такие фото мне прислали.

Елизавета была самым светлым и добрым человеком, которого я в жизни знал, и самым духовно близким. Она воплощала беспредельную доброту и любовь к людям. И действительно пропускала каждого несчастного, обреченного, убогого, увечного, безнадежно больного, погибшего через саму себя. Сердце у нее было огромное, всеобъемлющее, всеохватывающее. Любила она не на словах, а на деле. После себя

Елизавета оставила бесчисленное количество тех, кому она помогла, кого выручила, поддержала, спасла. Только за последние три года она вывезла более 500 тяжелобольных и раненых детей Донбасса из-под бомбежки на лечение в Москву. Множество материалов о ее подвигах и о ней самой собрано в том числе в ряде документальных фильмов и на сайте http://www.pawlick.ru/projects/doctor_liza/index.htm.

И творила она добро без принуждения, а с удивительной радостью и легкостью. Она свободно и всем существом улыбалась, очень любила смеяться. Вообще Елизавета отличалась невероятной способностью радоваться как ребенок, отдав себя полностью этой радости. И радовалась она больше всего, когда ей удавалось кому-то помочь, облегчить боль, развеселить, рассмешить, поддержать, выручить из беды и впоследствии напутствовать, вернуть надежду, человеческое достоинство.

Она гордилась, даже хвасталась тем, что «ее» бездомные были самые ухоженные, самые шикарно одетые и обутые, носили вещи самых модных производителей. Объясняла она это тем, что жены олигархов, когда обнаруживали похождения своих мужей, собирали весь их гардероб и приносили Доктору Лизе для нуждающихся в ее подвал, убивая сразу двух зайцев. И мне, признаться, было сложно дарить ей подарки в праздники или ко дню рождения — мой ей подарок вполне мог оказаться передарен ее знакомой или даже незнакомой, которую она захотела обрадовать.

Она была — по крайней мере до последних лет, когда военные действия на Украине продолжались без конца и неустанная травля ее не утихала, — веселой и даже немного хулиганкой. Могла разыграть кого-то. Помню, как она меня убедила изменить голос и позвонить одному нашему общему знакомому в Штатах, откровенному антисемиту, и попытаться якобы собрать у него пожертвование на создание еврейской бейсбольной команды «Лехаим». Елизавета рядом так сильно смеялась, что пришлось срочно прервать разговор.

В то же время она могла быть предельно холодной, даже жестокой, когда защищала интересы беспомощных. И находчивой, и очень настырной. Вместе с тем она ничего не боялась, была совершенно бесстрашна. Например, несколько лет назад, возвращаясь домой с работы, она увидела, что в соседнем с нами заброшенном здании, куда поселились гастарбайтеры, начался пожар. Елизавета выбежала из машины, прихватила случайного прохожего и втроем вместе с пожарным вошла внутрь и вытащила взрывоопасный газовый баллон. Затем, по ее требованию, они вернулись в горящий дом за вторым баллоном, о котором ей

рассказал один из гастарбайтеров. Пока ждали «скорую», Елизавета на тротуаре оказывала первую помощь мужчинам и женщинам, которые выбежали из дома или выпрыгнули из окон второго этажа. Я узнал об этом позже, совсем случайно, когда проболтался водитель с ее работы.

Вместе с тем была очень женственная, любила веера, кружева, оборки, плетеные корзины, лаванду, брошки с камеями, классические шелковые нитки жемчугов с узелочками между жемчужинами и вообще изящные старомодные женские принадлежности.

Мне немного странно, когда спрашивают, как вы с ней жили, сколько это требовало терпения и т. п. Мы познакомились в Москве в начале перестройки, и через неделю мы уже знали, что всю жизнь проведем вместе, обвенчаемся, создадим семью, никогда не расстанемся. Не договаривались, не обсуждали, просто знали, без слов, как знали, что завтра будет новый день. Кроме самых последних выходных, когда она погибла, она всегда выходные дни проводила дома, летом мы ехали на дачу или путешествовали, навещали детей в Штатах или собирались у нас, ходили в театр. Елизавета была замечательная, внимательная жена, прекрасная, заботливая мать нашим детям. Любила готовить, заниматься ароматерапией, сажать цветы и копаться в саду. Никогда она ни в чем не отказывала, никогда, принципиально, что, конечно, накладывало всю ответственность на меня — не просить того, что ее могло огорчить. Мы были вместе очень счастливы.

У Елизаветы был неисчерпаемый запас любви. Весьма характерно, что когда в 2006 году у ее матери, Галины Ивановны, случился инсульт, и она впала в длительную кому, лежала полтора года без сознания в институте Бурденко, Елизавета приходила к ней каждый день, два раза, утром и вечером. Медсестры сначала утверждали, что это пройдет со временем, так по первости ко многим близкие приходят, а потом все реже и реже. Ничего подобного. Более того, Елизавета полтора года каждый вечер покупала, в каком-то особом магазине, мамино самое любимое мясо и с утра проворачивала через мясорубку, чтобы кормить через зонд. Как врач, Елизавета прекрасно понимала, что мама никакого вкуса не воспринимает. Специалисты института категорично утверждали, что Галина Ивановна ничего не слышит, ничего не чувствует. А Елизавета постоянно с мамой общалась, была уверена, что она ей отвечала, слегка подергивая мизинцем. Когда Галина Ивановна скончалась, весь персонал отделения вышел попрощаться с ней, а заведующий вскоре стал президентом «Справедливой помощи»,

благотворительного международного общественного «фонда» Доктора Лизы.

Еще меня нередко спрашивают: как Елизавета стала такой? Да она всегда такой была, *sui generis*. У нее был Божий дар лечения, облегчения, утешения. Были у нее, безусловно, предшественники, образцы поведения, но она такой родилась.

В первую очередь, конечно, на нее влияла ее православная вера, которую она старалась особенно не афишировать. Она назвала свой Дом милосердия в Москве в честь Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), но категорически настаивала, что помогать будут всем без исключения. (В хосписе, которой Елизавета основала в Киеве, она даже потребовала заменить первого священника за его нетерпимость.) Особую связь она ощущала и со Святой преподобномученицей великой княгиней Елисаветой Федоровной. В ней удивительным образом сочетались опыт и воспитание ее советского детства с настроем и ценностями старой русской эмиграции, с которыми она познакомилась, когда жила за рубежом. Но это, как и знакомство с другим отношением и иным подходом к тем, кто выброшен из общества, только дало ей возможность шире проявить себя. Также она нередко вспоминала своего дядю Александра Колесниченко, типаж чеховского врача, педиатра, старообрядца, образованного, тонкого московского интеллигента до мозга костей, блестящего диагноста (как и сама Елизавета), но с трагической советской судьбой. Очевидное влияние оказывала и ее мама, которая тоже была врачом, работала в Четвертом управлении, но безоглядно помогала всем, не только больным, всегда. Несколько раз мы с Елизаветой вместе посещали могилу доктора Федора Гааза на Введенском кладбище в Москве.

С годами, когда ее полюбил народ, она стала притягивать к себе самых разных людей: добрых, любопытных, потерянных, корыстных и бескорыстных, блаженных и весьма приземленных, и они, конечно, помогали ей по разным причинам. Кое-кто сам непосредственно нуждался в ее медицинской, психологической, материальной помощи или просто человеческой теплоте; кое-кто был обольщен ее славой, хотел находиться около нее, «понять» ее; кое-кто искал через нее «смысл жизни» для себя; а кто-то ее просто любил. Их мотивы, как и любые теоретические вопросы благотворительности, ее меньше всего волновали, если только человек готов был эффективно работать, существенно помогать. Елизавета все равно ко всем относилась так же по-доброму, прощала все, хотя не очень понимала подобные личные или метафизические поиски, когда можно найти радость, облегчая и помогая другим. Слава, скорее всего, ее раздражала, и принимала

она свою расширяющуюся известность как послушание. Журналисты подтвердят, что она нередко срывала интервью или выступление, когда поступал вызов на работу, очередной звонок, так как любая просьба помочь была для нее по определению неотложной. Она себя так вела, как мне представляется, не потому, что все мы равны, а потому, что каждый создан в образе и подобии Божием.

В ее безграничном терпении и способности объять столько чужого страдания и горя было действительно что-то сверхчеловеческое. Чужое утешение, счастье, облегчение были ее личной радостью, и в несчастии никто не был ей чужим. Елизавета лечила людей как врач и лечила своею добротой. И ее больные, и врачи, которые с ней работали, в один голос утверждали — она была, в полном смысле, врач от Бога. Она была невероятно проницательной и абсолютно честной. Она могла перепутать даты, факты, с уверенностью свернуть направо, когда надо было налево, но в отношении себя и окружающих у нее было рентгеновское зрение: она видела людей насквозь. И благодаря этому она и была прекрасным диагностом, психологом, могла помочь там, где другие были беспомощны.

Елизавета каким-то чудесным образом, интуитивно, на ощупь, находила подход к самым разным людям, знала, что сказать, подбирала нужные слова. Преодолела сопротивление и убедила прекратить политическую голодовку и депутатов Олега Шеина из Астрахани, и даже Надежду Савченко из Киева, успешно понуждала самых высокопоставленных лиц из власти помогать тем, кому не помогал никто, настраивала обеспеченных людей на поддержку заключенных, бездомных, смертельно больных. Так как действительно воспринимала и любила их, носила в себе, и люди это чувствовали.

Еще при жизни, в православных кругах, ее, бывало, называли святой. Ей сильно не нравилось, когда ее так звали. Она всем напоминала, что какое-то время курила, использовала и нецензурные слова, и тюремный жаргон. Как метко заметил один наш знакомый, она делала все, чтобы ее так не воспринимали. Она хотела, чтобы люди не сосредоточивались на ней, а обращали внимание на ее подопечных.

Елизавета, несмотря на то что могла быть и очень жесткой и непреклонной, защищая своих несчастных, действительно сама была не совсем от мира сего. У нее все получалось каким-то чудесным образом. Я человек трезвый, как требует моя профессия, даже весьма скептичный, но вот это я могу утверждать безоговорочно — она подчас творила невероятное. Возвращала людей к жизни своею добротой.

Была ли Елизавета святою или нет, конечно, не мне судить, но то, что в ней была святость, я совсем не сомневаюсь. Она обладала какой-то непонятной силой, как будто извне.

Когда на похоронах выносили ее гроб, люди по пути крестились и падали на колени.

Хотя она легко и быстро располагала к себе людей всех сословий, были и те, у кого она вызывала откровенную ненависть. Видимо, добро, сострадание, милосердие не только вдохновляют, но могут в ком-то пробуждать и обратное, свое противоположное. После 2014 года в соцсетях начали появляться омерзительные, чаще всего псевдонимные, посты, которые с демонической энергией Елизавету разоблачали и обвиняли в немыслимых злодеяниях, вплоть до воровства детей с Украины и продажи их на органы, писали мерзости о нашей семье, даже о наших детях и родителях. Мелкие бесы, одержимые ненавистью, завистью и обидой, убежденные, что ничего бескорыстного в России делаться не может, что любое добро — это ширма. Сначала Елизавета эту травлю не замечала, одновременно и жалела, и презирала их. Потом, когда ей уже третий год приходилось вывозить покалеченных детей из мест боевых действий на лечение в Москву, она на вопрос журналиста, чего бы вы хотели больше всего на свете, ответила прямо, «чтобы было так, как до войны».

Елизавета не выдержала не только масштаба беды («Я не представляла, что будут убивать так много детей… Что среди них будет так много раненых», — сказала она в интервью Ксении Соколовой), не только ее продолжительности — три длинных года, но в первую очередь того, что это не последствия стихийного бедствия, физических или психических заболеваний, разорения, личной или социальной катастрофы, а это то, что люди творили намеренно друг с другом, в том числе с детьми, инвалидами, сиротами, стариками, больными, беспомощными — умышленно причиняли страдания невинным. С этим она не смогла смириться, такое не смогла через себя пропустить. И 25 декабря 2016 года Господь ее забрал.

Елизавета, моли Бога о нас.

Фотографии

Фото О. Баженова

Родители Петр Константинович и Галина Ивановна Поскрёбышевы. 1960-е.

Паша и Лиза Поскрёбышевы и двоюродный брат Андрей Колесниченко.

Лиза. Москва, 1964.

Александр Иванович Колесниченко, «дядя Саша».

Лизе 3 года. «Пока мама была на дежурстве, я лечила своих кукол».

Рига, 1984.

Венчание Елизаветы Поскрёбышевой и Глеба Глинки. Бостон.

Со старшим сыном Костей. Вермонт, 1987.

С младшим Алешей. Вермонт, 1991.

Елизавета и Глеб Глинки, Наум Коржавин, Сергей Коковкин, Фазиль Искандер, Булат Окуджава. Вермонт, 1995.

Сыновья Алеша и Костя. 1994.

Киевский хоспис

Пациенты хосписа слушают концерт Баха для виолончели в исполнении Мстислава Ростроповича.

С Сашей Худяковым, «Кулибиным».

Кабинет Елизаветы Петровны. Халат с надписью *Hospice Elizabeth Glinka* — подарок мужа.

В детской палате.

* * *

С мамой Галиной Ивановной. 1988.

С Верой Миллионщиковой, основателем и главврачом Первого московского хосписа.

Первый московский хоспис. Фото И.Гаврилова

Косово, 2005.

«Справедливая помощь»

Выезд на Павелецкий вокзал (в коробке вещи для бездомных). Ноябрь 2007.

Подвал на Пятницкой. Новая «скорая» ко дню рождения. На фото: Рустам Рустамов (водитель), Елизавета Глинка, Сергей Курков (врач-онколог), Зухра Орипова (волонтер), Елена Никульникова (заместитель исполнительного директора). Февраль 2012. Фото А.Журкиной

Патронажная служба, осмотр на дому. Июль 2007. Фото О.Баженова

Павелецкий вокзал

Фото И.Питалева / РИА Новости

Фото Е.Волчкова / ТАСС

Фото О.Баженова

Фото О.Баженова

Ее ждали каждую среду… Фото О.Баженова

Павелецкий вокзал. Июль 2010. Фото О. Баженова

Наталья Авилова, пресс-секретарь «Справедливой помощи».

Врач Дмитрий Седых.

Рустам Рустамов, Наталья Авилова, Николай Беляков, Елизавета Петровна, Евгения Валентиновна (Кляча), Дмитрий Седых, Руслан Васильевич, волонтеры Сергей Волков, Евгений Карпов, Артем, Марина.

Николай Беляков, ответственный за безопасность.

Первый прыжок с парашютом. 2009.

Илья, приемный сын. 2014.

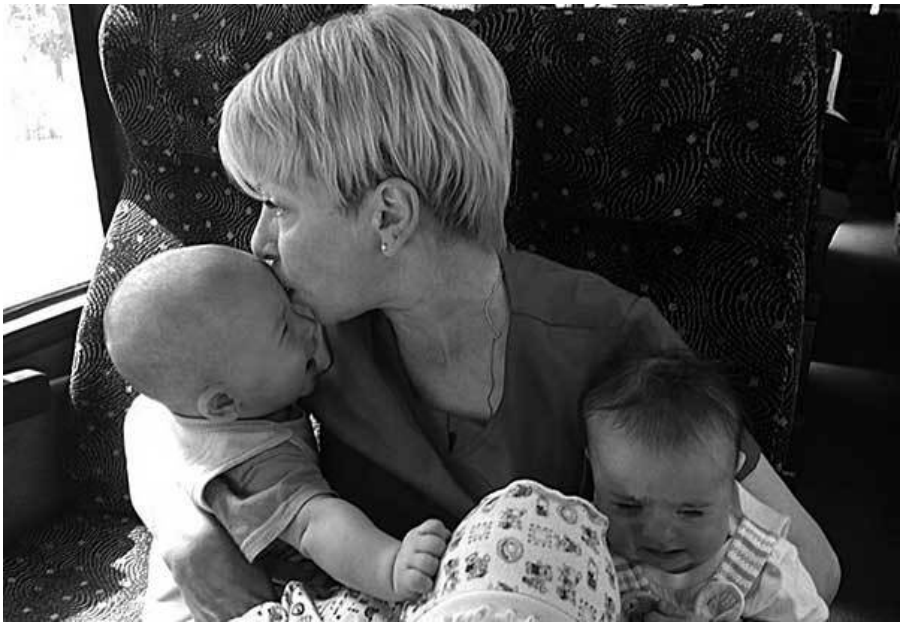
На свадьбе старшего сына Константина (второй слева) с Алексеем и Глебом Глебовичем Глинкой. 2016.

С Ксенией Соколовой в поезде на Донбасс. Декабрь 2014.

С только что избранным мэром Екатеринбурга Евгением Ройзманом. 2013. Фото И.Буценко

На вручении Государственной премии за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности. 2016. Фото А.Никольского / РИА Новости

Донбасс. Эвакуация больных и раненых детей из зоны боевых действий. Фото Р.Ситдикова / РИА Новости



«Не трогай снаряд, гранату, мину!» Елизавета Петровна напечатала тысячи таких предупреждающих плакатов для детей Донбасса.

В самолете МЧС с детьми, вывезенными из Донецкой области на лечение в Москву. Фото В.Матыцина / ТАСС

Доктор Лиза Глинка (1962–2016). Фото В.Матыцина / ТАСС

notes

Примечания

1

http://doctor-liza.livejournal.com

2

В сентябре 2001 г. по инициативе Елизаветы Глинки в Киеве при городской онкологической больнице на улице Верховинная был открыт первый бесплатный хоспис для неизлечимо больных и организована патронажная служба, обслуживавшая пациентов на дому.

3

Муж Елизаветы Петровны (в девичестве Поскрёбышевой) — Глеб Глебович Глинка, гражданин США, адвокат, сын поэта, прозаика и литературного критика Глеба Александровича Глинки, потомок Сергея Николаевича Глинки, двоюродного брата композитора Михаила Глинки. В 2005 г. Глеб Глебович и Елизавета Петровна жили в Вермонте вместе с сыновьями Константином, который родился еще в Москве, и Алексеем, родившимся уже в США.

4

К IV клинической группе относят больных с доказанными злокачественными опухолями, которые по тем или иным причинам не подлежат специальному противоопухолевому лечению, но подлежат лечению паллиативному.

5

Имеется в виду благотворительный центр для бездомных «Стефания», открывшийся в 1998 г. в Киеве на территории завода «Вулкан».

6

Борщаговка — район на западной окраине Киева.

7

Иваненко Владимир Григорьевич, многократный чемпион и рекордсмен Европы и мира по пауэрлифтингу (поднятию тяжестей), с ноября 2007 г. — народный депутат Верховной Рады Украины VI созыва от блока Юлии Тимошенко.

8

Отдельный хосписный корпус на двадцать пять пациентов при киевской городской онкологической больнице в Святошино открылся в январе 2008 г.

9

Эхолалия — неконтролируемое автоматическое повторение слов, услышанных в чужой речи.

10

Аппарат для проведения высокоточного одномоментного облучения различных патологических образований головного мозга.

11

Протоиерей Георгий Пустовит — настоятель храма в честь апостола евангелиста Иоанна Богослова в поселке Песковка (Украинская православная церковь Московского патриархата). Познакомился с Елизаветой Петровной в 2004 г. и с тех пор окормляет пациентов киевского хосписа.

12

Сведения, полученные при медицинском обследовании путем опроса самого пациента.

13

Искусственно созданное отверстие в дыхательном горле, в котором находится специальная (трахеостомическая) трубка.

14

Алексей Калачев с 2001 г. работал вместе с Елизаветой Глинкой вторым врачом в киевском хосписе. Впоследствии возглавил его, заняв должность заведующего отделением паллиативной медицины при Киевской городской онкологической больнице.

15

Смертельный диагноз этого пациента впоследствии не подтвердился.

16

Это первая из публикуемых здесь записей, которая относится к московскому периоду. В 2007 г., приехав из США в Россию и оставшись в связи с тяжелой болезнью матери, Елизавета Глинка создала международную общественную организацию «Справедливая помощь». Ее сотрудники и добровольцы ухаживают за умирающими и тяжелобольными пациентами, обеспечивают их лекарствами и медикаментами; кроме того, обеспечивают едой, доврачебной медицинской помощью и билетами до дома бездомных на московских вокзалах и проводят еженедельный ужин для бездомных и неимущих в офисе МОО «Справедливая помощь» на Пятницкой улице.

17

Мать Елизаветы Глинки, Галина Ивановна Поскрёбышева (в девичестве Колесниченко) родилась 4 ноября 1935 г. Посвятила себя медицине, работала в системе IV управления, позднее стала телеведущей, написала множество популярных книг по кулинарии. В октябре 2007 г. после инсульта впала в кому и провела полтора года в клиническом госпитале им. Бурденко.

18

Галина Швец, сама выросшая в приюте, усыновила маленького брошенного Илью в 1994 г. В 2008-м Галина умерла от рака, а Илья Швец был усыновлен второй раз. Его приемной матерью стала Елизавета Глинка.

19

Жуляны — киевский аэропорт.

20

Через четыре дня его не стало.

21

Калька с английского — *It makes me sad.*

22

Иван Кашников — первый врач «скорой помощи», работал до декабря 2007 г.

23

Павел Сафронов — первый водитель «скорой помощи».

24

Александр Иванович Колесниченко (1937–1991) — дядя со стороны матери. Талантливый врач-педиатр. Оказал огромное влияние на Елизавету Петровну, в том числе и как глубоко верующий человек, старообрядец. Елизавету крестили в Москве в старообрядческом храме.

25

Накануне автобус православной службы «Милосердие» — первый в Москве передвижной пункт помощи бездомным — был обстрелян неизвестными из пневматического оружия.

26

Первоначально офис «Справедливой помощи» в Москве находился на улице Варварка, а затем был перенесен в подвальное помещение дома № 17 на Пятницкой улице.

27

Сергей Петрович Курков — врач-онколог, друг и соратник Елизаветы Петровны. В начале нулевых работал в Первом московском хосписе, где и познакомился с Глинкой. Зимой 2007 г. пришел в «Справедливую помощь» и проработал там до декабря 2016-го.

28

Егор Шацкий — водитель и личный помощник Елизаветы Петровны. Работал в «фонде» с 2008 по 2012 гг.

29

Отец Елизаветы Глинки — Петр Константинович Поскрёбышев (1932–2009), военный инженер, подполковник, занимался разработками радиолокационного оборудования. Вопреки слухам, он не был родственником заведующего особым сектором ЦК А. Н. Поскрёбышева.

30

Александр Мельников — врач-волонтер, который в то время периодически помогал Елизавете Петровне.

31

Сергей Волков — начальник службы безопасности «фонда», доброволец.

32

2 августа 2010 г. «фонд» «Справедливая помощь» открыл оперативный штаб помощи пострадавшим от лесных пожаров, который занимался сбором и доставкой продуктов, одежды, медикаментов и предметов первой необходимости погорельцам и оборудования для добровольных пожарных.

33

7 декабря 2010 г. в Московском международном Доме музыки состоялся II Благотворительный фестиваль творчества детей и молодежи с ограниченными физическими возможностями «Свет надежды», посвященный Международному дню инвалидов. Фестиваль проводился при поддержке Совета Федерации и Правительства Москвы. Инициатором фестиваля выступил творческий коллектив «Ангелы надежды», объединяющий талантливых детей и молодежь с нарушением слуха.

34

Из интервью, которое первый замсекретаря президиума Генсовета «Единой России» Андрей Исаев дал ИТАР-ТАСС после акции протеста на Болотной площади 10 декабря 2011 г.

35

«Розовый талон» — направление на бесплатное лечение в столичной больнице, необходимое для всех иногородних пациентов.

36

Речь идет о ток-шоу Андрея Макарова «Свобода и справедливость», в котором принимали также участие уполномоченный по правам человека в городе Москве Александр Музыкантский, член Общественной палаты РФ Александра Очарова, психолог Наталья Толстая, начальник Отдела соц. помощи бездомным гражданам Департамента соц. защиты населения города Москвы Андрей Пентюхов, член Молодежного общественного совета при префектуре ЦАО Галина Ратникова, журналист Вадим Муравьев, депутат Государственной Думы Ольга Баталина. Программа вышла в эфир 29 декабря 2011 г.

37

16 марта 2012 г. депутат Астраханской областной Думы Олег Шеин после поражения на выборах мэра города объявил голодовку в знак протеста против грубых нарушений при подсчете голосов, имевших место, по его словам, на многих избирательных участках. Голодовка, к которой присоединились сторонники Шеина, длилась сорок дней, вплоть до момента, когда ЦИК и суд начали разбираться в нарушениях. В итоге суд отказал в удовлетворении иска Шеина, хотя Центризбирком признал нарушения на ста тридцати восьми избирательных участках из двухсот двух.

38

Владимир Акименков 1987 г.р., активист «Левого фронта», задержан и помещен под стражу 10 июня 2012 г. по подозрению в причастности к массовым беспорядкам на Болотной площади (якобы метнул древко флага в полицейского). В сентябре 2012 г. более трех с половиной тысяч человек подписали петицию с просьбой госпитализировать Акименкова, страдающего заболеванием глаз. Он был переведен в больницу СИЗО «Матросская тишина», где его состояние оценили как удовлетворительное. Сам же Владимир утверждал, что его зрение продолжает ухудшаться. Акименков был освобожден по амнистии 19 декабря 2013 г. Виновным себя не признал.

39

14 декабря 2013 г. Елизавета Глинка пронесла олимпийский факел по улице Челюскинцев в Екатеринбурге.

40

Накануне Елизавета Глинка перестала выходить на связь из Донецка, куда приехала в начале июня как член временной рабочей группы по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины. С самого начала конфликта Елизавета Петровна вывозила больных и раненых детей из зоны боевых действий на лечение в Россию.

41

Расшифровка программы на телеканале НТВ, сентябрь 2007. Ведущие: Авдотья Смирнова и Татьяна Толстая.

42

В НИИ нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко в это время находилась мать Елизаветы Петровны.

43

Речь идет об отце Георгии Пустовите.

Впервые опубликовано в издании «Большой город», ноябрь 2011. Интервью: Александр Борзенко.

45

Фрагменты передачи «Сто вопросов взрослому» (телеканал ТВЦентр), май 2013.

46

Впервые опубликовано в издании «Собеседник», январь 2011. Интервью: Ольга Сабурова.

47

Фрагменты передачи «За обедом» (телеканал «Москва 24»), апрель 2014. Ведущий: Владимир Раевский.

48

Впервые опубликовано в журнале «Сноб», ноябрь 2014. Интервью: Ксения Соколова.